

Академия наук
Казахской ССР
Институт истории,
археологии и этнографии
им. Ч. Ч. Валиханова

К. А. Акишев

КУРГАН ИССЫК

Искусство саков
Казахстана

Москва "Искусство" 1978

К. А. Akishev
ISSYK MOUND

The Art of Saka
in Kazakhstan

Moscow Iskusstvo Publishers 1978

7И
А39

Перевод на английский язык
В. А. Баскакова

Художник
Е. Е. Смирнов

Цветная фотосъемка
Ю. Д. Панкова
А. М. Макмаевского

Translated by
V. A. Baskakov

Designed by
J. J. Smirnov

Colour Photos by
I. D. Pankov
A. M. Makmajevsky

© Издательство «Искусство», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

В III-IV вв. до н. э. территорию Средней Азии и Казахстана населяли племена, известные из ахеменидских источников под собирательным именем «сака». Геродот (V в. до н. э.) и другие античные авторы называли их азиатскими скифами, отличая от скифов европейских.

Сакские племена были современниками скифов, обитавших в Северном Причерноморье и Приднепровье, и савроматов - в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, современниками персов Кира и Дария I и греков эпохи Александра Македонского. Хотя саки были взаимосвязаны со всеми этими племенами и народностями, но в наиболее тесном и прямом контакте находились с древними персами. В I-? вв. до н. э. они даже входили в состав иранской империи времени правления первых царей из династии Ахеменидов. Поэтому в ахеменидских клинописных (письменных) источниках приводятся очень немногословные, но достоверные сведения о саках. Так, в них сообщается о трех больших группах саков: саки-тигра-хауда (саки, носящие остроконечные шапки), саки-хаомаварга (саки, варящие напиток хаом) и саки-тиай-пара-дарайя (саки, которые за морем).

Геродот в своей «Истории» дает название двум первым группам сакских племен: саки-ортокарибантии и саки-амюргии. На территориях Средней Азии и Казахстана жили и другие сакские племена, такие, как массагеты, дай (дахи), исседоны и т. д., о которых также писали античные авторы.

В науке принято отождествление саков-ортокарибантии с саками-тиграхауда, а саков-амюргийских с саками-хаомаварга.

В археологической науке существует много версий о расселении саков на огромных территориях современной Средней Азии и Казахстана. Согласно одной из них на территориях Шаша (район Ташкента), Северной Киргизии и юга Казахстана обитали саки-тиграхауда. Автор данного труда придерживается этой гипотезы, однако считает, что этническая территория саков-тиграхауда включала, кроме названных областей: на западе - Южное Приуралье и на востоке - Горный Алтай.

На этой обширной территории расположено большое количество курганов. Особенно выделяется регион, включающий современное Семиречье (юго-восток Казахстана и север Киргизии) и Горный Алтай. Область эта по количеству и размерам курганов с огромными каменными и земляными насыпями не имеет себе равных, ее можно сравнить лишь с Северным Причерноморьем в скифское время.

Советскими археологами проводились и проводятся в этом районе интенсивные раскопки. Широко известны замечательные открытия в Пазырыкских (Горный Алтай), Чиликитинских (Восточный Казахстан) и Бесшатырских (юго-восток Казахстана) курганах, обогативших науку высокохудожественными изделиями изобразительного искусства из металла, дерева, ткани и уникальными памятниками древнейшей деревянной архитектуры. Удивительные находки, сделанные в этих курганах, впервые ярко продемонстрировали высокую и во многом самобытную культуру сакских племен. Грандиозность надмогильных сооружений, сложный погребальный ритуал и богатство находок свидетельствуют о величии сакских царей, о развитой социальной структуре общества.

Эта книга посвящена замечательным находкам, сделанным в кургане Иссык, раскопанном в 1969-1970 гг. Курган находился в южной части Иссыкского могильника, состоящего из сорока пяти больших курганных насыпей. В эти годы были раскопаны еще четыре больших кургана, расположенных рядом. Однако три из них оказались полностью разграбленными и не дали никаких находок. В четвертом кургане в большой четырехугольной могильной яме, стены которой были обложены крупным окатанным камнем, обнаружены человеческие захоронения. Курган также оказался разграбленным. В могиле на земляном возвышении (лежанке) находились остатки двух скелетов, ориентированных головой на запад. Среди костей собрано несколько десятков мелких золотых бляшек и обрывков листового золота, железная жезловидная заколка, обтянутая листовым золотом.

В могильнике в разные годы раскапывались и малые курганы. В них найдены две золотые серьги, украшенные вставками цветной пасты, призматической формы подвеска, орнаментированная зернью, ажурное округлое украшение, изготовленное из рифленой золотой проволоки, небольшая бронзовая подвеска в виде головы лошади, выполненная в технике

рельефа. Эти разрозненные находки свидетельствуют о том, что курган Иссык не единичное явление, а могильник в целом является местом захоронения сакской знати.

Сокровища из кургана Иссык вызвали большой интерес и получили широкую известность сразу же после открытия. Работая над иссыкским комплексом, мы параллельно с научным осмыслением вели реставрационные работы и изготовление точных копий золотых изделий, воссоздание форм головного убора, одежды и обуви и восстановление системы первоначального размещения на них предметов украшения. При этой работе были использованы сведения, извлеченные из письменных и археологических источников: сообщения античных и ахеменидских авторов о сакских племенах, скифские и сакские миниатюры на металле, рельефы Персепольских дворцов и другие. Восстановительная работа заняла три года (1971-1973). В итоге была создана уникальная модель одежды, головного убора и обуви, украшенных копиями золотых предметов. Достоверность этой реконструкции стала возможной благодаря тому, что все украшения костюма и головного убора лежали непо потревоженными в той последовательности, в которой они были нашиты на одежду погребенного.

Модель «человека в золотой одежде» из кургана Иссык является постоянным экспонатом Музея археологии Академии наук Казахстана. Она с большим успехом демонстрировалась также на Международных выставках в Лейпциге (1974), Каире (1975) и Дамаске (1976). Таким образом, результаты археологических изысканий стали достоянием широкой общественности Советского Союза и зарубежных стран.

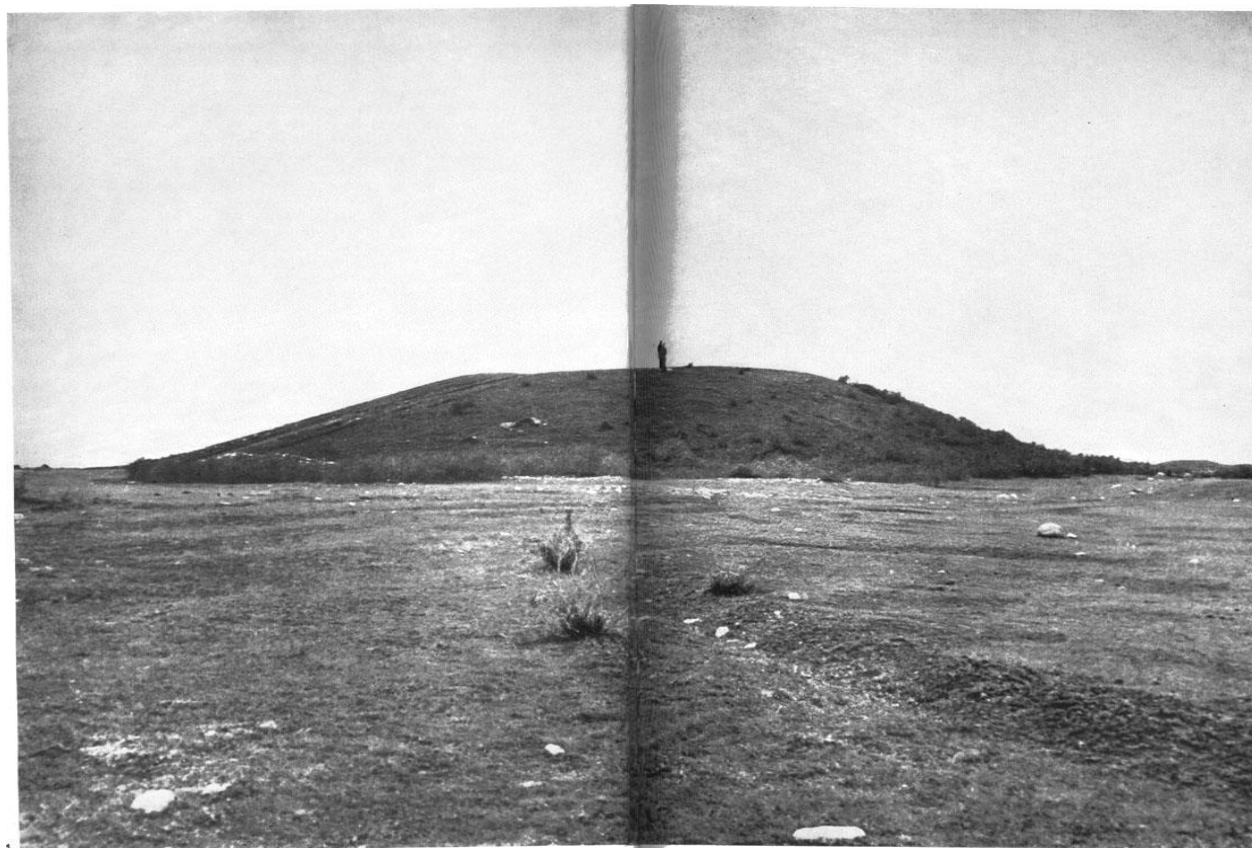
Весь большой комплекс находок из кургана Иссык впервые публикуется в данной работе. Иссыкское открытие имеет научное значение для разных направлений гуманитарных наук: истории материальной и духовной культуры, истории изобразительного искусства, истории языка и письменности. К изучению и анализу их не раз будут обращаться специалисты разного профиля знаний. Так, например, еще ждет своего первооткрывателя иссыкская надпись, очевидна необходимость узкопрофессионального исследования семантики и эволюции художественных зооморфных образов и мотивов в иссыкском искусстве, находки дадут новый толчок к исследованию генезиса скифо-сибирского искусства «звериного» стиля в целом.

Когда текст этой книги был уже написан, наш коллега, киргизский археолог В. П. Мокрынин, любезно прислал фотографии нескольких десятков бронзовых бляшек с зооморфными изображениями. Эта случайная находка, насчитывающая около ста предметов, происходит также из Семиречья, из окрестностей села Барскаун на южном берегу озера Иссык-Куль. Позднее я имел возможность изучить подлинники этих изделий. Примечательно, что среди них сохранились куски бронзовых пластин, из которых вырезались фигурные бляшки. Эти отходы производства доказывают, что барскаунские художественные изделия изготовлены на месте, а не привезены извне. Художественные образы, стиль и техника исполнения изделий повторяют некоторые типы иссыкских украшений. Находка из Барскауна укрепила наше мнение, что иссыкские предметы, выполненные в «зверином» стиле, изготовлены местными сакскими торевцами, а не являются импортом из переднеазиатских центров. Находки идентичных ювелирных изделий седиными тематическими сюжетами и образами, выполненные в одной технике в нескольких географических пунктах, удаленных друг от друга на значительное расстояние, свидетельствуют о том, что предметы «звериного» стиля из Иссыка не исключительный случай, что это высокое искусство было распространено по всему Семиречью. Более того, можно предположить существование семиреченской школы мастеров, изготовлявших предметы с изображением животных в манере скифо-сибирского «звериного» стиля, что подтверждается преобладанием в большой коллекции зооморфных образов представителей местной фауны. В то же время несомненно, что в содержании и в художественном стиле иссыкского искусства четко выделяются два пласта: самобытный (мы назовем его алтайско-семиреченским) и переднеазиатский. Последний присутствует в сакском искусстве как компонент, сформировавшийся в результате культурных связей и влияния, проникновения отдельных предметов или художественных образов в среду саков извне и, наконец, в результате подражания формам искусства Передней Азии.

В двухлетних раскопках кургана Иссык кроме автора книги, руководившего работами, принимали участие археолог Б. Н. Нурмуханбетов, выполнявший археологический надзор во время снятия насыпи кургана бульдозером. Расчистку останков захороненного, полевую консервацию некоторых предметов, зарисовку и фотофиксацию находок произвела группа инженерно-технических работников: В. И. Садомаков - инженер-реставратор, Т. В. Воробьева - художник, О. В. Медведев - фотограф, А.С.Загородний - лаборант, А. К. Акишев -

студент-практикант. За большую помощь при раскопках кургана, а в дальнейшем при обработке и консервации материалов приношу им глубокую благодарность.

Отдельные вопросы истории культуры и истории искусства, на которые проливают свет иссыкские находки, рассматриваются в книге в порядке постановки проблем для углубленного изучения их в будущем. Гарантией успеха в такой работе является уникальный археологический комплекс, не часто достаемый археологу в его трудном, но благородном и романтическом труде, в его многолетних раскопках в поисках исчезнувших цивилизаций.

Курган Иссык до раскопок
The Issyk Mound before excavations

РАСКОПКИ И НАХОДКИ

Курган Иссык. Общие данные.

Предметы искусства, оружие, посуда.
Описание находок.

Иссык и проблема хронологии

КУРГАН ИССЫК. ОБЩИЕ ДАННЫЕ.

Иссыкский курган входит в комплекс иссыкского могильника, расположенного на левом берегу горной реки Иссык в 50 км восточнее города Алма-Аты. Могильник состоял из сорока пяти больших земляных курганов, вытянувшихся с севера на юг на 3 км. Это преимущественно так называемые царские курганы. Насыпи диаметром от 30 до 90 м, высотой от 4 до 15 м на вершине имеют глубокие воронки - следы ограбления. На насыпи наиболее крупных курганов на отдельных его участках заметны скопления галечника, образовавшегося в результате грабительского выброса и вымывания поверхности насыпи дождевыми и тальными водами. Большие курганы окружены плоскими овальными выкладками из речной гальки. Изучение показало, что выкладки сооружены почти на целое тысячелетие позднее самих курганов.

Весьма примечателен археологический ландшафт, окружающий могильник. Иссыкский могильник не единственный в этом регионе, он является лишь одним из многих подобных могильников, состоящих из царских курганов, расположенных по берегам горных рек, стекающих с северных склонов Заилийского Алатау и впадающих в реку Или. На западе от него на берегу реки Талгар находится Новоалексеевский могильник¹, далее в этом же направлении - курганные могильники по берегам рек Большая и Малая Алматы, Каскелен, Курты. В настоящее время от них сохранились лишь единичные курганы. На севере и востоке - известные могильники Бесшатыр на левом берегу реки Или² и Каракемер на правом берегу реки Турген³. Царские могильники располагаются также по берегам рек Чилик, Чарын, Кегень, Каркара, северо-восточнее - по верховьям рек Каратал, Аксу, Лепсы, Аягуз, доходя до известного могильника Чиликты (Зайсанская котловина)⁴ и знаменитых Пазырыкских курганов (Горный Алтай)⁵.

Изучение показало, что все эти могильники объединяет единство основных компонентов культуры. Это единство может быть объяснено не только примерно одним уровнем социально-экономического развития, одинаковым образом жизни, но и этнической близостью племен. Возможно, последнее может быть распространено на более обширную территорию, включая Южную Сибирь и Туву. Фундаментальные исследования советских археологов С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова, Н.Л. Членовой свидетельствуют о близости культур этих обширных регионов⁶.

Иссыкский могильник ничем не выделяется из перечисленных. Знаменитым его делают находки в одном из курганов, который мы назовем «Иссык».

Курган Иссык располагался на южной окраине западной половины могильника, разделенного на две части автомобильной дорогой и крупным оросительным каналом. Диаметр кургана 60 м, высота 6 м. На вершине насыпи находилась воронка диаметром 12 м, глубиной 2,3 м. Насыпь не имела четкой структуры, но изучение ее профиля показало, что она многослойна (3-4 слоя): слой речной гальки чередовался со щебеночно-глинистой массой; вокруг центральной могилы отмечено скопление крупного окатанного камня - выброс, образовавшийся при рытье могильного котлована.

После полного сноса насыпи была произведена проверка всей подкурганной площади. На глубине 1,2 м от уровня древнего горизонта были обнаружены два захоронения: центральное и боковое (южное).

2

3

Деревянная погребальная камера
The wooden burial chamber

Завал брёвен перекрытия погребальной камеры у южной стены
Partition logs of the burial chamber of the southern wall

Погребальная камера, останки захороненного и инвентарь
The burial chamber, the remains of the buried tsar and utensils

5

Погребение после расчистки. Рисунок
The burial decorations and utensils after the clearing-up. Drawing

Центральная могила полностью деформирована из-за неоднократных ограблений. Установлены два способа ограбления; горизонтальной штольней, начинающейся с западной полы насыпи и вертикальным колодцем с вершины кургана. Возможно, ограбление способом горизонтальной штольни по времени более раннее. Люди, применившие этот способ, были вынуждены работать скрытно, в тайне от соплеменников захороненного. Но не исключено, что подземные лазы прокладывались для поисков других второстепенных захоронений. Однако боковая могила оказалась непо потревоженной, останки захороненного и погребальный инвентарь сохранились полностью.

Боковая могила находилась в 15 м южнее центральной и в 10-12 м от южной полы насыпи кургана. Погребальная камера сооружена из обработанных бревен тьянь-шаньской ели длиной от 1,5 до 3 м, толщиной 25-30 см. Размеры камеры: по внутреннему обмеру 2,9 x 1,5 м и по внешнему - 3,3 x 1,9 м.

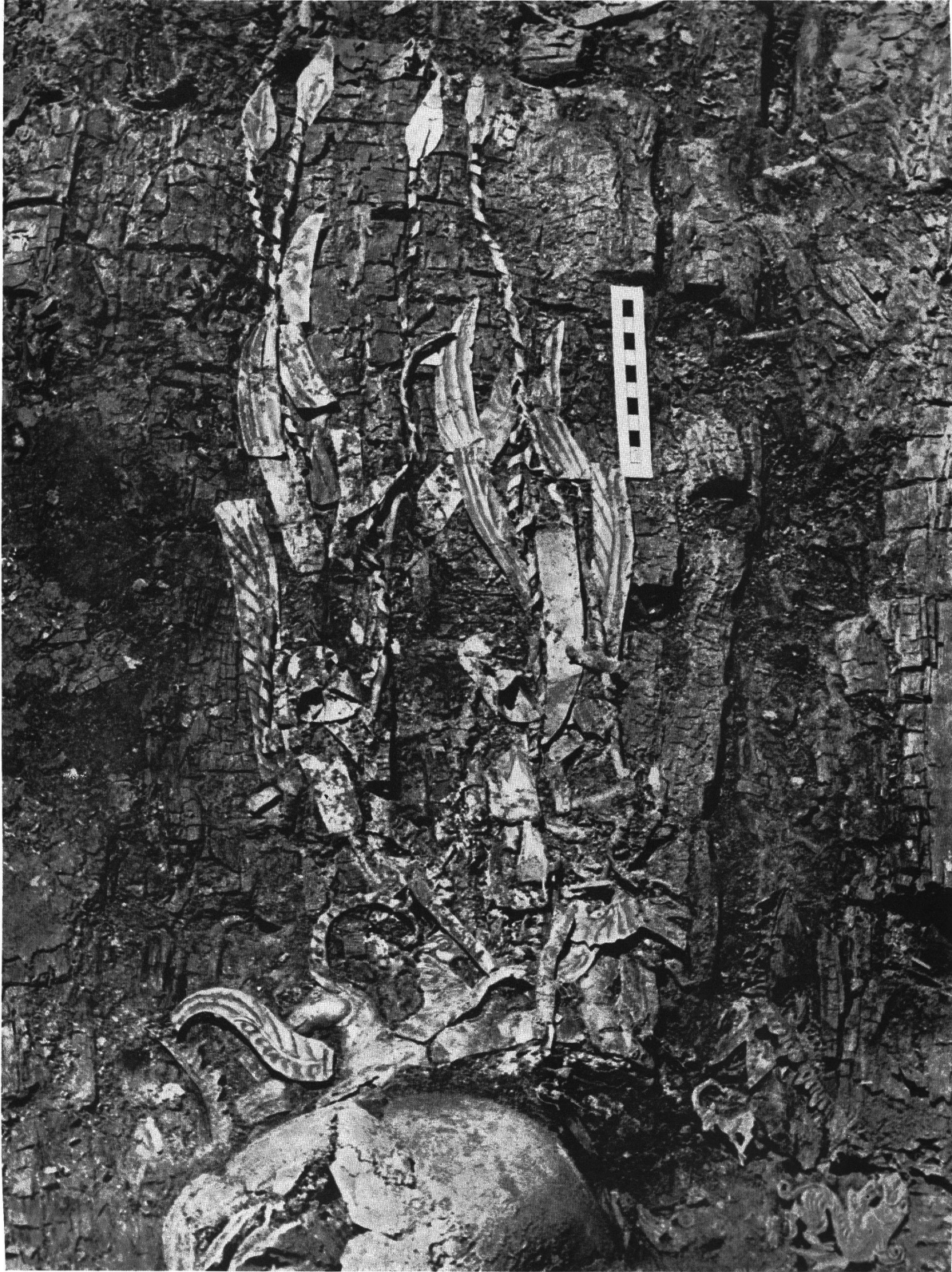
В южной и западной частях камеры была размещена посуда, а в северной половине находились останки погребенного, лежавшие прямо на дощатом полу камеры, на спине, головой на запад. Среди костей обнаружено большое количество древесной трухи и остатки железных скоб. Череп, после того как связки истлели, завалился направо. Длина костяка от черепа до пяточных костей - 165 см.

Многочисленные золотые изделия и различный инвентарь в большинстве сохранились в первоначальном положении, так, как они были размещены в могиле при погребении умершего.

Глиняные и серебряные сосуды у западной стены погребальной камеры
Earthen and silver vessels at the western wall of the burial chamber

7

Череп человека, золотые бляхи и пластины - украшения головного убора
The skull and golden plaques and plates worn as a head-dress

На костяке и под ним находились предметы украшения одежды, головного убора и обуви, изготовленные из листового золота. Около него - предметы вооружения, туалета и другая утварь.

Золотые пластины, бляхи и бляшки различных форм, украшавшие головной убор, в большинстве непо потревоженные, располагались выше черепа, занимая участок 65 X 30 см. Причем золотая статуэтка архара (дикого барана) лежала на расстоянии 65 см от черепа. Часть этих пластин валялась в беспорядке.

У черепа с левой стороны обнаружена золотая серьга. На шейных позвонках находилась золотая гривна. На костях туловища и под ними от шейных позвонков до сочленения тазовых костей с бедренными сплошным слоем лежали золотые бляхи и мелкие пронизки. Вокруг пояса, поверх этих блях - массивные четырехугольные бляхи. Вдоль больших бедренных костей мелкие золотые бляшки прямоугольной формы составляли четыре вертикальные линии. Значительное количество блях, бляшек находилось на других костях ног. Среди костей фаланг пальцев правой руки обнаружен золотой перстень. Второй перстень найден под досками пола.

С правой стороны костяка вдоль костей правой ноги лежали остатки железного меча и ножен. Около рукоятки меча найдены три золотые пронизки, две из них цилиндрические, третья кольцевой формы.

Слева между костями левой руки и туловища находился сильно коррозированный железный кинжал. От ножен кинжала сохранились две крупные бляхи-накладки и две массивные бляхи-распределители ремней. Как устанавливается по лежащей на лицевой стороне бляхе-накладке верхней части ножен, кинжал лежал в перевернутом положении. Под кинжалом, но в первоначальном положении, находились бляхи - распределители ремня. Вторая бляха-накладка, украшавшая низ

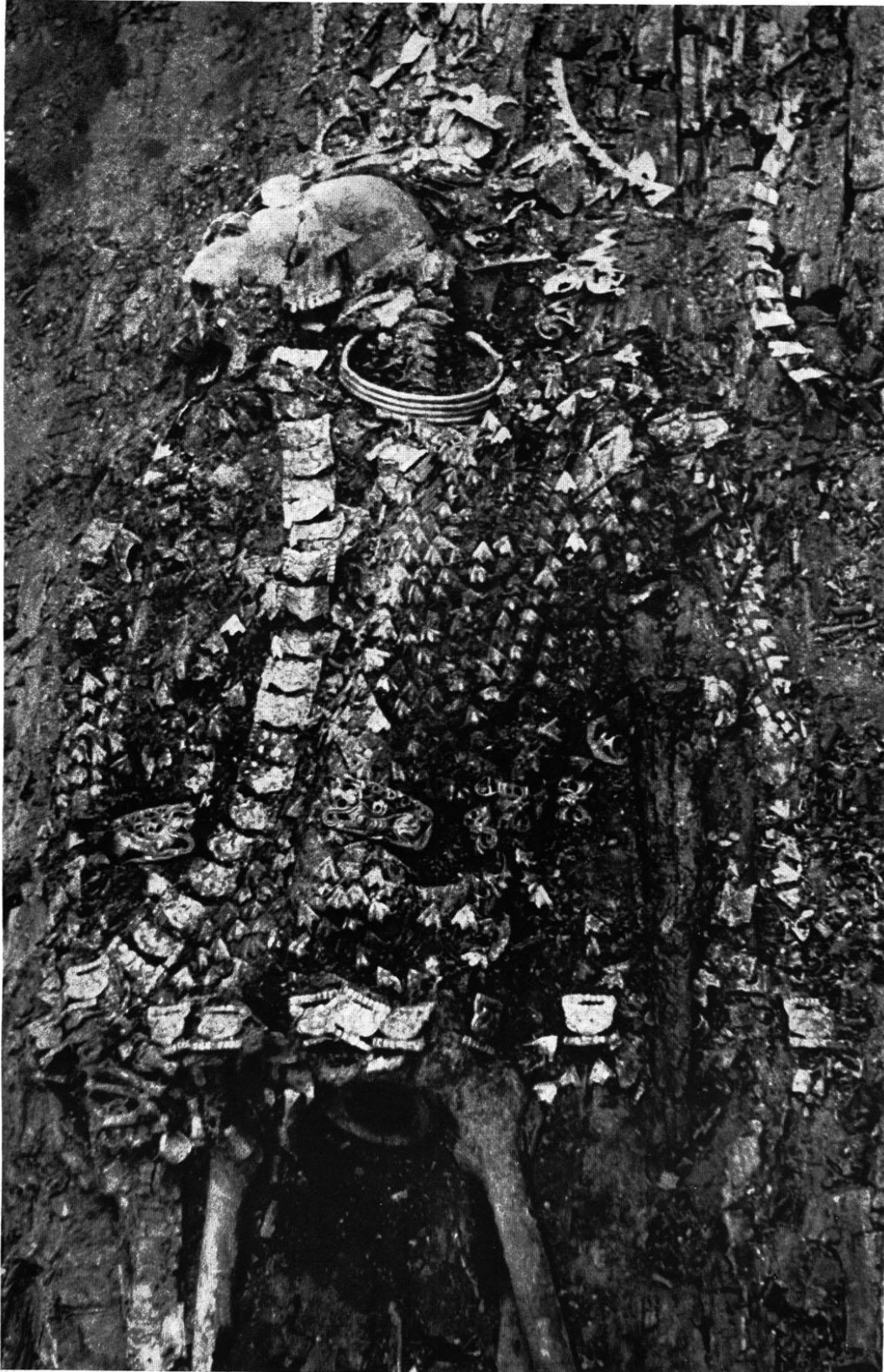
8

Бляха в виде барса и зубчатая пластина, изображающая горы
The once-shaped plaque and a plate featuring mountains

Протомы крылатых коней с рогами горного козла - украшение налобной части головного убора
Protomes of winged horses with horns of a mountain goat, a decoration of the front part of a head-gear

10

Скелет человека и золотые бляхи и бляшки, украшавшие кафтан
The human skeleton and golden plaques used as adornments of a caftan

11

12

Золотая гривна на шейных позвонках. После расчистки.
A golden necklet on jugular vertebrae (after the clearing-up)

Золотые бляхи, украшавшие кафтан. Фрагмент.
Golden plaques worn on a caftan (fragment)

14

15

Бронзовое зеркало в окружении золотых бляшек, нашитых на сумочку.

A bronze mirror surrounded by golden plaques sewn onto a handbag

Золотая лента - украшение рукоятки нагайки

A golden strip, adornment of a whip handle

Золотые треугольные бляшки - украшение голенищ сапог

Golden triangular plaques used as a decoration of the top of high boots

ножен, оказалась в совершенно другом месте, у левой пяточной кости ноги. Она лежала вместе с бляхой в виде полого конусовидного колпачка в перевернутом положении. По-видимому, эти украшения ножен были перетащены туда грызунами.

С левой стороны костяка, напротив локтевого сустава, находились остатки древка и золотой наконечник стрелы. Выше нее лежали остатки дерева и золотая спиральная лента. Еще выше у черепа - большое бронзовое зеркало, а на нем кусочек охры, находившиеся внутри овала, образованного сплошной линией из мелких золотых бляшек прямоугольной формы. Мелкие различных форм бляшки обнаружены и вне костяка - справа от него, между ним и сосудами, среди сосудов выше черепа.

В погребальной камере кургана стояли сосуды из глины, дерева и металла. Посуда была размещена в определенном порядке у южной и западной стен камеры. Глиняная и деревянная посуда представлена кувшинами, мисками, блюдами и черпаком. Металлическая посуда подразделяется на серебряную и бронзовую. Всего в погребальной камере кургана Иссык было найдено свыше четырех тысяч золотых предметов, железные меч и кинжал, бронзовое зеркало, тридцать один глиняный, металлический и деревянный сосуд, а также серебряная ложка, деревянный черпак и двадцать шесть бусин из сердолика и пасты.

В следующем разделе книги дается систематизированное и поштучное описание этих предметов. Причем при описании все находки мы разделили на две группы: предметы торевтики и погребальный инвентарь.

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА, ОРУЖИЕ И ПОСУДА. ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Подробные описания находок приводятся в следующей последовательности: украшения головного убора, одежды, обуви, оружие и его украшения, предметы украшения тела, зеркало и посуда. Все предметы, украшавшие головной убор, одежду и обувь, были изготовлены из золота. Все размеры даны в сантиметрах. Сначала указана высота, затем ширина или длина предмета.

ГОЛОВНОЙ УБОР

Статуэтка архара, стоящего на выгнутой по длинной оси прямоугольной подставке. Миниатюрный архар изображен в статичной позе, одновременно спокойной и настороженной, характерной для самца, охраняющего стадо. Несмотря на малые размеры статуэтки морфологические особенности животного переданы предельно точно и детализированно. Мощны изогнутые рога с годовыми кольцами, проработаны глаза, уши и ноздри, обозначена шерсть, резами оконтурен короткий хвост. Статуэтка цельная, литая в форме. По четырем углам подставки имеются отверстия для крепления к верху головного убора.

Размеры: 1,6х 1,9. Илл.16.

Протомы крылатых коней с рогами горного козла. На круто изогнутой шее высоко поднята голова, передние ноги подогнуты под туловище. Скупыми, но выразительными линиями очерчен рот, ноздри, глаза и надбровные дуги, выпукло оконтурены скулы. Голову венчают большие козлиные рога с годовыми кольцами, а уши наклонены вперед. Кони крылатые, от лопаток отходят большие птичьи крылья. Протомы коней выполнены в технике круглой скульптуры. Основа скульптуры - дерево, обкладка из листового золота. Вырезанные из дерева протомы коней сохранились полностью. Золотая обкладка состоит из двух продольных половинок, хорошо подогнанных друг к другу и крепившихся к деревянной основе мелкими бронзовыми гвоздиками. Рога и уши изготовлены отдельно и вставлены в прорези на голове, птичьи крылья - в прорези на лопатках.

Размеры: 10х17,5. Илл.17.

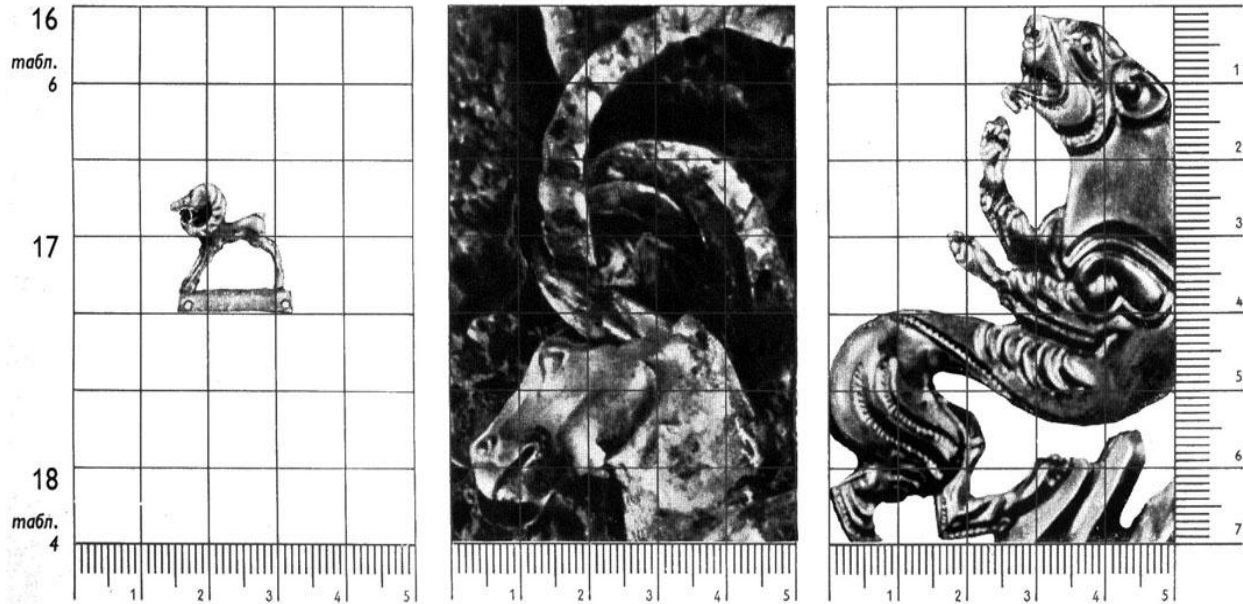
Пластины в виде птичьих крыльев (четыре). Они парные (правая и левая), попарно крепились с правого и левого бока протомы лошадей. Острые концы крыльев загнуты, параллельными вдавленными линиями изображены мелкие перья, основы крыла и маховые перья.

Размеры: 10 х 77,5.

По всей поверхности нижней половины головного убора симметрично располагались зооморфные бляхи и фигурные пластины.

Бляхи в виде барсов с зубчатыми пластинами, изображающими горы (две). Они парные (правая и левая), изображения являются зеркальным отражением друг друга, даны в профиль. Изображение снежного барса и схематизированный мотив горных вершин составляют в композиционном отношении единое целое. Поза говорит о состоянии ярости в момент, когда спокойно взбирающийся по склону барс был приведен внезапной и близкой опасностью

Статуэтка архара
A figurine of an argali

Протома крылатого коня с рогами горного козла
A protome of a winged horse with the horns of a mountain goat

Бляха в виде барса с зубчатой пластиной, изображающей горы
A plaque featuring an ounce and a mountain-shaped plate

в состоянии мгновенной атаки - настолько быстрой, что он не успел еще повернуться всем телом, а развернул лишь для защиты и нападения передние лапы и голову. Барс стоит на одной задней лапе, туловище животного перекручено в средней части и поставлено вертикально, торс противоестественно вывернут назад и передние лапы угрожающе подняты вверх. Шея вытянута, пасть оскалена, нос сморщен; округлое ухо прижато, глаза и скулы обозначены выемом. Лопатка передней ноги подчеркнута выступом, на загривке клювовидный отросток имитирует крыло. На туловище показаны ребра, бедро задней ноги подчеркнуто двойной линией. Длинный опущенный вниз хвост хищника на конце загнут в кольцо.

Размеры: 7,2x8,5. Илл. 18.

Бляха в виде барса с зубчатой пластиной и зубчатая пластина, изображающая горы, - одиночный образ хищника среди схематично изображенных горных вершин. Туловище животного перекручено в средней части так, что лапы подняты вверх и висят в воздухе, а хвост заброшен на спину и свернутый в кольцо конец лежит на спине. Голова его на чуть изогнутой шее устремлена вперед, левая передняя лапа опирается на вершину гор, а правая поднята.

Размеры: 5,2x7,6; 3,7x4,7.

Бляхи в виде барсов (две), парные, даны в противоположных позициях. Звери изображены в стойке на задних лапах, передние подняты вверх, голова повернута назад, хвост пропущен между ног и конец свернут в кольцо, выражение морды «смеющееся».

Размеры: 5,5x3,7. Илл. 19.

Все бляхи в виде барсов выполнены в технике низкого рельефа. На бляхах, на лапах барсов, на крыловидном выступе и на конце хвоста, а также на изображениях горных вершин имеются отверстия для крепления.

Бляхи в виде морды льва (шесть). Они округлой формы, выпуклые. На внешней полу

сферической поверхности изображена морда льва анфас, выполненная в технике низкого рельефа. Изображения сильно стилизованы, отдаленно напоминают человеческие личины. Все детали головы тщательно проработаны: очерчены рот, нос, усы, глаза; уши поставлены прямо. По краям бляшек - шесть отверстий для пришивания. Бляшки штампованные, имели основу из тонкой бронзовой пластинки. На бляшках с внутренней стороны сохранились густые следы медной окиси. Все бляшки идентичные, различия в мелких деталях получились в результате последующей доработки.

Размеры: 2,2х2,6. Илл:20.

Бляхи в виде лошадей (две). Изображена передняя половина корпуса лошадей, данная в противоположных позициях; исполнены в технике низкого рельефа. Схематично переданы глаза, рот, ноздри, скулы подчеркнуты линией; уши прижаты, на лоб спускается челка. Длинная грива рельефно разделена на четыре-пять прядей, а волосы обозначены извилистыми линиями. Ребра подчеркнуты серповидными вдавлениями. У коней передние ноги подняты вверх в угрожающем положении. Это поза грызущихся жеребцов.

Размеры: 6,5х5,2. Илл.21.

Бляшки в виде горного козла (пять). Из них три в противоположных позициях по отношению к двум остальным. Изображение фигур силуэтное в профиль. Оно дано обобщенно, почти полностью отсутствует гравировка, слабо намечены лишь очертания глаз и ноздрей, ноги соединены вместе - поза животного перед прыжком. Большие рифленые рога, небольшой торчком вздернутый хвост и клиновидная борода не оставляют сомнения в том, что здесь представлен образ тау-теке (горного козла).

Размеры: 4,5х2,8. Илл.22.

Скульптуры птиц (пять). Они выполнены объемно, но до примитивности схематично. Так же как протомы лошадей, они имели дере

Бляха в виде барса
An ounce-shaped plaque

Бляха в виде морды льва
A plaque imitating a lion's head

Бляшка в виде лошади
A horse-shaped plaque

вянные основы, часть из них сохранилась. На основе - золотая обкладка, передающая тело, вытянутую шею и голову с клювом. Крылья птицы сделаны отдельно; вырезанные из листового золота, они вставлялись в прорези на спине в распрямленном положении.

Размеры: 3х3,5. Илл. 23.

Диадема (одна). Состоит из двух парных правых и левых пластин, украшенных по верху низкорельефными зигзагообразными выступами, имитирующими горные вершины или листья растений. У двух пластин наружные концы загнуты под прямым углом. По внутреннему краю диадемы пробито тридцать шесть круглых отверстий для прикрепления к основе головного убора.

Размеры: диаметр 22. Илл. 24.

Пластины в виде малых птичьих крыльев (две). Они парные (правая и левая), на их поверхности вдавленной линией переданы перья; имеют по золоту раскраску красной краской по линиям, передающим перья. Место их на головном уборе неясно.

Размеры: 8,1х2,8. Илл. 25.

Длинные пластины в виде птичьих крыльев (четыре). Две из них парные, имитируют крылья птицы, концы заостренные, загнуты внутрь. Пластины - крылья на внешней поверхности имеют линейный вдавленный рисунок, схематично передающий перья. Линии рисунка обведены красной краской. Пластины украшали лицевую сторону головного убора.

Размеры: 26-26,8х2. Илл. 26.

Пластины фигурные декоративные (пять). Из них две парные - зеркальные изображения друг друга - и пятая одинарная. Парные пластины - лекаловидной формы; узкие ленты, составляющие очертания пластин, -рифленные. Одна из пар пластин отличается от другой тем, что они имеют дополнительную деталь в виде растительного листа. Одинарная также лекаловидной формы, но более проста по форме. Все пластины имеют отверстия для пришивания к основе головного убора.

Размеры: 8х3,7; 7,5х3,6; 6х2,5; 5,5х4; 5х4. Илл. 27.

Пластины фигурные мелкие (семь). Они имеют геометрические, растительные, клювовидные и когтевидные формы.

Размеры крупных: 8х2,6. Илл. 28, 29.

Пластины геометрических форм (две). Они длинные, прямоугольные с треугольными окончаниями, посередине имеют круглые отверстия. Пластины орнаментированы росписью красной краской.

Размеры: 17-17,2х2. Илл. 30.

Стреловидные украшения (четыре). Они состоят из древка, наконечника и двух круглых палочек, окрашенных в красный цвет, с округлыми утолщениями на концах. На концевых утолщениях их имеются отверстия, куда вставлялись древки. Тонкие деревянные древки спирально обвиты узкими золотыми лентами. Верхние концы древков завершаются плоскими наконечниками листовидной формы, вырезанными из листового золота. Наконечники явно имитируют форму архаических наконечников стрел лавролистной формы.

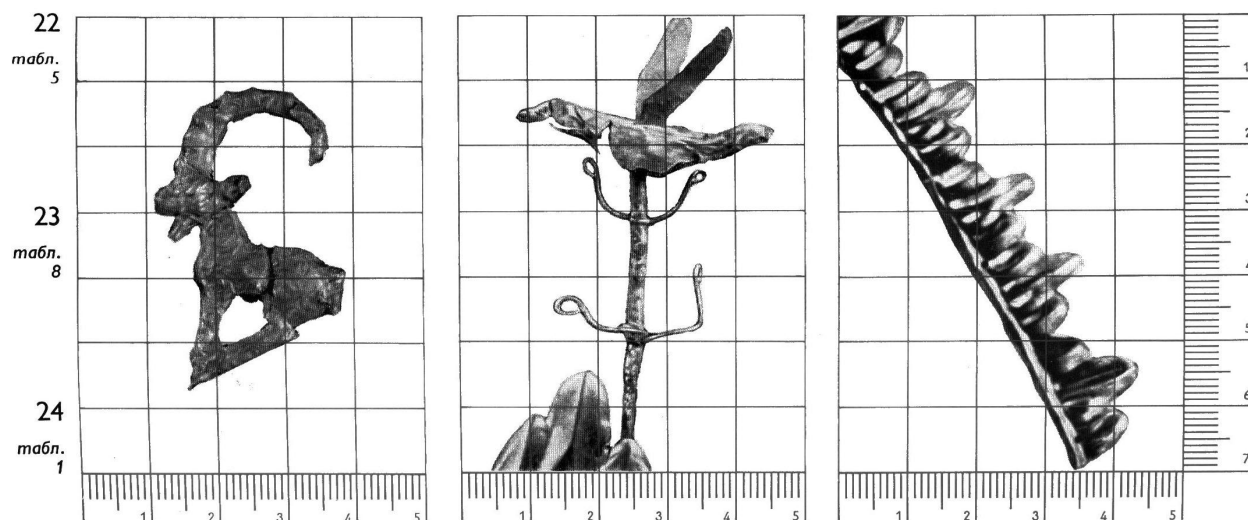
Размеры: 38-40 х 2. Илл. 31.

Пластины в виде горных вершин (четыре). По форме они аналогичны пластинам так называемых «мотив гор», описанных выше, отличаются лишь длиной, а также орнаментом, нанесенным красной краской по золоту.

Размеры: 7,8х 13,3; 7х13.

Изображения деревьев (пять). Каждое из них состоит из железного стержня (ствол), обтянутого листовым золотом, и прикрученных к стержню в два яруса золотых проволок с концами, свернутыми в кольцо (ветви). На верхние концы стержней посажены птицы.

Размеры: высота 4,5. Илл. 23.

*Бляшка в виде горного козла
A plaque made in the shape of a mountain goat*

*Скульптурка птицы
Sculptured birds*

*Диадема
A diadem*

ОДЕЖДА

Самым большим количеством золотых предметов была украшена одежда, но среди них блях с зооморфными мотивами немного.

Бляхи в виде головы тигра анфас между горизонтальными планками (пятьдесят четыре). Бляхами этого типа были обшиты полы кафтана, а также низ и верх (у предплечья) рукавов.

Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками (пятьдесят девять). Бляхами этого типа были обшиты ворот и борта кафтана.

Морфологические особенности морды тигра переданы достаточно четко. Нос, глаза, пасть щеки, усы, брови и морщины лба выполнены в виде сочетания разных форм вдавлений и выпуклостей. Уши расположены симметрично.

Планки прямоугольной формы, рифленые, каждая из них имеет по пять объемных треугольных выступов и по четыре отверстия по углам для пришивания к ткани кафтана. Соответственно местоположению планок изображение морды хищника имеет некоторые отличия, внутри вертикальных планок оно вытянуто, а между горизонтальными несколько сплющено, как бы под давлением планок.

Бляхи сделаны штамповкой и тиснением с последующей проработкой деталей.

Размеры: 3,9x4,1; 3,1x4,3. Илл. 32, 33.

Бляшки треугольных форм (две тысячи четыреста одиннадцать). По форме они напоминают плоский двулопастный наконечник стрелы с коротким черенком. Основу каждой из бляшек составляют две овально-прямоугольные планки, соединенные под острым углом, а между ними находится рельефный выступ ромбовидной формы. Каждая планка украшена орнаментом из пяти-шести прямоугольных вдавлений. Бляшки на угловых выступах имеют четыре отверстия для пришивания. Эти бляшки являлись основным украшением кафтана и голенищ сапог. У всех бляшек на внутренней стороне сохранились следы медной окиси, что свидетельствует о том, что они имели бронзовую или медную основу.

Размеры: 2,2x2. Илл. 34.

Бляхи прямоугольно-фигурные (тридцать). Между двумя горизонтальными рифлеными планками раздельно друг от друга размещены две фигуры, составленные из трех выпуклых языковидных выступов, на каждой бляхе по шесть отверстий. По-видимому, ими были обшиты ворот и низ рукавов рубашки.

Размеры: 2,2х3,8. Илл. 35.

Бляшки составные (три). Они состоят из литого полого колпачка конусовидной формы и круглого плоского основания - пластины с отверстием посередине. Пóлый колпачок внутри имеет четырехгранную перемычку-перекладину, прикрепленную к закраине. У пластины лицевая поверхность орнаментирована двумя concentрическими рельефными валиками. Валики имеют поперечное рифление. Диаметр отверстия пластины совпадает с диаметром конусовидного колпачка. По условиям нахождения не представляется возможным установить назначение бляшек. Возможно, это пуговицы или бляшки перевязи ремней кинжала.

Размеры: 2х3,2. Илл. 36.

В кургане найдено много мелких бляшек и пластин различных геометрических форм и размеров. Разновидности их следующие.

37. Бляшки-нашивки прямоугольные, разных размеров (четыреста восемьдесят восемь). Илл.

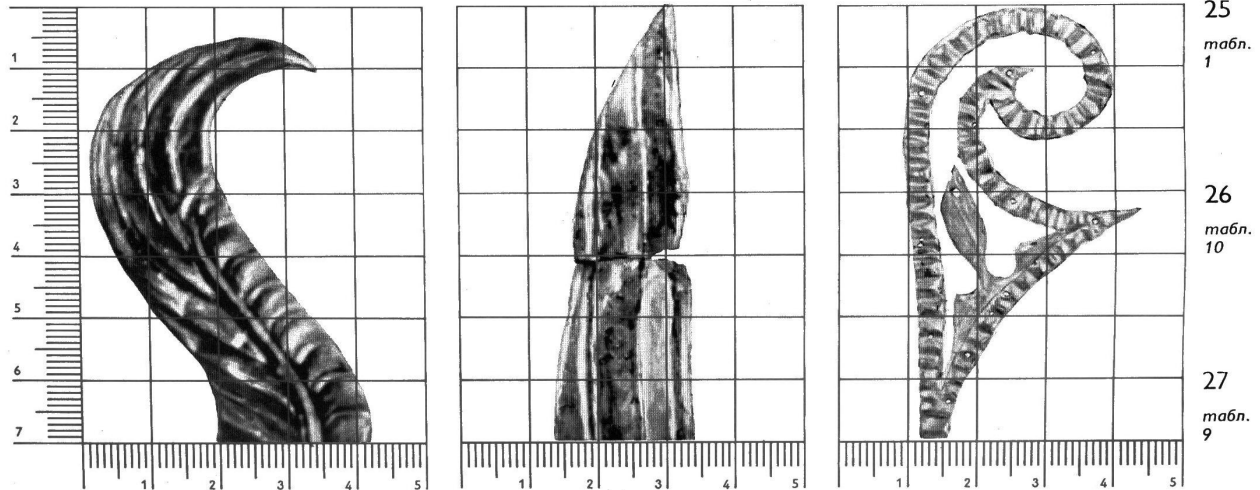
Бляшки-нашивки квадратные (сто шестьдесят две).

Бляшки-нашивки круглые (тридцать).

Пронизки цилиндрические с рифленным орнаментом (сто три). Илл. 37.

Бляшки-нашивки в виде полумесяца (сто восемь). Илл. 37.

Бляшки-нашивки ромбовидные (триста тринадцать). Илл. 37.

Пластина в виде малого птичьего крыла
A plate shaped as a small birds wing

Длинная пластина в виде птичьего крыла
A long-shaped plate

Пластина фигурная декоративная
A decorative plate

Пластинки неопределенных форм (семьдесят четыре).

Все мелкие бляшки-нашивки имеют по четыре отверстия для пришивания. Причудливыми узорами из сочетания этих бляшек были расшиты рукава и грудь рубашки, а прямоугольными бляшками окантовывались продольные швы штанин, верх и низ голенищ сапог.

Бусины из сердолика разных форм: круглые, боченковидные и плоские (десять).

Бусины цилиндрической формы из пасты белого цвета (шестнадцать).

Наборный пояс состоял из шестнадцати массивных блях.

Бляхи-накладки ремня в виде лежащего оленя в профиль (три). На одной из блях разворот туловища оленя дан влево, на двух других изображение зеркально. Все бляхи литые в форме, детали и части туловища тщательно проработаны тиснением и чеканкой, поверхности отполированы до блеска.

Изображение оленя предельно заполняет поверхность бляхи, а сплошные линии рогов и согнутых конечностей и своеобразная трактовка хвоста и «бороды» создают замкнутость прямоугольной рамки.

Изображения оленей сильно стилизованы, но при этом видовые особенности животного читаются свободно. Они изображены в лежащей позе. Ноги поджаты так, что копыто передней ноги касается внешней стороны копыта задней ноги. Контуры другой пары ног выступают над первой. Копыта заострены и отделены от ног двумя полосками. Поджарое туловище изогнуто, вся тяжесть тела перемещена на передние ноги, что создает впечатление приподнятости крупа на полусогнутых задних ногах. Голова поставлена горизонтально, форма морды больше похожа на лосиную, особенно покатым хряп и отвислые губы. На ней четко прорисованы ноздри, рот, губы. Скулы изображены завитком, соединяющимся с хряпом. От скул вниз идет волотовидный отросток, который, круто завиваясь, касается колен. Глаза имеют веки и зрачок. Большое ухо соединяется тяжем со стержнем рогов. Лопатка показана завитком, который затем переходит в шею ушастого грифона, вырастающего из загривка оленя. Голова грифона тяжами соединена со стержнем рогов. Необычен хвост оленя, он трактован на манер лошадиного, широк и пышен и расчесан на три пряди. Хвост от крестца опускается к ногам, а затем загибается круто вверх, соединяясь с кончиком рогов. Мощные рога закинута на спину. Два передних отростка рогов, также с широкими лопастями, круто нависают надо лбом и соединяются с хряпом.

Они однотипные, выполненные в горельефе. На каждой из блях с внутренней стороны по углам рамки припаяны четыре серебряные петельки прямоугольной формы, служившие для прикрепления бляхи к ремню.

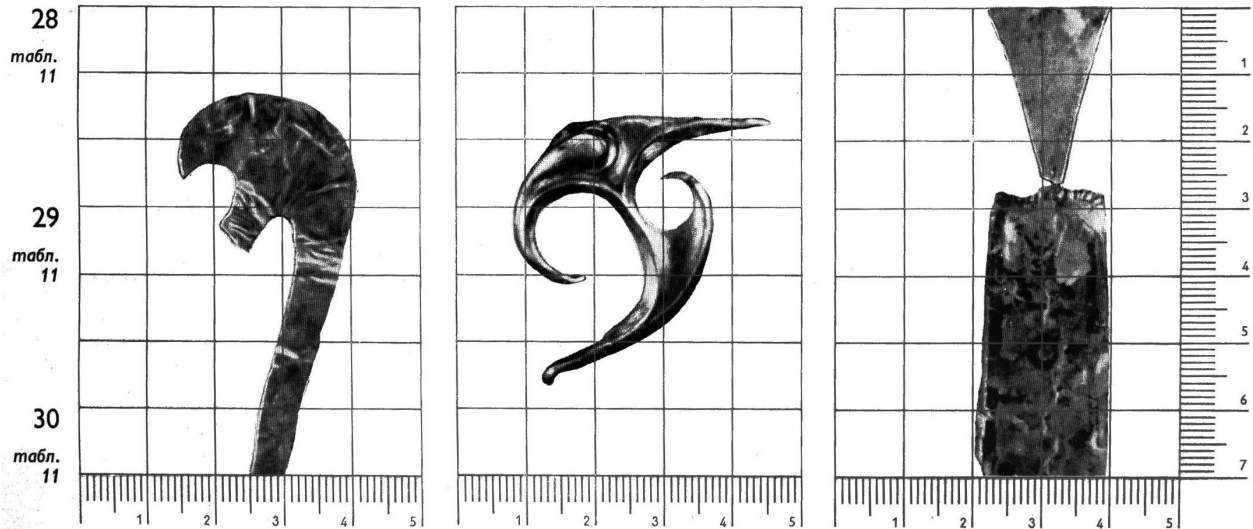
Размеры: 4,8x8,8. Илл.38.

Бляхи-накладки ремня малые в виде головы оленя (тринадцать). Они однотипные, выполнены в барельефе. Изображения оленей даны в профиль. На пяти бляхах головы повернуты вправо. На остальных восьми - зеркальные изображения первых. Малые бляхи изготовлены в той же технике литья, что и большие. Идентична также трактовка головы оленя на больших и малых бляхах. Контуры четырехугольной бляхи создавались симметричным расположением четырех широких лопастей рогов попарно на голове и под головой. На всех бляхах на двух противоположных по диагонали углах припаяны серебряные петли.

Размеры: 3,1x4,1. Илл. 39.

ОРУЖИЕ

Кинжал имеет зооморфное навершие в виде голов двух грифонов в профиль, обращенных клювами друг к другу. Клювы сильно загнуты, глаза и уши обозначены завитками. Перекрестие

Пластина фигурная мелкая
A small figured plate

Пластина фигурная мелкая
A small figured plate

Пластина геометрических форм
A geometrically shaped plate

разрушено, но можно предположить, что оно было почковидное или бабочковидное. Рукоять в поперечном сечении круглая; клинок линзовидный. Весь кинжал сделан из железа, но навершие обтянуто листовым золотом, рукоять обвита виток к витку крученой двужильной золотой проволокой, перекрестие украшено мелкими разнофигурными золотыми пластинками (сохранились лишь две). По клинку с обеих его сторон проходят узкие золотые пластинки с миниатюрными изображениями животных. Пластины в виде длинных постепенно сужающихся к острию клинка лент прикреплялись к клинку с помощью мелкозубчатых выступов, имеющих по бокам по всей длине пластин.

Животные на пластинах изображены реалистично, полностью различаются их зоологические видовые особенности. Последовательность размещения их на пластинах следующая: на одной - змея, лиса, заяц, барс, коза, кабан, волк, архар, тигр; на другой - змея, лиса, заяц, архар, джейран (косуля), кабан, волк, архар, заяц, волк, кабан и полтуловища какого-то животного. Таким образом, на первой пластине девять, а на второй двенадцать фигур и все они головами обращены к рукояти кинжала. Фигуры чередуются таким образом, что тела двух рядом расположенных зверей оказываются перевернутыми по отношению друг к другу. Животные на рельефах изображены в так называемых «скребущих» позах, тела покоятся на лапах, морды уткнуты в землю. Только в изображениях архара и горного козла чувствуется экспрессия, тело напряжено, голова на вытянутой шее поднята вверх.

Изображения диких животных выполнены штампом и тиснением, головы грифонов на навершии - в технике круглой скульптуры.

Крупы и лопатки животных подчеркнуты волнотвидными вставками из цветного камня.

Размеры: длина 48, ширина клинка 7,7.

Илл. 40.

Бляха-накладка - украшение верхней части ножен (одна). Внутри овально-почковидной рамки, образованной узкой рифленой золотой лентой, помещено изображение лося, туловище которого перекручено в средней части таким образом, что задние ноги оказались повернутыми вверх. Его передние ноги выброшены вперед. Голова лося на вытянутой шее устремлена вперед, на ней типичные лосиные рога с широкими лопастями, на хвост нависают два изогнутых отростка, концы которых закручены в кольцо. Фигура лося, особенно передняя половина, полна динамизма, внутреннего

напряжения, устремления вперед. Покатый отвислый храп, горбатый загривок и лопастные рога - вот те наиболее типичные признаки, которые мастерски изобразил древний торевт для распознавания видовой принадлежности животного.

Размеры: 5,5x13,4.

Бляха-накладка - украшение узкой нижней части ножен кинжала (одна). Она удлиненно-прямоугольной формы, ее нижний конец закруглен по форме ножен, а верхний заострен под тупым углом. Лента, обрамляющая рамку, рифленая. Внутри рамки расположена фигура лошади, туловище которой перекручено в средней части таким образом, что задние ноги оказались повернутыми вверх. Изображение дано в профиль и сильно детализировано. У лошади небольшая голова с прижатыми ушами, передние ноги выброшены вперед, а задние согнуты. Хвост раздвоен и заплетен в две косы. Эта бляха, так же как и первая, имеет свободное, не заполненное изображением место, оставленное для блях - распределителей ремней.

Техника исполнения этих двух блях идентична, они штампованные, детали фигур проработаны дополнительно, изображения - в низком рельефе.

Размеры: 15,7x4,1. Илл. 1.

Бляхи - распределители ремней (две) Каждая бляха имеет низкое полое цилиндри-

Стреловидное украшение
An arrow-shaped adornment

Бляха в виде головы тигра анфас между горизонтальными планками
A plaque tiger's head (front view) between horizontal bars

Бляха в виде головы тигра анфас между вертикальными планками
A plaque tiger's head (front view) between vertical bars

ческое основание с четырьмя прямоугольной формы отверстиями для вдевания ремня, расположенными крестообразно по бокам основания. На верху цилиндра - круглое навершие в виде грибовидной шляпки. В него мастерски вписана фигура свернувшегося в клубок волка. Изображения на бляхах даны в одной левосторонней позиции - головой в одну сторону. У волка большая по сравнению с туловищем голова, овальный глаз, ухо округлых очертаний сильно выступает над головой. Тело свернуто в клубок так, что поджатые задние и передние четырехпалые лапы с заостренными когтями соприкасаются друг с другом. Хвост пропущен между задними ногами.

Бляхи - ременные распределители массивны, изображения выполнены в рельефе, детали усилены гравировкой. Бляхи изготовлены техникой литья в форме.

Размеры: 2,8x2,4. Илл. 42.

Меч - железный имеет слабо изогнутое брусковидное навершие и узкое бабочковидное перекрестие; рукоять в поперечном сечении круглая; клинок - линзовидный (в сечении) с продольным

желобком на обеих сторонах. Навершие и перекрестие инкрустированы мелкими фигурными золотыми пластинками, рукоять обвита золотой проволокой. Большая часть клинка разрушена.

Размеры: длина (сохранившаяся) 20, ширина клинка 6,9. Илл. 43.

Проници (три) украшали ремни крепления меча. Две из них цилиндрической, одна кольцевой формы. На самой крупной цилиндрической полой пронизи изображена голова тигра анфас. Сторона, противоположная украшенной, уплощенная, закраины отверстий утолщены валиком, на котором имеется рифление. Голова тигра выполнена в высоком рельефе с детальной проработкой всех частей. Голова лежит на передних лапах, изображенных схематично. Две другие пронизи украшений не имеют.

Размеры: 1,8x 1,7. Илл. 44.

УКРАШЕНИЯ И ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

Гривна (шейное украшение). Относится к типу кольчатых трубчатых и разъемных, имеет форму спирали з три с половиной оборота. Гривна состоит из двух частей: основной и съемной. Концы трубок большей (основной) части гривны представляют собой раструбы, в которые вставляются концы - втулки меньшей (съемной) части, шарниров или других дополнительных креплений нет. Концы трубок гривны заканчиваются наконечниками в виде скульптурных головок барсов. Объемные головки хищников спаяны из двух продольных половинок. Для скульптуры характерна насыщенная детализация. Морда имеет выражение злобной настороженности.

Размеры: диаметр 13. Илл.45.

Перстень-печать массивный, литой, с большим круглым щитком и нешироким расплюснутым кольцом. На щитке вогнутое изображение человеческой головы в профиль с европеоидными чертами. На голове десятью изогнутыми вдавленными изображен причудливый головной убор или пышная прическа, на шее - две концентрические линии, обозначающие ворот одежды или гривну.

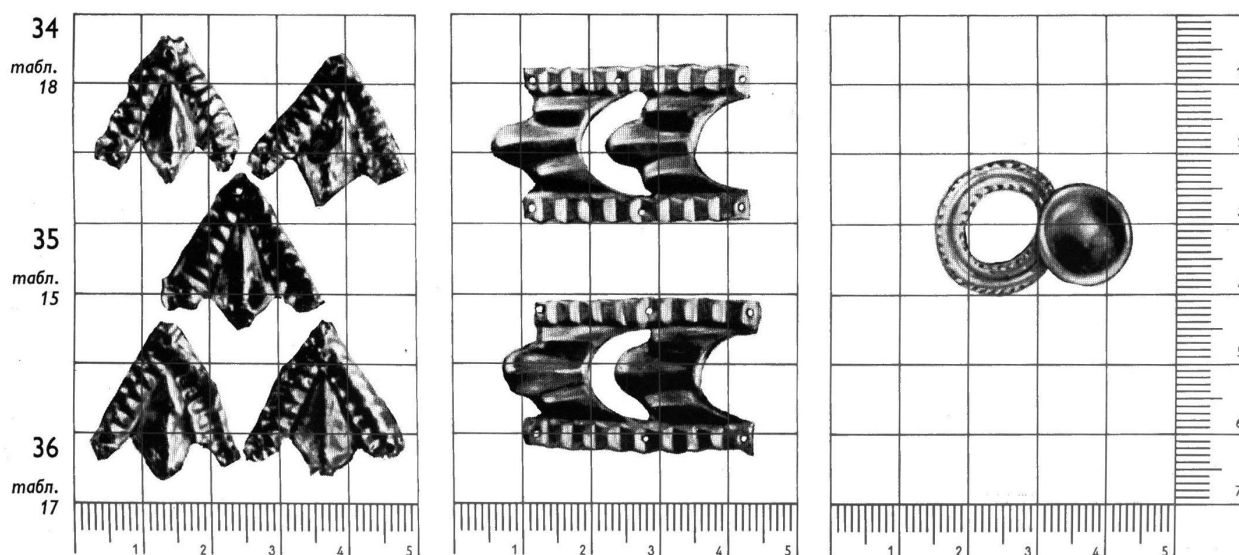
Размеры: высота 2,7, диаметр 2,5. Илл. 47.

Перстень с большим овальным выпуклым щитком, кольцо расплющено. Щиток перстня отполирован до зеркального блеска. Перстень золотой, литой, на обратной стороне щитка хорошо видны следы ковки, посредством которой его вытягивали.

Размеры: высота 2,3, диаметр 2,5. Илл. 46.

Перстень-печать носился на пальце правой, а перстень со щитком, возможно, на пальце левой руки.

Серьга с подвесками состоит из незамкнутой кольцевой основы с петелькой и трех подвесок. Серьга золотая. У одной из подвесок на длинной золотой проволоке нанизаны круглая плоская бусина из бирюзы и две золотые про-

Бляшка треугольной формы
A small triangular plaque

Бляха прямоугольно-фигурная
A figured rectangular plaque

Бляшка составная
A composite plaque

низки, украшенные зернью. Завершается подвеска длинной цилиндрической формы бирюзовой бусиной, расположенной горизонтально. Две другие подвески состоят из двух бирюзовых бусин: небольшой круглой и крупной дисковидной формы.

Размеры: 3,1х2,4. Илл.48.

Зеркало бронзовое с позолотой, литое. Оно имеет круглый диск и боковую ручку в виде короткого штыря, трапецевидного в поперечном сечении. Поверхность тыльной стороны зеркала рельефная, на ней два валика, образующие концентрические круги. Один из валиков проходит по краю диска, другой - по середине.

Размеры: диаметр 12,8. Илл.49.

Лента широкая спиралевидная золотая с остатками кнотовища, украшала деревянную рукоять нагайки.

Размеры: 34х3. Илл.50.

ПОСУДА

Вся посуда, обнаруженная в кургане, -столовая. Она изготовлена из различных материалов (металл, дерево, глина) и включала тридцать один предмет.

Большая серебряная чаша имеет широкий горизонтально отогнутый венчик, непосредственно переходящий в умеренно выпуклое тулово, которое заканчивается фигурным донцем. На внешней поверхности закраины венчика по кругу выгравировано тридцать два кольца, на внутренней (в средней части тулова) - орнамент в виде двух концентрических окружностей. Донце серебряной чаши имеет форму восьмилепестковой розетки, оно заканчивается низким кольцевым поддоном и прикрепляется к тулову чаши восемью серебряными заклепками.

Размеры: высота 3,8, диаметр 15,6. Илл.51.

Малая серебряная чаша - полусферической формы, с прямым венчиком, переходящим в выпуклое тулово. На внешней поверхности чаши имеется надпись в две строки, состоящая из двадцати шести знаков, нанесенных острым инструментом.

Размеры: высота 2,2, диаметр 7,7. Илл.52.

Серебряная ложка овально-прямоугольной формы с длинной круглой в сечении ручкой, конец которой изогнут в виде шеи и головы птицы с длинным острым клювом. Ложка частично разрушена.

Размеры: 16х3,8. Илл.53.

Все серебряные предметы выполнены техникойковки с последующей проработкой поверхности заглаживанием и полировкой. У большой чаши донце выковано отдельно и затем прикреплено заклепками ко дну чаши.

Бронзовая чаша. Найдена во фрагментах, восстановление ее невозможно. Венчик чаши имеет валиковое утолщение, дно плоское, поверхность с позолотой.

В могиле обнаружены двенадцать деревянных предметов. Но взять и сохранить удалось только два блюда-подноса и черпак.

Большое и малое блюда прямоугольной формы с невысокими бортиками, скошенными наружу, изготовлены из целого куска березы.

Размеры : 67,5 х 37,5х3; 46х29х3.

Черпак состоит из чаши с отогнутым наружу венчиком и раздутым туловом, переходящим в плоское дно. Чаша черпака выточена на токарном приспособлении. На тулове чуть ниже венчика имеется отверстие, куда вставлялся шпенец ручки. Ручка в виде одиннадцати круглых валиков, переходящих в круглого сечения рукоять, заканчивающуюся резным набалдашником. Три фрагмента от аналогичной ручки лежали на остатках деревянной миски.

Размеры: длина ручки 25, диаметр 9,5.

Илл.54.

Кувшины (десять) двух видов. Одни имеют удлиненное сильно раздутое тулово, невысокую, но хорошо выраженную горловину, умеренно отогнутый наружу венчик и плоское дно. У других слабо отогнуты венчики, менее выражена горловина, стенки тулова почти прямые. Некоторые кувшины имеют толстую донную часть и скошенное на одну сторону донце.

Размеры: 17-20х12-14.

Миски (шесть) трех видов : I - со слабо отогнутым венчиком и хорошо профилированной прямой горловиной ; II - с сильно отогнутым с широкой закраиной венчиком и глубоким желобом вокруг горловины; III - с чуть отогнутым венчиком, переходящим непосредственно в тулово. У мисок тулово низкое, резко переходящее в округлое дно, иногда дно уплощенное.

Размеры: 6-6,5х 14-17.

Все глиняные кувшины и миски изготовлены на гончарном круге, прошли печной обжиг и имеют красное лощение.

Таковы итоги раскопок и находки в Иссыке.

Поразительная картина открылась после расчистки погребальной камеры от заполнявшей ее земли, после освобождения от толщи грунта предметов искусства и различного инвентаря, 2400 лет пролежавшего в земле.

В погребальной камере на одной стороне уныло и мертво стояли сосуды и лежали их обломки, на другой сверкали многочисленные золотые предметы, большинство из которых является произведениями подлинного искусства.

Удивительные чувства испытывает археолог, когда из-под кисти, которой только что смахнул последний слой пыли веков, неожиданно на тебя глянет свирепый глаз тигра или увидишь оскаленную пасть барса. Кажется, что они преодолели время и живыми предстали перед тобой. Внезапный матовый блеск золота, из которого созданы изображения зверей, усиливает это впечатление.

ИССЫК И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ

Среди большого комплекса находок из кургана Иссык не так уж много предметов, по которым можно установить время захоронения. Для этой цели можно привлечь четыре группы предметов (оружие, зеркало, гривна и посуда). Среди них более или менее твердо датирующим является оружие - кинжал и меч. Значительно хуже разработана хронология зеркал, гривен и посуды. Кроме того, для подтверждения предлагаемой датировки привлекаются некоторые предметы изобразительного искусства и элементы художественного стиля, сохранившие архаические черты.

В начале второй половины первого тысячелетия до н. э. в Евразии были широко распространены близкие типы оружия, особенно мечей и кинжалов. Эволюция форм скифского и савроматского оружия разработана лучше, чем сакского. Многие типы скифского оружия имеют точную дату, установленную по предметам греческого происхождения, найденным при раскопках скифских курганов. Поэтому хронологическая шкала скифских древностей используется как основа для датировки сакского оружия.

Ниже приводятся все доступные аналогии иссыкским датируемым предметам и дата каждой из них, установленная по формально-типологическим признакам.

Иссыкский кинжал имеет хорошо сохранившееся зооморфное навершие; перекрестье его, к сожалению, разрушено. Однако его форма может быть установлена по форме навершия. Дело в том, что на всей территории распространения кинжалов, сходных с иссыкским, навершия в виде двух голов грифонов сочетаются, как правило, с перекрестьями бабочковидной или почковидной формы⁷.

Вероятно, иссыкский кинжал также имел бабочковидное или почковидное перекрестье, но мы реконструировали его форму как почковидную. Основанием в пользу такого предположения послужило одно обстоятельство. Известно, что форма золотых обкладок ножен раннескифских кинжалов, в частности из Келермесского и Литого курганов⁸, повторяют форму перекрестий самих кинжалов. Исходя из этого можно допустить такое же повторение в иссыкском кинжале. Верхнюю часть ножен иссыкского кинжала украшала золотая бляха-накладка почковидной формы. Мы предполагаем, что такую же форму имело перекрестье кинжала. Поэтому при типологическом

сопоставлении мы будем исходить из формы исыкского кинжала, как имеющего навершие в виде двух голов грифонов и почковидное или бабочковидное перекрестье.

Среди древностей тагарской культуры, культуры племен Сибири эпохи раннего железа (VII-I вв. до н. э.), бронзовые, бронзово-железные (биметаллические) и железные кинжалы составляют большую коллекцию. Но для самой тагарской культуры характерны бронзовые кинжалы. Н. Л. Членова разделяет их на две группы по форме перекрестья: с прямым и с бабочковидным перекрестьем. Навершия у тагарских бронзовых кинжалов самые различные, но встречаются и в виде парных головок грифонов; как правило, кинжалы с навершием в виде двух голов грифонов имеют бабочковидное перекрестье. Они встречаются в тагарских курганах, относящихся к V-IV вв. до н. э.⁹

Железные и бронзово-железные кинжалы при раскопках тагарских погребений до сих пор не встречены. Но зато их много обнаружено случайно. Общее число их составляет тридцать один кинжал, из них четырнадцать кинжалов с навершием в виде двух голов грифонов. Значительная часть кинжалов с навершием в виде пары голов грифонов имеет бабочковидные или близкие к нему формы перекрестья, а в одном случае оно было почковидным¹⁰. Железные кинжалы с навершием в виде голов грифонов, по аналогии с тагарскими бронзовыми, датируются V-IV вв. до н. э.¹¹

Появление железных кинжалов в Сибири в V-IV вв. до н. э. Н. Л. Членова рассматривает как результат связей с Казахстаном, Алтаем и Тувой, где железное оружие появилось раньше, чем в Минусинской котловине¹².

Таким образом, в Сибири бронзовые и железные кинжалы с зооморфным навершием имеют чаще всего бабочковидное перекрестье и дата их V-IV вв. до н. э.

В Туве в это время распространены кинжалы с прямым, брусковидным, редко с антенным навершием и бабочковидным перекрестьем. Они датируются V в. до н. э.¹³

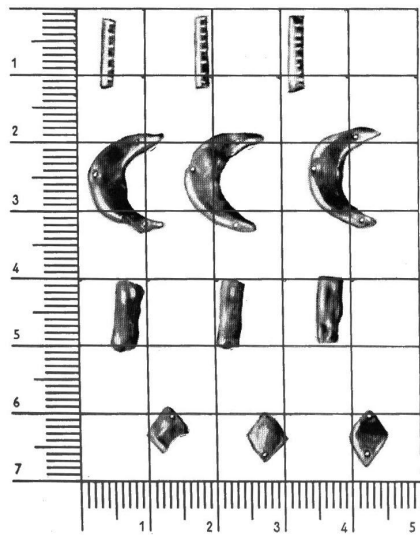
Бронзовые кинжалы с зооморфными навершиями и перекрестьями в виде голов животных распространены в Ордосе.

Наиболее часто кинжалы и мечи с почковидным и бабочковидным перекрестьем встречаются в савроматских захоронениях Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI-V вв. до н. э.¹⁴. Однако навершия в виде голов двух грифонов здесь неизвестны.

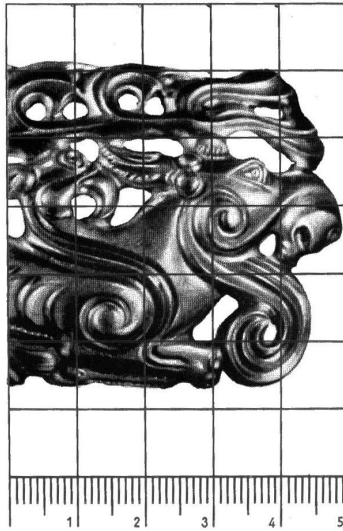
К. Ф. Смирнов - видный специалист по савроматскому оружию, - проследив эволюцию перекрестий у савроматских кинжалов и мечей, установил, что она шла от почковидного через сердцевидное к бабочковидному и далее - к прямому. Так, у савроматов наиболее ранними формами были кинжалы с почковидным перекрестьем и прямым навершием. В VI-V вв. до н. э. у них же бытуют кинжалы с бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием. В V-IV вв. здесь распространяются кинжалы и мечи с почковидным и бабочковидным перекрестьем и простым антенным навершием. Среди савроматских мечей с зооморфным навершием широко распространены экземпляры с узким бабочковидным перекрестьем¹⁵.

В Приаралье и Поволжье в раннее сарматское время кинжалы с почковидным перекрестьем и простым антенным навершием встречаются редко. Известен лишь один кинжал из могильника «Алебастрова гора», который М. Г. Мошкова датирует IV в. до н. э. Она считает кинжалы с зооморфными навершиями производными от мечей с антеннами. По ее мнению, превращение антенн в образы зверей идет параллельно превращению «почки» в «бабочку»¹⁶.

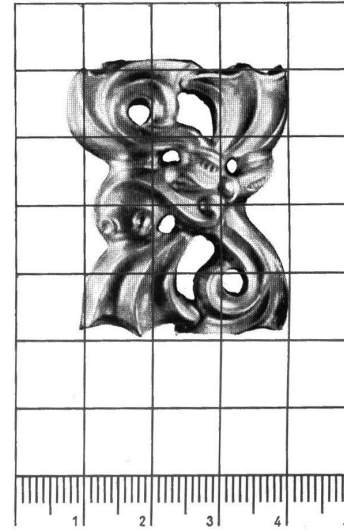
На Северном Кавказе¹⁷ кинжалы с почковидным перекрестьем и прямым навершием распространяются с раннего этапа кобанской культуры, культуры племен Северного Кавказа в XI-VIII вв. до н. э. Здесь из Нестеровского могильника проис-

Бляшки мелкие разных форм
Small plaques of various shape

Бляха-накладка в виде леащего оленя
A cover plaque reproducing a recumbent deer

Бляха-накладка в виде головы оленя
A cover-plaque shaped as a deer's head

37
табл.
16

38
табл.
19

39
табл.
21

ходят и кинжалы с навершием в виде антенн с закрученными концами и почковидным перекрестьем. Погребения и находки из нестеровских курганов относятся к V в. до н. э.¹⁸.

Почковидное и бабочковидное перекрестье типично и для скифских кинжалов Северного Причерноморья. По классификации известного скифолога А. И. Мелюковой, мечи и кинжалы с почковидным и бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием имелись у скифов в VI-V вв. до н. э.¹⁹.

В это же время получил распространение другой тип кинжалов - с этими же перекрестьями, но уже с антенным навершием. С V в. до н. э. у скифов появляются кинжалы с бабочковидным перекрестьем и зооморфным навершием²⁰.

Резюмируя изложенное, устанавливаем следующие рамки бытования в Евразии кинжалов, сходных с исыкским.

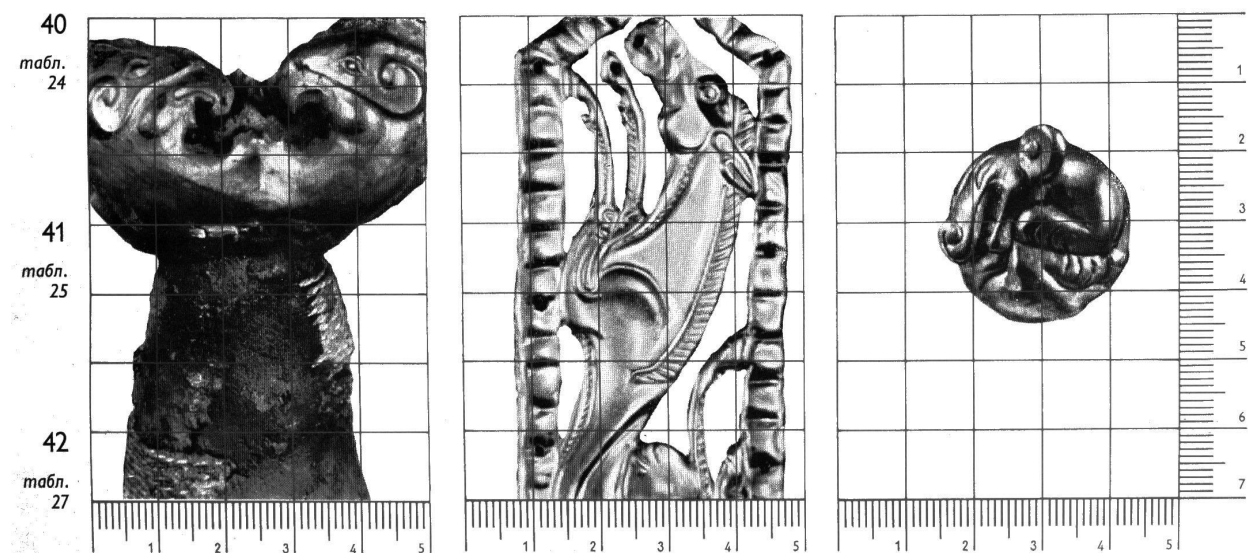
В Сибири кинжалы тагарского времени не имеют перекрестий с четко выраженной почковидной формой, они чаще всего бабочковидные. Здесь они появляются уже в VI в. до н. э. Навершия в виде двух голов грифонов широко распространены именно в Южной Сибири.

В Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, у савроматов кинжалы с почковидным перекрестьем известны с VI в. до н. э. К концу V - началу IV в. до н. э. появляются бабочковидные перекрестья. Зооморфные навершия здесь редки, преобладают простые антенные.

Для Средней Азии, особенно для Памира и Шаша, характерны железо-бронзовые и железные кинжалы с сегментовидными, антенными и зооморфными навершиями и округленно-бабочковидными и зетовидными перекрестьями. Они датируются VI-IV вв. до н. э.²¹.

Скифские кинжалы с почковидным перекрестьем появляются в VI в. до н. э. Для них характерно брусковидное навершие; параллельно существуют кинжалы с антенными навершиями. Позднее, в V в. до н. э., появляются бабочковидные перекрестья и навершия в виде когтей птиц. У большинства скифских кинжалов с когтевидными навершиями бабочковидные перекрестья уже несут следы трансформации в «сломанные под тупым углом», тогда как в других районах Евразии навершия в виде голов птиц сочетаются с четким или начинающим формироваться бабочковидным перекрестьем. Это подтверждает мнение В. А. Городцова о том, что «когти» антенн скифских акинаков - стилизованные изображения птичьих голов.

Итак, по имеющимся данным навершия в виде двух голов грифонов широко распространены только в Южной Сибири, на Алтае и в Семиречье. По мере удаления от этих районов они исчезают или видоизменяются, заменяясь антенными и когтевидными.

Навершие кинжала
The top of the dagger's handle

Бляха-накладка на ножнах кинжала
A cover-plaque on a dagger sheath

Бляха - распределитель ремня
A belt-spreading plaque

Таким образом, именно в конце VI в. до н. э. в Евразии распространяются кинжалы с навершием в виде голов грифонов или птиц и начинают преобладать бабочковидные перекрестья, хотя встречаются и почковидные, некоторые из них несут уже следы трансформации в бабочковидные. Следовательно, иссыкский кинжал, имеющий почковидное или бабочковидное перекрестье и навершие в виде двух голов грифонов, можно датировать концом VI-V в. до н. э.

Иссыкский меч имел брусковидное (слабо изогнутое) навершие, узкое бабочковидное перекрестье и круглую в сечении рукоять.

На территории расселения савроматских и раннесарматских племен (Нижнее Поволжье и Южное Приуралье в VI–IV вв. до н. э.) бытовали мечи, типологически близкие иссыкскому и имевшие брусковидное навершие и бабочковидное перекрестье. С IV в. до н. э. получают широкое распространение мечи с брусковидным навершием и «сломанным» брусковидным или узким бабочковидным перекрестьем²².

У скифов находки мечей иссыкского типа редки, а известные имеют серповидное навершие, типичное для раннесарматских прохоровских мечей IV в. до н. э.²³

На Северном Кавказе аналогичен нашему мечу меч из Лугового могильника, датирующийся V в. до н. э.²⁴

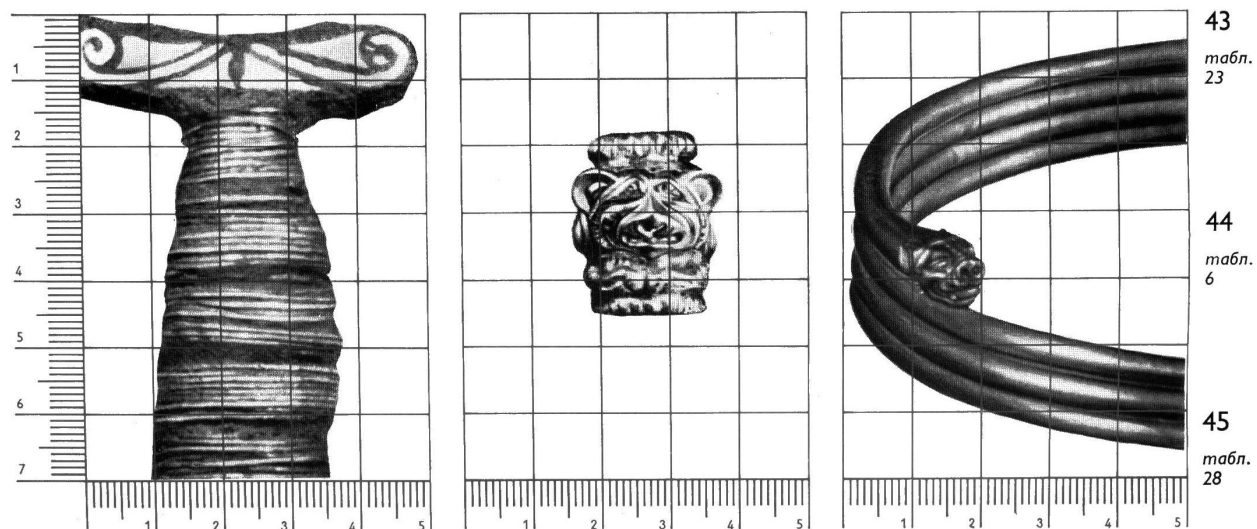
По мнению К. Ф. Смирнова, узкая бабочковидная форма перекрестья является переходной от бабочковидного к перекрестью брусковидному, сломанному под тупым углом. Эту точку зрения разделяет М. Г. Мошкова, считающая, что раннепрохоровские мечи со сломанным перекрестьем и брусковидным со слабым изгибом навершием являются производными от савроматских мечей V в. до н. э.

Эти аналогии и предлагаемая эволюция форм савроматских и сарматских мечей дают основание считать, что вероятной датой иссыкского меча является вторая половина V-IV в. до н. э.

Иссыкское зеркало относится к типу зеркал с валиковым ободком по краю диска и боковой короткой трапецевидной рукой.

В настоящее время существует несколько региональных хронологических классификаций бронзовых зеркал. Обстоятельно изучены генезис и эволюция савроматских и сарматских зеркал, разработаны хронология и классификация зеркал Средней Азии.

Ввиду неразработанности эволюции сакских зеркал из Казахстана мы вынуждены при датировке оперировать данными существующих классификаций. Типологически иссыкское зеркало близко к типу 6 савроматских, к типу 3 раннесарматских и к типу 2 среднеазиатских зеркал, датируемых IV-III вв. до н. э.²⁵. Однако ис-

Рукоять меча
The handle of a sword

Прониз с изображением головы тигра
A clasp made in the shape of a tiger's head

Гривна
A necklet

иссыкское зеркало отличается от всех них одной деталью - дополнительным выпуклым ободком посередине диска.

Этим же временем, то есть временем раннесарматских и среднеазиатских зеркал (IV-III вв. до н.э.), мы датируем иссыкское зеркало. Однако оговоримся, что такая датировка возможна, если иссыкское зеркало брать изолированно, оторвав его от комплекса других находок из кургана Иссык. Но определение времени бытования предмета только по формально-типологическим признакам неизбежно лишь для единичных предметов, найденных вне комплекса или случайно. Поэтому дата иссыкского зеркала должна быть синхронизирована с датировкой других иссыкских находок, в частности с датами кинжала и меча.

Следующим датируемым предметом является гривна. Она согнута из трубки и имеет форму спирали, состоящей из трех с половиной оборотов.

Меньшая, съемная ее часть соединяется с основной посредством втулок без шарниров или дополнительных цепочек. Концы гривны завершаются скульптурными изображениями головок барсов, выполненных реалистично и с большой детализацией, характерной для ранних этапов скифского «звериного» стиля.

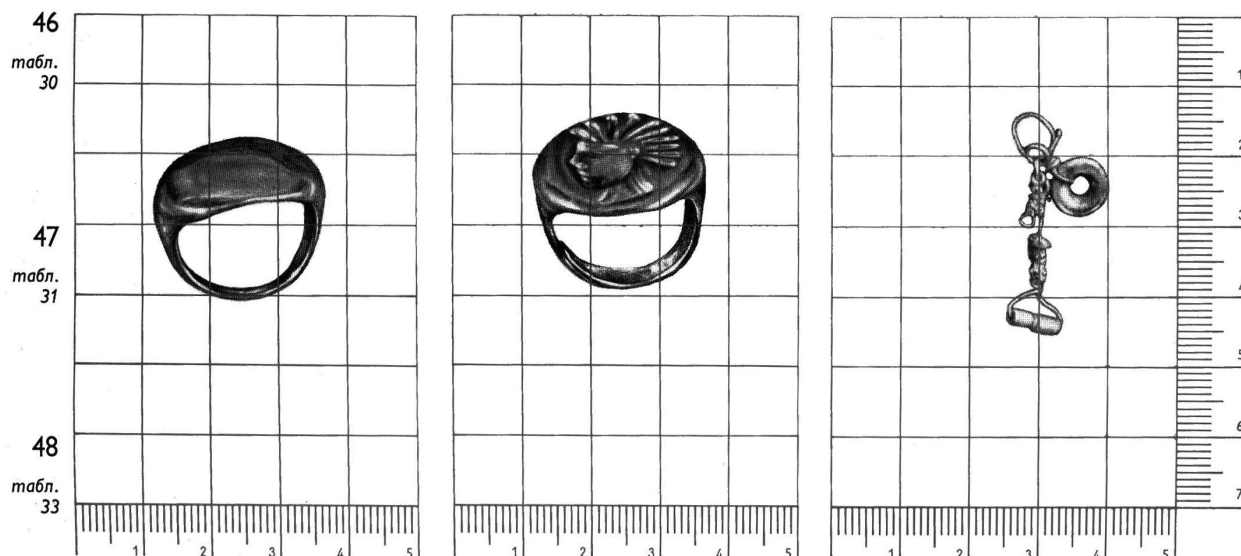
Место иссыкской гривны в хронологическом ряду подобных ей гривен из Сибири, Средней Азии и Причерноморья определяется твердо.

М. И. Артамонов, посвятивший одну из своих последних работ классификации и хронологии браслетов и шейных гривен из Сибирской коллекции Петра I, считает, что эволюция их

идет от простых по устройству к более сложным: от трубчатых разъемных, соединенных втулками, - к гривнам с шарнирным соединением²⁶. По его же мнению, еще одним признаком ранних гривен является сочетание соединения концов на втулках со спиралевидностью самой гривны, когда ее концы с зооморфными навершиями заходят друг на друга. На более поздних вместо заходящих по спирали концов на основу гривны сверху напаяно полукольцо с навершиями на концах в виде животных или их голов. Гривны раннего типа на основании анализа художественно-стилистических особенностей изображений зверей и по аналогии с найденными в комплексе датируются V-IV вв. до н. э.²⁷.

Иссыкская гривна имеет все признаки ранних гривен, отличаясь от них легкостью и изяществом изготовления. Она может быть датирована также V-IV вв. до н. э.

Весь сравнительно большой набор посуды из кургана Иссык, как керамической, так металлической и деревянной, может служить хронологическим индикатором относительно. На всей территории Семиречья начиная с VII-VI вв. до н. э. и на протяжении более чем тысячелетия она устойчиво сохраняла свои основные формы,

Перстень с овальным щитком
A finger-ring with an oval disc

Перстень-печать с изображением человеческой головы
A seal-ring picturing a man's head

Серьга
An ear-ring

присущие только сакской культуре этого региона, и мало походила на посуду иных культур близлежащих территорий. Поэтому, хотя по типам иссыкских сосудов мы не можем установить дату памятника, но твердо можем определить принадлежность его к археологической культуре. Бесспорно курган Иссык является памятником сакской культуры, распространенной с VII в. до н. э. Это не так уж мало, если вспомнить, что в археологии нередки случаи, когда легче определить датировку, чем культурную принадлежность памятника.

Среди иссыкской посуды можно выделить большую серебряную чашу, украшенную по дну многолепестковой розеткой. Она близка бронзовой фиале, найденной на р. Куганак (севернее г. Стерлитамака)²⁸. А. А. Иессен считал, что куганакская и другие близкие по форме бронзовые и серебряные фиалы из савроматских захоронений происходят из Ирана и датировал их V в. до н. э.²⁹. К этому же времени их относит К. Ф. Смирнов³⁰.

Мы склонны по аналогии с савроматскими иссыкскую чашу датировать также V в. до н. э., тем более что такая дата полностью совпадает со временем, установленным для датируемых предметов из Иссыка.

Важным датированным предметом является ручка деревянного черпака. Она исполнена в той же технике, что и деревянные украшения узды из первого Туэктинского кургана в Центральном Алтае³¹ и деревянные ножи столиков из второго Пазырыкского кургана Горного Алтая³². Исследователь этих курганов С. И. Руденко справедливо датирует их соответственно второй половиной V в. до н. э. и серединой IV в. до н. э.³³. Как видно, эти даты весьма близки к датировке Исыкского кургана, предложенной нами по оружию и гривне.

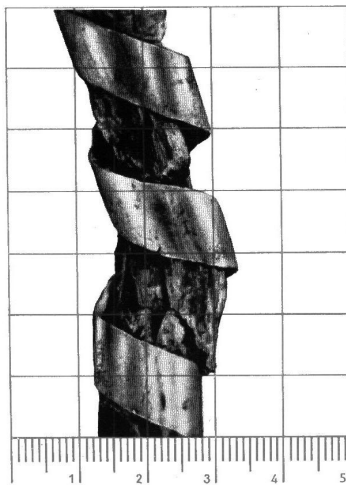
Наконец, переходим к последней группе предметов, привлекаемых для датировки, - к изделиям прикладного изобразительного искусства, имеющим весьма архаический облик. Среди них наиболее древними являются изображения оленей с подогнутыми ногами на ременных бляхах-накладках. Временем появления этого образа в скифском и сакском искусстве считается VII в. до н. э.³⁴.

К числу скифско-сакской архаики (VII–VI вв. до н. э.) относятся также бляхи ременного распределителя с изображениями свернувшегося волка и бляшки в виде силуэтного изображения стоящего козла в характерной позе с подобранными (соединенными) ногами, в положении перед прыжком.

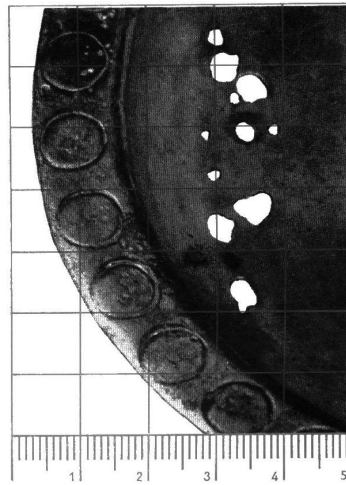
Для исыкских находок очень характерны усиленная детализация изображений зооморфных мотивов, сцены «шествия» «скребущих» животных, вставные уши, рога и крылья, вставка самоцветов и цветной пасты и т. д., то есть художественно-стилистические особенности, типичные для ранних этапов искусства «звериного» стиля.

Зеркало
A mirror

Остатки рукояти нагайки
Remains of a whip handle

Большая серебряная чаша
The bigger silver bowl

49
табл.
33

50
табл.
32

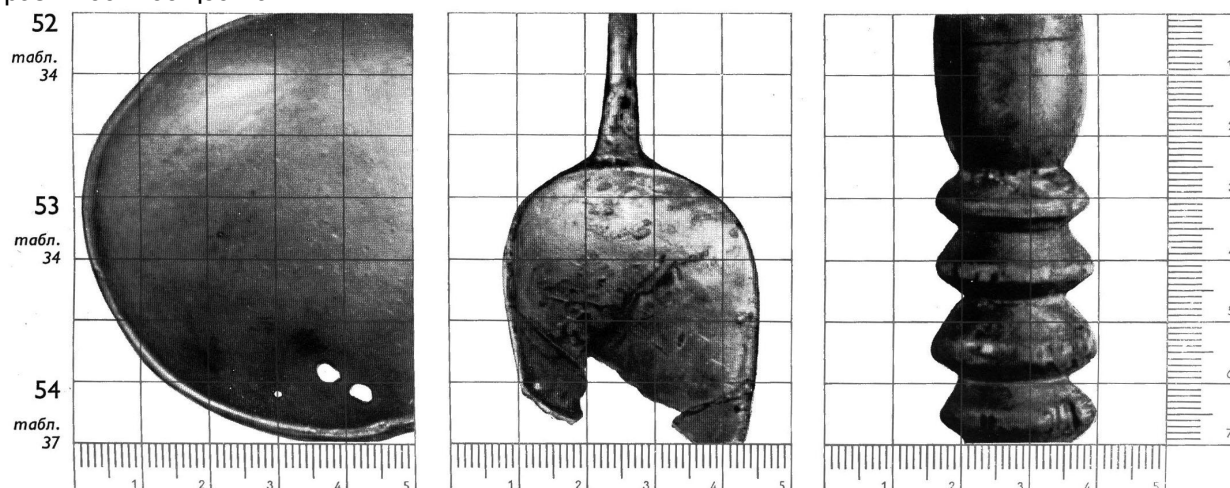
51
табл.
34

Нельзя объяснить простой случайностью также и тот факт, что в таком большом комплексе, как исыкский, среди зооморфных мотивов нет ни одной композиции со сценой нападения и борьбы животных. Искусство «звериного» стиля в Исыке представлено исключительно одиночными образами животных. В связи с этим укажем на то, что для всего скифо-сибирского искусства «звериного» стиля на его ранних этапах типично преобладание изображения одиночных животных или отдельных частей их тела³⁵.

Синхронизация исыкских датированных предметов с их аналогами из соседних регионов дает возможность установить время захоронения в кургане Исык в широких хронологических рамках VII-IV вв. до н. э. При этом еще раз напомним, что нижнюю (раннюю) хронологическую границу определяют предметы искусства, которые могут присутствовать в поздних комплексах,

как реликты. Поэтому определение хронологии только по ним может привести к серьезным ошибкам, в то же время было бы неверным совсем не учитывать их при разработке хронологии.

Мы уже отмечали, что в Исыкском кургане основным датированным комплексом являются предметы вооружения (кинжал и меч), украшения и детали туалета (гривна, зеркало) и быта (посуда). Впрочем, и здесь есть слабое место. Дело в том, что ввиду недостаточной разработанности эволюции форм оружия в Средней Азии и Казахстане мы вынуждены пользоваться хронологической шкалой древних культур отдаленных территорий - таких, как Северное Причерноморье, Южное Приуралье и Поволжье или Ближний Восток и Ордос. Тем самым, вольно или невольно, приходится исключить возможность самобытного пути развития некоторых форм предметов материальной культуры в среде самих древних племен, живших в степях Казахстана, что в методическом плане является грубой ошибкой, субъективным попранием исторической действительности. Например, конкретные типы исыкского кинжала, меча, зеркала на основании аналогии были датированы VI-IV вв. до н. э., но по теории вероятности можно предположить, что они могли появиться и бытовать в районе находки и на прилегающих территориях раньше, чем в отдаленных. Такая гипотеза не отрицает роли взаимовлияния культур и проникновения готовых форм и новых идей из прародины вширь, в иную этнокультурную среду. Но объяснить все лакуны в наших знаниях о внешних влияниях было бы, конечно, неверно. Исыкская находка убедительно доказывает, что общество, продуктом производства которого являются эти сокровища, находилось на достаточно высоком уровне историко-культурного развития, не уступающем уровню развития общественных устройств племен скифской и скифоидных культур, и что оно могло автономно создать специфические формы своей материальной и духовной культуры. Весьма веским доказательством высокой социальной развитости общества

Малая серебряная чаша
The smaller silver bowl

Серебряная ложка
A silver spoon

Ручка черпака
The handle of a scoop

является письменность сакских племен Казахстана, ранний памятник которой был обнаружен в кургане Исык.

Выше с возможной полнотой нами была приведена вся сумма объективных данных, позволяющих определить место исыкских находок в хронологической шкале культур эпохи раннего железа. Мы пользуемся датами этой шкалы, как абсолютными величинами, как чем-то твердо установленным и доказанным, забывая в погоне за поисками аналогии, что и в настоящее время не много дат могут служить маяками в море хронологической неясности и тумана, сгущенного толщей столетий.

По сравнительным формально-типологическим данным курган Иссык может быть датирован V-IV вв. до н. э., при этом, как уже отмечалось, мы его насильно укладываем в прокрустово ложе существующей хронологии, уже одним этим заранее, негативно предreshая вопрос о возможностях самостоятельного пути возникновения и развития местных типов оружия, предметов украшения и домашнего обихода. Такой подход издавна является одним из главных критериев, на которых основывается хронологическая классификация. Однако чрезмерное доверие и преклонение перед авторитетом готовых хронологий лишают инициативы, самостоятельности поиска и творчества, что приводит к проявлениям моноцентризма.

При анализе хронологического аспекта иссыкских находок мы старались использовать весь комплекс информации, извлеченной из традиционных показателей. Но некоторые новые данные свидетельствуют о том, что Иссык относится к более раннему времени, чем даты, установленные на основе приведенных аналогий. Так, появление кинжалов иссыкского типа с навершием в виде парных голов грифонов следует связывать с сибирско-казахстанским регионом. В другие районы Евразии кинжалы этого типа, видимо, распространились из этого центра, хотя прототипы его вместе с образом грифона были заимствованы с Ближнего и Среднего Востока. Логически оправдан вывод, что если в других районах кинжалы, сходные с иссыкским, распространились уже в V-IV вв. до н. э., то в Сибири и Казахстане они могли появиться раньше, скорее всего, в VI-V вв. до н. э. В этих же пределах должен быть датирован и иссыкский меч с архаическим брусковидным навершием.

К ранним формам шейных украшений относится иссыкская гривна. Она, в отличие от более поздних гривен, усложненных дополнительными шарнирами или цепочками, соединялась простыми втулками. Дата ее - V-IV вв. до н. э.

Большая часть предметов изобразительного искусства имеет ярко выраженные архаические художественно-стилистические особенности. К ним относятся: усиленная детализация при изображении животных, отсутствие сцен борьбы животных, исключительно одиночные образы зверей, вставные части тела и т. д. Все это характерно для раннего этапа скифо-сибирского «звериного» стиля. Поэтому эта группа находок без опасения должна быть отнесена к VI-V вв. до н. э.

И наконец, укажем на изображения священных деревьев, по трактовке весьма близких к иссыкским и происходящих из известных памятников конца VII - начала VI в. до н. э. Так, например, священные деревья изображены на золотых ножнах скифских акинаков из широко известных Литого и Келермесского курганов (начало VI в. до н. э.). Особенно похожи иссыкские священные деревья на изображения на оттиске-печати клинописной таблички из Кармир-Блур (IX-VII вв. до н. э.)³⁶. Мотив священного дерева неоднократно повторяется на нескольких предметах (пектораль, пластинка), входящих в состав Саккызского клада (VII в. до н. э.)³⁷. Перечень предметов с изображениями священных деревьев, сходных с иссыкскими, можно было бы значительно увеличить. Для нас важно отметить тот факт, что мотив священного дерева в сочетании с образами зверей присутствует преимущественно на предметах, характерных для ранних стадий культуры Ближнего Востока, Закавказья и Северного Причерноморья.

Приведенные выше доказательства дают основание полагать, что курган Иссык относится к V в. до н. э.

РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ

Обряд и обычай Реконструкция костюма

ОБРЯД И ОБЫЧАЙ

Хронологическое соотношение центрального и бокового захоронений в Иссыкском кургане устанавливается предположительно. Раскопки кургана не дали на этот вопрос прямого ответа, потому что центральная могила в результате неоднократного ограбления была полностью деформирована, а чрезвычайно рыхлый грунт (щебень и крупная галька) исключил возможность установления уровней залегания могильных ям. Возможно, что оба захоронения в кургане Иссык были одновременны или близки по времени. В последнем случае хронологический разрыв, видимо, был невелик, оба захоронения совершены в пределах одного столетия, но мы не должны исключать и вариант одновременного захоронения в обеих могилах. Нахождение обеих могил под

одной насыпью свидетельствует о том, что захороненные в них из одной семьи или были в близких кровнородственных отношениях. Причины смерти их неизвестны, но совершенно бесспорно, что захороненный в боковой могиле не был лицом сопровождающим того, кому предназначалось центральное сооружение. Пышность захоронения и сказочное богатство одежды свидетельствуют, что в южной могиле находились останки человека, занимавшего высокое общественное положение.

Расположение могил, вероятно, находилось в прямой зависимости от имевшего место соподчинения низшего высшему в обществе и от взаимоотношения старшего и младшего в семье. Бесспорно, что в основной, то есть центральной могиле мог быть захоронен человек общественно более значимый, чем погребенный в боковой могиле.

Мы ничего не знаем об обряде погребения в центральной могиле, но можем утверждать, что оно было значительно пышнее и богаче южного. А в остальном, включая и конструкцию погребального сооружения, обряд в обоих случаях был идентичен, поэтому по реконструкции погребального обряда в южной могиле можно судить и о центральной.

Последовательность возведения погребального сооружения в кургане Иссык представляется следующим образом. На выбранном участке вырывалась могильная яма прямоугольной формы, ориентированная длинной осью с запада на восток. В конкретном случае размер ямы равен примерно 4х3,5 м, глубина устанавливается точно - 2,7 м. На дне котлована возводилось бревенчатое сооружение - погребальная камера. Высота ее была намного меньше глубины могильной ямы, поэтому, как мы отмечали, верхние бревна были обнаружены на 1,2 м ниже поверхности грунта. Конструкция погребальной камеры проста: бревна определенной длины укладывались горизонтально друг на друга, образуя стенки камеры. На углах бревна, составляющие продольные (длинные) и поперечные (короткие) стены камеры, не связаны между собой, а лишь соприкасаются друг с другом. Однако существовал прием укладки, предотвращающий завал бревен. Торцовые концы бревен продольных и поперечных стен камеры на углах поочередно заходят друг за друга. Причем если в западной части камеры в левом углу концы бревен продольной стены упираются в бревна поперечной стены с внутренней стороны, то в правом углу концы бревен второй продольной стены заходят за бревна этой же поперечной стены, а в другой, восточной половине камеры повторяется этот же прием, только порядок сопряжения бревен на углах камеры обратный.

Высота стен погребальной камеры равна толщине пяти рядов бревен. Сверху камера была перекрыта одним рядом бревен, уложенных поперек могилы. Всего бревен наката десять. На дне камеры вдоль ее длинных стен настлан пол из хорошо обработанных досок. Общее количество досок также десять. При настилке пола доски хорошо подгонялись друг к другу, образуя ровную поверхность. Непосредственно на полу размещались усопший и погребальный инвентарь в том порядке, который мы обнаружили при раскопках. По-видимому, место на полу, предназначенное для покойного, покрывалось матерчатой подстилкой, расшитой мелкими золотыми бляшками. Последние мы обнаружили по сторонам костяка, особенно много их на участке пола, находящегося между скелетом и деревянными сосудами. На подстилку положен усопший, облаченный в блестящую парадную форму при полном вооружении. По существовавшему ритуалу, покойного укладывали на спину в вытянутом положении, головой на запад, лицом вверх (судя по сохранившейся в первоначальном положении начальной части головного убора). Вдоль правого бедра, рукоятью у пояса (скорее всего подвешенный к ремню), плашмя к бедру был помещен железный меч в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ремни привязи или портупеи украшали три золотые пронизи, одна из них - с рельефным изображением головы тигра. С левой стороны на туловище у пояса был помещен железный кинжал в деревянных ножнах, обтянутых кожей и украшенных двумя золотыми пластинами с изображениями скачущих лося и лошади, двумя цилиндрическими бляхами - распределителями ремней с рельефами свернувшегося волка. Рядом с покойником, у локтя левой руки, лежала стрела с золотым «наконечником», здесь же, но выше локтя, - нагайка, рукоятка которой спирально обтянута широкой золотой лентой, еще выше - остатки туалетной сумочки, в которой находились бронзовое зеркало и кусочек красной краски.

Усопший закрывался дощатой крышкой, о чем свидетельствует слой древесной трухи на костяке и железные кольцевые скобы, скреплявшие доски на стыках.

Затем на полу камеры размещали посуду с заупокойной пищей и ритуальные сосуды. Всего в могиле находились тридцать один сосуд, черпак и ложка. Возможно, что не все сосуды

были наполнены пищей и напитками; часть из них ставилась пустыми как запасные на случай надобности, отдельные миски имели ритуальное значение или были в свое время наполнены ритуальными напитками. К последним явно относятся серебряная чашечка с надписью и бронзовая с позолотой чаша, поставленная обособленно от других. Кстати, в ней лежало несколько золотых фигурных пластин, напоминающих клюв и когти хищной птицы. Кости животных - остатки мясной пищи, столь обязательные почти для всех раскопанных в этом регионе захоронений сакского времени, - не обнаружены ни в одном из сосудов.

В размещении посуды выдержан определенный порядок. У южной стены камеры помещалась деревянная посуда, причем у самой стенки на заднем плане в два ряда поставлены рядом четыре блюда, а на переднем плане - миски и черпак. У западной стены в один ряд, вплотную друг к другу, выстроены глиняные кувшины, а перед ними миски. Среди мисок располагались группой две серебряные чаши и ложка. Бронзовая чаша была поставлена в стороне от остальных, у изголовья захороненного.

Участок пола у восточной стены камеры был свободен от вещей, а между телом покойного и деревянными сосудами оставлялся проход. Очевидно, вход в камеру был с восточной стороны, что подтверждается примером известных сакских Бесшатырских курганов³⁸. После совершения всего ритуала камеру перекрывали поперек положенными короткими бревнами, засыпали землей, вынутой во время рытья могилы, а затем возводили насыпь кургана.

Современному человеку трудно представить все подробности погребального обряда той далекой эпохи. Как один из вариантов завершающего этапа ритуала можно предположить такой вариант. Многолюдная траурная процессия медленно движется к месту погребения. Впереди мужчины, возможно жрецы, несут погребальные носилки с телом усопшего, с которых, ниспадая, колышется в такт движению расшитая золотом накидка, за ней вереница людей из тридцати одного человека (по числу сосудов, поставленных в могилу), несут ритуальные сосуды и сосуды с пищей. А далее нескончаемым потоком следуют родственники, воины, соплеменники, съехавшиеся со всех концов подвластной территории. Погребальное сооружение давно готово, и находящиеся здесь служители культа ждут часа, когда тело будет передано им и они завершат процесс таинственно-торжественного отправления в загадочный мир, называемый небытием. Вот наконец похоронная процессия достигает конечной цели. Вся огромная толпа, в том числе и родственники, остаются наверху, в яму спускаются лишь жрецы с телом, чтобы уложить его в отведенном месте в камере, предварительно подстелив под него снятую с носилок накидку. Они размещают на полу камеры многочисленные сосуды в том порядке, в котором мы застали их во время наших раскопок более двух тысяч трехсот лет спустя. Они же закроют камеру бревнами, и только тогда тысячи соплеменников примут участие в возведении огромной насыпи погребального кургана. Так могло быть. Мы ничего не знаем, по-видимому, никогда не узнаем во всех подробностях обо всем этом сложном обряде культа предков, культа мертвых. «Летопись» кургана ничего не сохранила для нас и о совершенных жертвоприношениях и тризнах. Они, конечно, были, но совершались вне кургана, где-то в других местах.

К сожалению, письменные источники мало помогают в реконструкции погребального обряда сакских племен. Зато известны подробности культа мертвых предков у скифов. Геродот детально описывает обряды захоронения и скифского царя и «всех прочих скифов»-простолюдинов, подчеркивая, что они свято почитают могилы предков, а на могиле приносят жертву мечу и солнцу³⁹.

О ритуалах азиатских саков в источниках сведений еще меньше. Только благодаря сообщению другого греческого историка, Ктесия (около 400 г. до н. э.), стало известно, что саки над прахом своей царицы Зарины возвели грандиозный курган и на нем поставили ее золотую статую⁴⁰. Эти сведения очень важны, но их слишком мало для реконструкции сакского погребального обряда. Поэтому большое значение приобретают археологические данные. Именно они дают возможность сравнительно объективно воспроизвести картину одного из возможных вариантов бытовавшего в древности погребального обряда.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЮМА

Полная сохранность Иссыкского захоронения дает исследователю редкую возможность детально восстановить не только погребальный обряд, но и реконструировать форму головного

убора, одежду и обувь, расположение на них предметов украшений и иных атрибутов, реконструировать форму оружия и украшение ножен и как конечный итог - технически выполнить модель одеяния погребенного в натуральную величину.

Перейдем к реконструкции одеяния иссыкского сака. Это была одежда, которую носили в дни торжественных приемов, массовых собраний и парадных смотров. Для повседневной носки она слишком роскошна и слишком неудобна, а существование специальной погребальной одежды маловероятно. Она была предназначена для поражения воображения живых, возвеличивала высшего над низшим.

ГОЛОВНОЙ УБОР

Предлагаемая реконструкция головного убора основана на данных археологических и письменных источников. Так, для определения размера головного убора по археологическим данным может быть использована информация, извлеченная из системы размещения предметов украшения, сохранившихся в первоначальном порядке на площади их нахождения в момент раскопок. По этим данным представилось возможным установить с большой долей точности основные размеры головного убора, диаметр и высоту.

Диаметр окружности головного убора устанавливается почти точно по золотой диадеме, опоясывающей его в наиболее широкой части. Он равен 22 см, что соответствует диаметру головного убора с поправкой +1-1,5 см на толщину ткани основы. Высота головного убора может быть установлена менее точно, чем диаметр, со значительной долей допуска. Она определяется по расстоянию от сохранившихся в первоначальном положении украшений начальной части до миниатюрной статуэтки архара, венчавшей головной убор. По этим данным высота должна быть определена в 60-65 см.

55

56

Маг с прутьями в руке. Вотивная пластинка. Аму-Дарьинский клад.
A magician with a rods in his hand; a votiv plate, the Amu Darya treasure

Юноша в скифском колпаке. Халчаян. I в. до н. э. - I в н. э.
A young man wearing a Scythian cap; Khalchayan, Southern Uzbekistan; 1st cent. B.C. - 1st cent. A.D.

Предположительно может быть реконструирована и форма головного убора. Вероятно, он был конусовидным или цилиндрическим. В пользу первой формы можно привести значительно больше свидетельств, чем для доказательства второго варианта формы. Конкретные сведения по интересующей нас теме могут быть извлечены из накширустемской и бехистунской надписей (Иран) и выбраны по крупницам из многотомного труда Геродота. Из этих источников известно, что из трех групп азиатских саков может быть выделена лишь одна - саки-тиграхауда, которая всегда

«носит шапку острой»⁴¹, хотя саки двух других групп носили такие же шапки⁴². На Бехистунской скале изображен сак Скунха в остроконечной шапке. На рельефе из ападаны в Персеполе также изображены саки в остроконечных колпаках. Археологические находки антропоморфных изображений из металла и глины, происходящие из разных районов расселения азиатских саков и европейских скифов, значительно дополняют письменные известия и вносят ясность в изучаемый вопрос. Вспомним и золотые votивные пластины с изображениями воинов-жрецов в шапках с острым концом из Аму-Дарьинского клада⁴³, человеческие головы в остроконечных головных уборах из Халчаяна⁴⁴, изображения скифов в конусовидных колпаках на сосудах из Куль-Обы⁴⁵ и другие.

Таким образом, очевидно, что остроконечные шапки носили не только саки-тиграхауда, но и представители всех других сакских племен и даже европейские скифы. Однако при сравнении изображений головных уборов саков разных групп выявляется одна деталь, позволяющая судить о том, что при большом сходстве головные уборы различных сакских племен и скифов имели существенные отличия. Так, на статуэтке сака из Аму-Дарьинского клада острый конец шапки заломлен вниз, а на скульптуре сака из Халчаяна и скифов, изображенных на куль-обской вазе, - низкие конусовидные колпаки и т. д. Головные уборы саков бехистунских и персепольских рельефов - высокие, прямостоящие конусовидные, высотой до 70 см. Мы считаем, что эти изображения воспроизводят облик саков, которым древние авторы присвоили этнокон «саки-тиграхауда» или «саки-ортокарибантии»⁴⁶.

В дальнейшем, в отличие от остроконечных шапок среднеазиатских саков и европейских скифов, головной убор саков-тиграхауда мы будем называть «стреловидными» шапками. Некоторые аргументы в пользу этимологии «saka-tigrahauda», как «саки в стреловидных шапках», будут приведены в третьей главе работы.

Одним из доводов в пользу стреловидности формы головного убора иссыкского сака может быть миниатюрная статуэтка архара, которая, судя по месту нахождения, венчала головной убор. Размеры статуэтки и способ ее крепления с помощью маленькой пластинки вынуждают к единственно возможному выводу о том, что она могла крепиться к острому окончанию верха головного убора.

И наконец, обратимся к выяснению причины широкого распространения конусовидной формы головного убора в сакское время, впрочем, не только в это время, но и в более позднее, у многих азиатских кочевников. Причина одна - простота исполнения этой формы из того специфического материала (войлок, кожа, береста), которым располагали эти племена.

Таким образом, вполне вероятно, что иссыкский головной убор имел форму колпака с высоким узким верхом и с низом в виде треугольника, закрывающего затылок и щеки и завязывающегося под подбородком.

После реконструкции формы головного убора представляется возможным установить порядок размещения на нем золотых украшений. Эта задача облегчается тем, что система расположения пластин, блях, бляшек и других видов украшений зафиксирована точно в момент раскопок.

При реконструкции внешнего вида не только анфаса, но и всего головного убора чрезвычайно важен такой факт, как парность однотипных украшений. Это верный признак симметричного распределения их на головном уборе.

Основу декоративного оформления лицевой стороны иссыкского головного убора составляет его начальная часть, взятая нами монолитом. Она выполнена в виде протомы рогатых лошадиных голов, соединенных единым крылатым туловищем. Свободное пространство за протомами лошадей заполняют две пластины, имитирующие конские фигуры без круп и задних конечностей. Выше этих фигур коней расположены две длинные прямоугольные пластины, заканчивающиеся по обеим концам пластинами треугольной формы. Над верхними концами длинных пластин помещены небольшие парные фигурные пластинки.

Главную часть убранства лицевой стороны колпака составляют две длинные золотые пластины в виде птичьих крыльев и пара длинных (длина их почти вдвое больше длины крыльев) стреловидных украшений, состоящих из древков, оплетенных узкой золотой лентой, и листовидных наконечников. Украшения в виде перьев и стрел попарно размещены выше протом лошадей, и каждая пара, состоящая из двух перьев и двух стрел, составляет единое целое. Под каждой такой парой находится по одной треугольной пластинке. Четыре треугольные формы

пластинки размещены по одной линии. Все пластинки, с гладкой поверхностью расписаны красной краской. В целом убранство лицевой стороны создает впечатляющую картину вычурности, пышности и парадности головного убора.

Убранство остальных сторон иссыкского головного убора восстанавливается так же детально.

Парность однотипных блях и положение их в момент раскопок - единственное, на что можно опираться при восстановлении композиции рисунка. Однако часть

Скиф, натягивающий тетиву лука. Сцена на сосуде. Курган Куль-Оба. IV в. до н. э.
A Scythian fixing a bow-string, a silver vessel discovered in the Kul-Oba Mound 4th cent B.C.

Скифы за беседой. Сцена на сосуде. Курган Куль-Оба
Scythians having a talk, a silver vessel, the Kul-Oba Mound

Скифы за врачеванием. Сцена на сосуде. Курган Куль-Оба
Scythians occupied with doctoring; a scene pictured on a vessel found in the Kul-Oba Mound

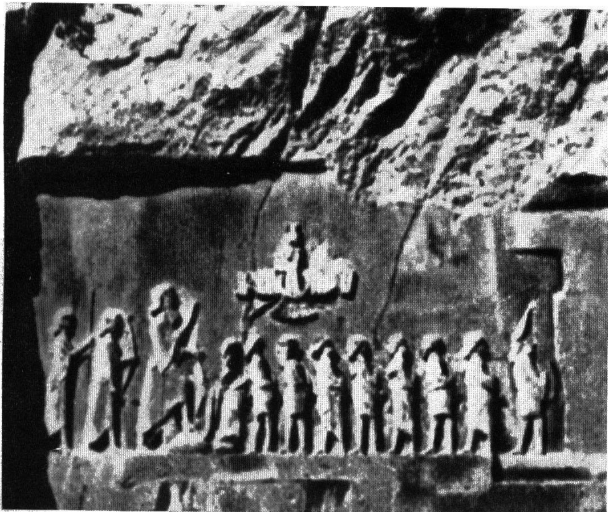
блях и пластин, украшавших другие стороны шапки, не находилась на месте своего первоначального положения, поэтому в восстановлении картины убранства боковых и затылочной сторон допускаются догадки и предположения. За основу построения узора принято зональное круговое размещение украшений по поверхности колпака. Поводом к этому решению послужило местоположение упомянутой выше диадемы, опоясывавшей головной убор в наиболее широкой части - в месте соединения верха и низа. Вторую зону составляла золотая зубчатая лента, имитирующая горный пейзаж. Она сохранила свое первоначальное положение вокруг шапки выше диадемы. На ней, как бы в седловине между островерхими горными пиками, закреплены украшения, имитирующие древо жизни с сидящими наверху птицами. Одно из этих деревьев сохранилось в первоначальном положении на зубчатой ленте. В свободной полосе между лентой с деревьями и диадемой размещалась третья зона из шести круглых бляшек с изображением морды льва.

Таким образом, боковые и затылочные стороны верха головного убора опоясывали три зоны орнаментального рисунка, составленные из разных золотых пластин и бляшек: пояс из зубчатой ленты - «мотив горного пейзажа» с деревьями и птицами, пояс из круглых зооморфных бляшек и пояс из диадемы. Таким образом, конусовидный верх головного убора был украшен лишь в нижней части.

Гораздо ярче и эффектней был орнаментирован низ головного убора. Система расположения блях также зональная. Первую (ниже диадемы) зону составляют пять бляшек в виде плоскостных изображений горных козлов, расположенных симметрично по паре с каждого бока и пятая на затылке, между ними помещены две бляхи, изображающие хищника кошачьей породы - барса. Ниже идет вторая зона украшений, состоящая из трех блях в виде фигур снежных барсов и пластин с мотивами горного пейзажа. Парные бляхи-барсы с мотивом гор расположены по боковым сторонам шапки. Одинарная бляха-барс с двумя пластинами с мотивами горного пейзажа по бокам размещена на затылочной части головного убора. И наконец, последняя (нижняя) зона украшений состоит из пяти ажурных фигурных пластинок лекаловидной формы. Из них две парные находились по бокам, а одинарная - на затылочной части головного убора.

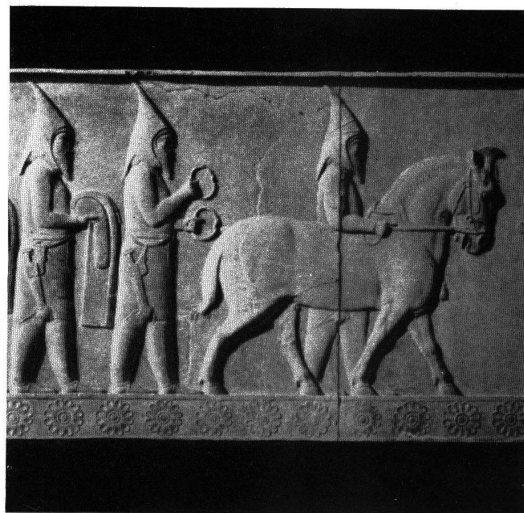
При реконструкции формы и убранства иссыкского головного убора (а он оказался самым сложным для реставрации) сделано все возможное, чтобы обосновать данными, полученными при раскопках, размещение каждой из блях и пластинок. Однако, к сожалению, не обошлось и без

предположений, но все же в целом реконструкция по возможности максимально приближена к подлиннику. Основа головного убора была, по-видимому, войлочно-матерчатая, не исключено употребление кожи.

60

Рельеф на Бехистунской скале
A relief on the Behistun Cliff, Iran

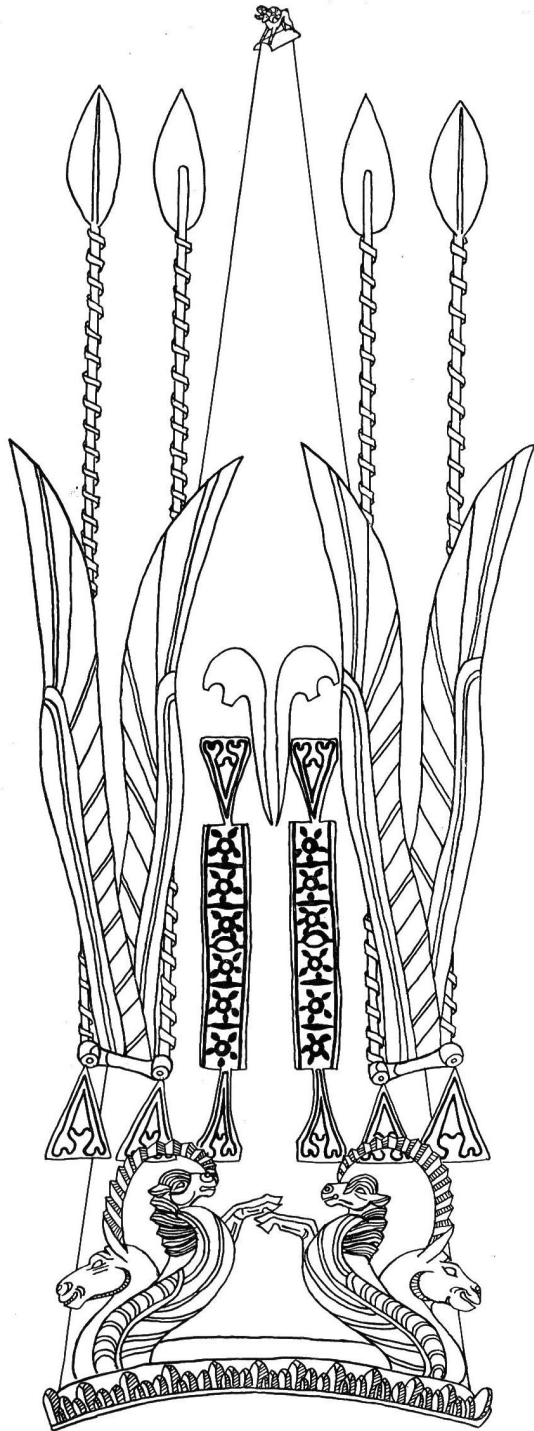

61

Саки, подносящие дары. Рельеф на лестнице в ападану в Персеполе
Saka people bringing tributes; a relief of the temple of Xerxes in Persepolis, Iran

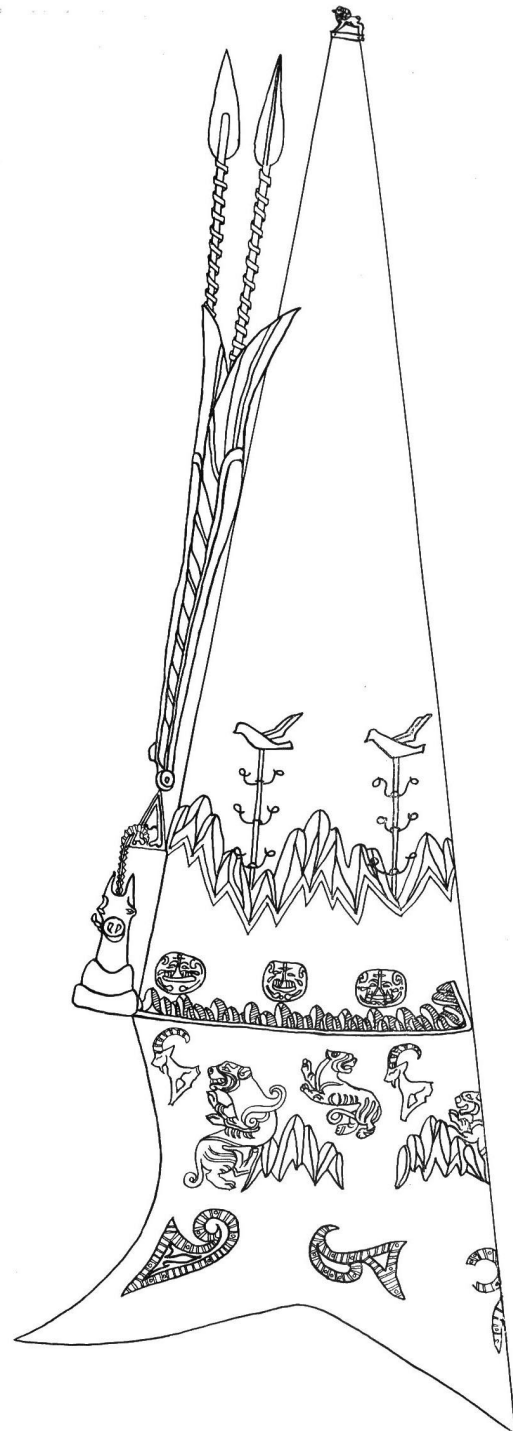
ОДЕЖДА, НАБОРНЫЙ ПОЯС И ОБУВЬ

Ввиду хорошей сохранности в первоначальном положении предметов украшения форма одежды, порядок размещения бляшек на ней устанавливаются легко. Погребенный был одет в короткий кожаный кафтан без отложного ворота и лацканов. Судя по сохранившимся кусочкам кожи, она была окрашена в коричневый или красный цвет. Весь кафтан был обшит фигурными треугольными золотыми бляшками, имевшими твердую основу из тонких медных (бронзовых) пластинок. В размещении бляшек прослеживается определенная система: они расположены горизонтальной линией, составляя цепочку бляшек вершинами вверх, соприкасающихся друг с другом нижними концами, а следующий нижний ряд бляшек касается предыдущего (верхнего) вершинами в месте соединения их концов. В таком порядке размещены бляшки по всей поверхности кафтана. Ворот, борта кафтана и низ полы, линия предплечья и низ рукавов орнаментированы бляхами четырехугольной

62

Головной убор. Реконструкция
A head-gear (reconstruction)

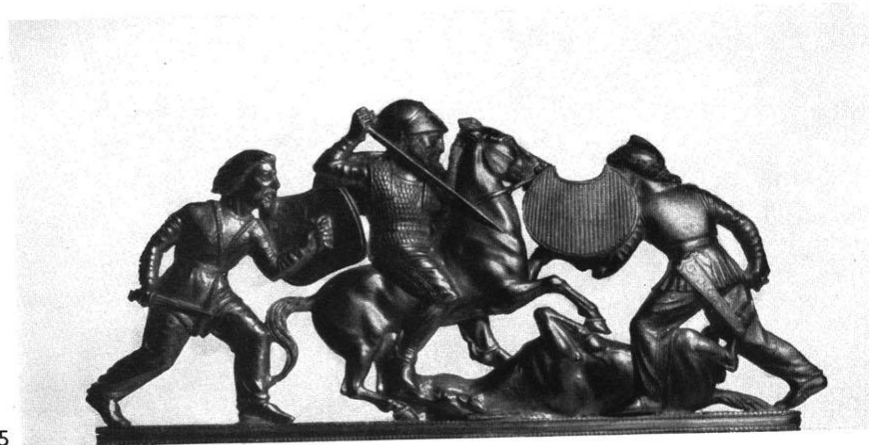

63

Головной убор. Реконструкция. Вид сбоку
A head-gear (reconstruction), side view

64

65

Кафтан. Реконструкция
A caftan (reconstruction)

Гребень с фигурами сражающихся скифов. Курган Солоха. IV в. до н. э.
A scene of fighting Scythians reproduced on a golden comb; the Solokha Mound, 4th cent B.C.

формы с изображениями морды хищника кошачьей породы. Как уже говорилось, они двух разновидностей: с горизонтальными и вертикальными планками. Причем бляхами первой разновидности украшались части кафтана (низ полы, низ и предплечья рукавов), требующие горизонтального размещения блях. При таком расположении верхние и нижние планки блях составляли две сплошные горизонтальные полосы. Бляхи же с вертикальными планками украшали сверху вниз ворот (линию вокруг шеи) и борта таким образом, что боковые планки составляли две непрерывные вертикальные линии. Примерный размер кафтана 46-48.

По хорошей сохранности первоначального положения блях с горизонтальными и вертикальными планками устанавливается, что кафтан запахивался налево и не доходил до колен.

Верхняя одежда с застежкой налево характерна для большинства сакских и скифских племен, по крайней мере на всех известных антропоморфных изображениях этого времени у одежды правая пола заходит на левую. В одежде с запахом налево изображены саки на персепольских рельефах⁴⁷, скифы-воины на золотом гребне из кургана Солоха, скиф с кубком в руках на золотой пластине из Куль-Обы и скифы в композиционных сценах на золотом сосуде из Куль-Обы: скифы за врачеванием, беседующие скифы, скиф, натягивающий лук⁴⁸.

На всех этих изображениях кафтаны облегающие, с узкими рукавами, но удлиненные, достигающие до колен или немного ниже. Этим они отличаются от иссыкского короткого кафтана, не закрывающего колен.

Однако известна находка остатков короткого кафтана (длиной 90 см) из второго Пазырыкского кургана. Пазырыкский кафтан сшит из собольего меха. Его наружная сторона выделана, как замша. Кафтан украшен по спине и подолу кожаными аппликациями с закрепленными на них золотыми бляшками⁴⁹. Известны другие находки остатков верхней одежды из меха и тонкого белого войлока, происходящие из других Пазырыкских⁵⁰ и Катандинского⁵¹ курганов.

Таким образом, иссыкский кафтан, в отличие от всех известных, был роскошной одеждой, сплошь украшенной золотыми бляхами, и скорее напоминал сверкающий чешуйчатый панцирь, чем просто кафтан.

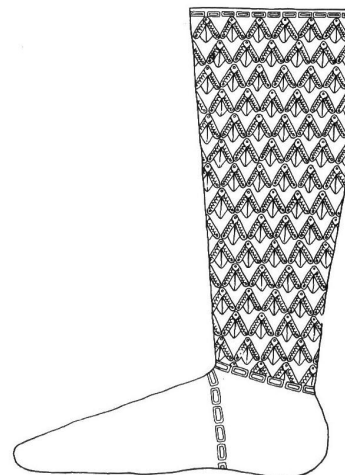
Под слоем бляшек, украшавших перед кафтана и лицевую сторону рукавов, было обнаружено множество мелких бляшек разных форм, лежащих поверх оборотных треугольных бляшек, украшавших спину и локтевые стороны рукавов кафтана. Особенно много их в области груди и рук, даже у левой руки частично сохранился мотив узора, представляющий собой сочетание бляшек различных форм. Все это дает основания полагать, что на погребенном под кафтаном была нательная рубаха. Она не сохранилась. По расположению мелких золо-

66

Скиф-воин. Фрагмент сцены, изображённый на гребне из кургана Солоха
A Sithian warrior, a fragment of the scene on the comb discovered in the Solokha Mound

67

Сапог. Реконструкция
A boot (reconstruction)

тых бляшек можно утверждать, что рукава ее были расшиты узорами из сочетания бляшек разных форм, а низ рукавов и ворот были украшены фигурными бляхами прямоугольной формы. По-видимому, нательная рубаха заправлялась в штаны.

Существование нательных мужских рубах у племен алтайско-семиреченской зоны доказывается находками одной целой рубахи и остатков от другой во втором кургане Пазырыка. С. И. Руденко пишет, что они были сшиты из тонкой и толстой белой ткани из волокон конопли или кендыря, а по швам были окантованы красной шерстяной тесьмой⁵².

Одежду иссыкского сака дополняли штаны, также украшенные бляшками. В первоначальном положении сохранились мелкие прямоугольной формы узкие золотые бляшки, нашитые в виде продольного канта по линии внешних и внутренних швов штанин. Такие же бляшки украшали пояс штанов. По-видимому, штаны были сшиты из плотной ткани, возможно, из кожи, об этом говорит четкая сплошная линия расположения бляшек, сохранившихся в том положении, в каком они были нашиты на штаны. По расстоянию между внешней и внутренней полосками бляшек устанавливается ширина штанины. Она была равна 20-25 см.

Поверх кафтана находился наборный пояс.

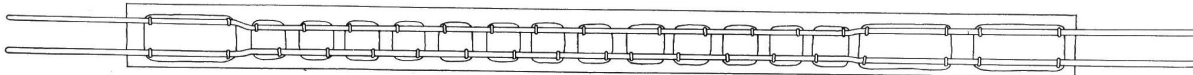
Парадный пояс, украшенный шестнадцатью золотыми бляхами-накладками, был тяжелый и массивный. Три большие прямоугольной формы бляхи, выполненные в виде лежащей фигуры оленя, судя по месту находки, были закреплены на концах ремня. Одна из них находилась с левой стороны, а две, являющиеся зеркальными отражениями первой, - с правой. Остальную часть ремня украшали тринадцать малых блях в виде головы оленя с парными лопастями рогов. Причем пять из них - с оленьими головами, повернутыми направо, так же, как у двух больших блях-оленей, размещались с правой стороны на ремне. А восемь остальных малых блях являлись их зеркальными отражениями, размещались с левой стороны. Уже отмечалось, что все бляхи-накладки имели на обратной стороне припаянные прямоугольные петельки из четырехгранной серебряной проволоки. У больших блях их было по четыре, а у малых по две.

Реконструкция ремня представляется в следующем виде. Основу составляла длинная лента из толстой кожи, в которой прорезались отверстия, по форме, количеству и порядку расположения строго соответствующие петелькам на бляхах-накладках. Затем петельки блях вставлялись в эти отверстия, а через них (петли) продергивались два кожаных (сыромятных?) ремешка, длиной превышающие основу. Узкие ремешки, таким образом, служили и для закрепления блях на основе и для завязывания ремня на талии. Так как пряжек для застегивания

не найдено, естественно предположить, что ремень завязывался ремешками. Длина ремня, полученная при реконструкции, равна 0,95-1 м.

68

Наборный пояс. Реконструкция
A composite belt

(reconstruction)

69

Костюм сака. Реконструкция автора
A Ska's dress (reconstruction by the author)

Наборные пояса типа иссыкского, украшенные серебряными и бронзовыми бляхами и подвесками, были широко распространены у евразийских кочевников с VII–VI вв. до н. э. и вплоть до позднего средневековья. Они были излюбленной частью одежды у казахов, киргизов, башкир и других народов еще в XIX - начале XX в.⁵³

Штанины брюк заправлялись в сапоги с длинными голенищами.

Обувь тоже была богато украшена золотыми треугольными бляшками. Они сохранились в непо потревоженном положении на костях левой ноги. По расположению бляшек удалось реконструировать форму обуви, установить длину голенища. Несомненно, это были сапоги с длинными, немного не достигающими до колен голенищами, украшенными золотыми бляшками такой же формы, как на кафтане. Верх и низ голенищ по линии головок окантован мелкими прямоугольными бляшками. По-видимому, полосы из таких же бляшек проходили по головке сапог вокруг стопы.

У евразийских кочевников штаны и сапоги как часть одежды появляются еще в глубокой древности. Еще Геродот в перечне одежды саков указывает на их остроконечные шапки и штаны³⁴.

У скифов, судя по изображениям на куль-обском сосуде, штаны были двух типов: узкие и широкие; они заправлялись в полусапожки с короткими голенищами⁵⁵.

На рельефе из ападаны в Персеполе видно, что обувь у саков-тиграхауда бескаблучная. На рельефе линия голенищ совпадает с линией полы кафтана, так что можно предполагать, что они доходили до колен. На золотых пластинах из Аму-Дарьинского клада саки изображены в орнаментированных кафтанах и сапогах с выделенными каблуками и длинными голенищами⁵⁶. меховая мужская обувь с длинными голенищами обнаружена в Каракольском кургане на Алтае, а в Пазырыкском кургане - длинные войлочные чулки с орнаментированным верхом⁵⁷.

Таким образом, по археологическим находкам может быть установлено, что сакская обувь была двух типов: с длинными и с короткими голенищами, шилась она из меха и войлока. Возможно, что из этих же материалов в сакское время шились и мужские штаны. находки остатков их при раскопках курганов в Ноин-Уле (Северная Монголия) свидетельствуют о том, что в более поздний период, в эпоху хуннов, мужчины носили шерстяные и шелковые штаны и войлочные кафтаны⁵⁸. В Катандинском кургане на Алтае, относящемся к ?-?I вв. н. э., также найдены штаны, сшитые из плотной шерстяной ткани, и сапоги из войлока⁵⁹. Таким образом, в результате проведенных реконструктивных работ мы представляем все одеяние иссыкского сака.

Полная экипировка захороненного в кургане Иссык представляется так: на голове была высокая стреловидная шапка с низом в виде треугольника, застегнутая под подбородком, богато украшенная золотыми бляхами и пластинами; в мочке левого уха находилась золотая серьга с зернью и подвесками из голубой бирюзы; на шее золотая кольчатая гривна; на теле - нижняя рубаха, орнаментированная по груди и рукавам причудливыми узорами из сочетания золотых бляшек разных форм, поверх нее кожаный красноватого цвета короткий кафтан, сплошь обшитый золотыми бляхами и бляшками; на пальцах рук - два золотых перстня; кафтан подпоясан тяжелым наборным поясом, сверкающим шестнадцатью массивными бляхами-накладками, выполненными в зооморфном стиле; справа к нему подвешен длинный железный меч в красных ножнах, а слева - железный кинжал-акинак в ножнах, обложенных золотыми пластинами; на ногах узкие шерстяные или кожаные штаны, по швам обшитые золотыми бляшками; штаны заправлены в войлочные или кожаные сапоги с высокими голенищами, украшенными золотыми фигур

ИСТОРИЯ И ИСКУССТВО

Общество и письмо
Этническая атрибуция
Образы и стиль

ОБЩЕСТВО И ПИСЬМО

Общественный строй кочевых и полукочевых племен и народностей Евразии до сих пор остается малоизученным. В дореволюционной историографии при разработке или постановке отдельных аспектов проблемы кочевого общества имела тенденция исходить из традиционной, как уже становится ныне ясным, неправильной априорной точки зрения о низком уровне развитости социально-экономической и культурной жизни кочевников. В основе формирования такой гипотезы в исторической науке лежит ряд причин.

Одна из них - элементарное незнание истории и истории культуры кочевников, неизученность или слабая изученность историко-культурных проблем кочевого общества. В целом уровень незнания соответствовал общему слабому развитию исторической науки вообще и истории кочевников в частности. Азия долго оставалась, в определенной степени и в настоящее время остается, далекой и таинственной.

Во-вторых, при попытке исследования истории и культуры древних кочевых обществ непременно исходили из сопоставления далекого прошлого со вчерашней действительностью, имевшей место у кочевых и полукочевых племен Евразии в эпоху позднего феодализма и капитализма. Такая ретроспектива в социологических реконструкциях приводила к занижению уровня развитости древних кочевых обществ, к неверному представлению об их культуре.

У поздних кочевников (казахи, киргизы, туркмены и др.) в X?II-XIX вв. некоторые стороны общественной и культурной жизни и военной организации по уровню развития вполне могут быть сравнимы даже с ранними кочевниками Евразии. Причина падения этих поздних кочевников - военная и экономическая экспансия, агрессия извне и жестокая внутренняя междоусобная борьба, продолжавшиеся почти 700 лет (XIII-XIX вв.), начиная с нашествия орд Чингисхана. Многовековые внешние и внутренние акции привели к полному нарушению и уничтожению сложившихся веками жизненных коммуникаций кочевников. Эта политика по отношению к кочевникам означала захват лучших плодородных пастбищ и водных источников, лишение традиционных путей перекочевов и торговых дорог, нарушение жизненно необходимых контактов и связей с земледельческими центрами и с городами, физическое истребление производительных сил.

В результате политических и экономических акций произошло резкое уменьшение поголовья скота - основного источника процветания. Пришло в упадок земледелие - второй источник жизнеобеспечения, что неизбежно привело к катастрофическим последствиям - к обнищанию населения и упадку культуры. В XVIII-XIX вв. европейские ученые, путешественники и миссионеры застают кочевые общества на грани гибели, а от былой своеобразно яркой и пышной культуры - лишь реликты.

В третьих, первыми исследователями кочевого общества и кочевнической культуры были европейские ученые XVIII-XIX вв. Они были пионерами в этой области, вклад их в изучение историко-культурных проблем номадизма огромен. Однако методологическая направленность трудов этих ученых, основанная на поисках заранее смодулированных социально-экономических явлений, по образцам классических форм общественных организаций и культурных достижений Египта, Греции, Рима, Ирана, приводила к ошибочным выводам и заключениям.

Номадизм как особая форма социально-экономических взаимоотношений людей породил свойственные только ему черты хозяйственной, общественной и культурной жизни, хотя объективные исторические закономерности развития общества, сформулированные основоположниками научного коммунизма, относились к нему в такой же степени, в какой они относились к обществам классических стран Греции и Рима.

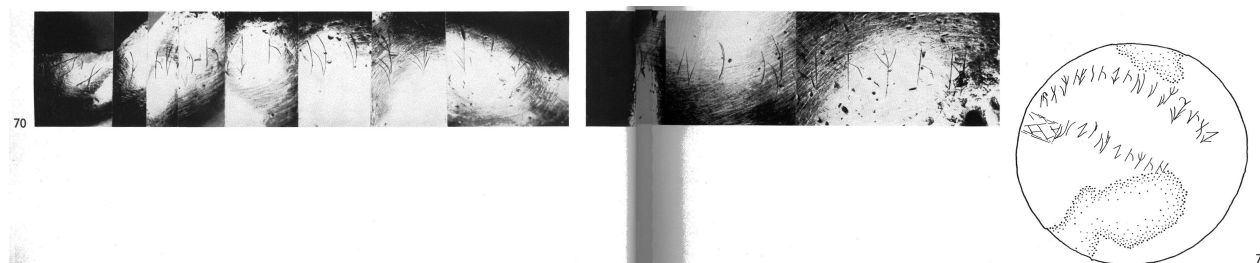
Однако если какие-то специфические стороны их истории не укладывались в привычные представления классики, то отмечались отсутствие развитой социальной структуры и примитивность культуры и искусства. Своеобразные формы общественной организации и государственного строя, материальной и духовной культуры, сложившиеся в результате многовекового развития, возникшие в особой среде и в определенной обстановке и

приспособленные к своему образу жизни и быту, к своим традициям, вкусам и природным качествам и духовным запросам, считались низшими и варварскими, не отвечающими понятиям высшей организации и высокой культуры.

Такое общее тенденциозное мнение имело место в мировой исторической науке до недавнего прошлого, оно было закономерно и неизбежно при отсутствии исторических фактов и археологических данных по истории и культуре кочевых народов.

Интенсивное развитие исторической науки в советскую эпоху, новые находки и накопление фактов приводят к коренному пересмотру вчерашних концепций, к формированию новой точки зрения на достижения кочевых и полукочевых обществ, к творческому подходу при изучении их экономики, социальных отношений, культуры и искусства⁶⁰.

Однако и в новейшее время в трудах некоторых историков и социологов западных стран встречаются проявления старых, ненаучных тенденций рассматривать кочевые народы Средней Азии и Казахстана как варваров-разрушителей, неспособных к созданию культурных ценностей, а происхождение памятников высокой культуры и искусства, открытых в районах расселения кочевников, как импорт из стран с развитой цивилизацией⁶¹. Открытия советских археологов и достижения

Надпись на малой серебряной чаше. Развёртка
An inscription on a smaller silver bowl (a spread picture)

Надпись на малой серебряной чаше. прорисовка
An inscription on a smaller silver bowl (tracing)

археологической науки в республиках Советского Востока показали ошибочность и ненаучность подобных точек зрения. В этом отношении особенно поучительны успехи археологии Казахстана. Результаты этих достижений дают основание по-новому поставить вопросы социально-экономических отношений у древних кочевников Казахстана.

Новейшие археологические источники, в том числе и материалы из кургана Иссык, дают основание считать, что при исследовании вопросов происхождения классов и государства необходим дифференцированный подход к каждому региону такой обширной и разнообразной по природно-климатическим условиям страны, как Казахстан.

Юг Казахстана (Южный Казахстан и Семиречье), в силу своеобразия природно-климатических условий и географического положения, определившего многовековые политические, экономические и культурные связи с государствами Центральной и Средней Азии, в социально-экономическом отношении развивался интенсивными темпами и стоял на высокой ступени общественного устройства.

Об этом весьма убедительно говорит археологический материал. Особое значение приобретают материалы из Семиречья. В этом плане знаменитый Бесшатырский могильник, оставленный саками в V в. до н. э., представляет научный интерес не только как памятник культуры и древней архитектуры. Материалы из Бесшатыра свидетельствуют об имущественном неравенстве и социальной дифференциации у саков. Они позволяют судить о социальной структуре сакского общества.

Наличие большого количества так называемых царских курганов говорит о резкой социальной дифференциации, происшедшей в среде семиреченских саков-скотоводов в VII–IV вв. до н. э. В условиях Казахстана и Средней Азии от развитого скотоводства можно было быстрее и легче получить большой прибавочный продукт, чем от ирригационного земледелия. Поэтому кочевое скотоводство именно в раннюю эпоху своего развития было явлением прогрессивным, оно развивалось высокими темпами.

Способность к быстрому воспроизводству и легкая отчуждаемость скота ускоряли процесс поляризации общества, накопления богатства у отдельных скотоводческих родов, семей и лиц и обнищания других, что привело к раннему развитию имущественного неравенства и к социальному расслоению сакского общества.

Если бы не было накопления богатств уже у саков, не могли бы у усуней (III в. до н. э. - VI в. н. э.), выдвинувшихся на политическую арену на смену сакам, появиться лица - как сообщают древние авторы, - владеющие уже четырьмя-пятью тысячами голов лошадей⁶², что было огромным богатством.

Сосредоточение в одних руках большого количества скота в свою очередь привело к закреплению за отдельными лицами лучших земельных угодий (например, усуньский гуньо Цылими)⁶³, к выделению племенной знати, использующей труд бедных общинников и военнопленных-рабов для содержания больших стад на основе «совместного» выпаса, к появлению верховной власти, все чаще становившейся наследственной.

Социальные изменения, происшедшие в сакском обществе, сразу же сказались на размерах и конструкциях погребальных сооружений. Появляются большие курганы типа Бешатыра и Иссыка.

Зародившаяся сакская родоплеменная знать стремилась подчеркнуть свое господствующее положение сооружением огромных курганов над могилами, этим увековечить память о себе и своем богатстве. Грандиозность таких курганов подчеркивает былое величие в обществе погребенных в них царей. Господство внушительных насыпей «царских» курганов над многочисленными мелкими соответствовало господству знати над массой рядовых общинников и рабов. Ранее нами уже выдвигалась гипотеза о принадлежности Бешатырских курганов к трем социальным группам⁶⁴. Так, большие курганы интерпретируются как могилы сакских царей и племенных вождей-военачальников; средние - как могилы знати и прославленных воинов; малые - как могилы заслуженных дружинников.

Мы считаем, что курганы Бешатыра - могилы выдающихся воинов. В этот период каждый мужчина был воином, достоинство мужчины определялось силой, храбростью и отвагой воина, а необходимыми качествами вождя были мудрость и доблесть полководца.

Размеры насыпей Бешатырских курганов зависели от степени знатности погребенного, от его заслуг перед обществом, от воинской доблести, от численности и богатства племени. Таким образом, существующая градация размеров насыпей курганов Семиречья, по-видимому, свидетельствует о развитости социальной иерархии в сакском обществе.

Комплекс находок в кургане Иссык дал дополнительные материалы, проливающие свет на уровень социального строя саков Семиречья. Можно утверждать, что пышность и богатство золотой одежды иссыкского сака были рассчитаны не на один только внешний эффект, смысл всего этого богатства был гораздо глубже, его надо рассматривать в плане социально-политическом. Главное назначение одежды было в возвеличении личности вождя, возведении его в ранг солнцеподобного божества.

Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов, имеющих на предметах украшения головного убора, подтверждает это положение. В образе кры-

Надпись на каменном сосуде. Могильник "Каратома". IV-III вв. до н. э.
An inscription on a stone vessel; the Kara Toma burial ground, 4 th-3rd cent B.C.

латых и рогатых коней на налобной части головного убора иссыкского воина воплощены многие черты религиозных воззрений саков, причем пережитки прежних представлений переплетаются с новыми формами верований. Разберем семантическую нагрузку каждой части конских протом.

Изображения оленя, козла и архара-древних родовых тотемов-родоначальников - в иссыкское время не что иное, как пережиток. В это время чаще изображали их символ - олени и козлиные рога.

В религиозных представлениях многих индо-иранских племен конь был символом солнца, солнечного божества. Так, саки-массагеты самому быстрому из богов - солнцу жертвовали самое быстрое из животных - лошадь⁶⁵. В Ригведе (древнеиндийская священная книга) и в Авесте (древнеиранская священная книга) образ коня многозначен, в его образе представлен целый пантеон древних богов: Митра, Фарн, Сиявуш, Веретрагна и некоторые другие. Не исключено включение в этот перечень и Ахура Мазды.

На иссыкском головном уборе конь изображен с большими козлиными рогами, что, вероятно, символизировало слияние образов солнечного божества и родового тотема. Подобная находка известна из Пазырыкских курганов Алтая. Здесь на голову лошади была надета войлочная маска с оленьими рогами, что может быть объяснено так же, как в иссыкском случае, синкретизмом образов.

Кроме рогов у иссыкского коня есть крылья. Изображения крылатых животных не характерны для саков, но очень широко распространены в Передней Азии. В частности, в Ахеменидском Иране персонифицированный верховный бог Ахура Мазда, который у иранцев нередко ассоциировался с солнечным богом Митрой, изображался в виде крылатой фигуры в солнечном диске. Вероятно, саки от образа Ахура Мазды заимствовали крылья и своего солнечного бога представляли в образе крылатого коня с козлиными рогами. В полиморфной фигуре этого сакского бога слились черты бога солнца, Ахура Мазды и родового тотема. Несомненно протомы коней на начальной части головного убора из Иссыка имели двоякий смысл: символ солнечного божества и царский знак. А в целом иссыкский вождь в таком головном уборе, в сверкающей одежде действительно сам являлся живым олицетворением древнего божества.

По-видимому, сакское общество Семиречья стояло на более высокой ступени социальной организации, чем нам представлялось это до раскопок Иссыкского кургана.

Сильнейшим аргументом в пользу последнего является находка в Иссыкском кургане памятника письменности - самого древнего на территории Средней Азии и Казахстана. Этот факт дает, вероятно, возможность ставить общество семиреченских саков по уровню развитости в один ряд с современными ему обществами Евразии и говорить о высоком уровне развития социально-экономических отношений и о возникновении государственного устройства.

Процессы возникновения государства и появления письма взаимосвязаны. Вероятно, письменность появляется на ранних этапах сложения государственного управления. Письмо было одним из важных инструментов в руках государства для регулирования взаимоотношений государства и граждан, чиновников и подчиненных, для определения прав и обязанностей граждан, ответственности их перед правителями и обществом, для учета государственных доходов и расходов, для регулирования внешних межгосударственных связей и отношений. Поэтому существование алфавитного письма может указывать на зарождение государства.

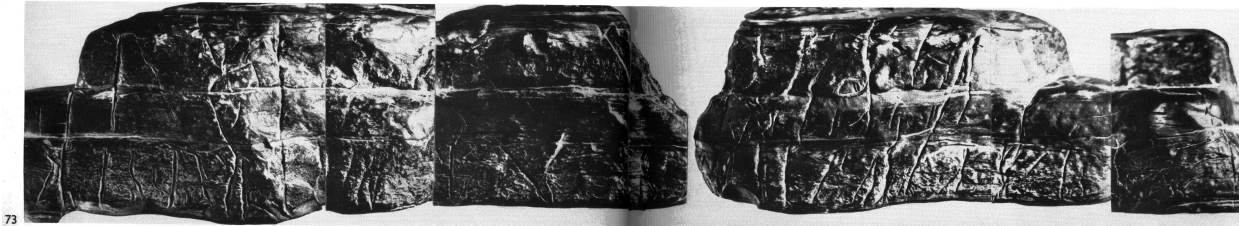
Однако в конкретном иссыкском случае дело усложняется одним обстоятельством, хотя вышеизложенное положение в принципе верно и для семиреченских саков. Обстоятельство это заключается в том, что необходимы дополнительные доказательства для утверждения того, что письмо было изобретением самих семиреченских саков и достаточно широко было распространено в их обществе. Иссыкская находка, хотя и чрезвычайно важный факт, но пока единственный, и выводы, делаемые только на основе этой находки, легко могут быть поставлены под сомнение. Иссыкская серебряная чаша может быть трофеем. Мы не должны исключать и такую возможность.

Дополнительными доказательствами семиреченского сакского происхождения чаши могут быть новые находки памятников письменности этого же времени, находка памятников письменности в коллекциях более поздней культуры, но генетически связанной с сакской, признание мировой наукой иссыкской надписи как письменности, выполненной новым, неизвестным науке алфавитом. Наконец, возможно, что для решения вопроса будут получены данные из содержания самой иссыкской надписи, конечно, если они будут прочитаны, а вариант чтения будет признан специалистами-языковедами.

В настоящее время у нас больше данных, свидетельствующих в пользу собственно сакско-семиреченского происхождения письма, чем подтверждающих обратный вывод. Такими свидетельствами являются еще две эпиграфические находки из Семиречья. Одна из них - это надпись (?) на дне миниатюрного каменного сосуда (по-видимому, ритуального назначения), найденного в одном из курганов могильника Каратома, раскопанного в 1968 г. Она состоит из четырех знаков и словоразделителя. Повторение знаков и наличие знака-разделителя дают основание предполагать, что мы имеем дело с надписью. Эта находка по археологическим данным относится к IV-III вв. до н. э.

Вторая находка - это необработанный трехгранный камень, на всех трех естественных плоскостях которого имеется около трех десятков знаков. Здесь отмечается также закономерность, повторение одних и тех же знаков в одной и в разных строках. Однако распознавание знаков затрудняется многочисленными естественными трещинами, нечеткостью знаков, что может быть объяснено несовершенством техники выполнения письма, твердостью материала, на который наносились знаки. Камень был обнаружен в 1963 г. в могильнике Актас в насыпи кургана, датированного IV-VI вв. н. э.

Таким образом, обобщая данные о всех трех находках памятников письменности, мы не можем не обратить внимание на такой чрезвычайно примечательный факт, как происхождение их из одного региона, каким является юго-восточное Семиречье, а точнее - правобережье среднего течения р. Или. Как видно, находки эти не одновременны. Наиболее ранняя из них, иссыкская, датируется V в. до н. э., наиболее поздняя - IV-VI вв. н. э. Они позволяют судить о письменности, бытовавшей у саков и усуней Семиречья в течение весьма продолжительного отрезка времени - целого тысячелетия. Весьма существенно обратить внимание и на такое важное обстоятельство, как обнаружение нами памятников письменности в за-

Надпись на камне (развёртка). Могильник "Актасты I". IV-VI вв. н. э.
An inscription on a stone (a spread picture), the Aktasta I burial ground, 4th-6th cent A.D.

хоронениях представителей знати (Иссык) и простолюдинов (Актас и Каратома), что, вероятно, может свидетельствовать о значительном распространении письма среди населения.

В свете изложенного нам представляется возможным говорить о существовании и многовековом использовании алфавитного письма саками и усунями Семиречья.

Вернемся снова к вопросу о происхождении семиреченской письменности, к вопросу о приоритете в изобретении алфавита. Да, изобретения, ибо мы имеем право на употребление этого слова, если даже алфавит был разработан на основе заимствования какого-то существовавшего письма в результате его переработки и приспособления к конкретной среде. Скорее, это так и было. Ныне в науке уже существуют две точки зрения на определение иссыкской надписи и ее языковую конкретизацию.

Одна из них - мнение тюркологов, считающих, что она выполнена руническим алфавитом орхоно-енисейского варианта на древнетюркском, «алтайском» языке. Исходя из этого постулата они предлагают разные варианты чтения текста эпитафического или религиозно-магического благопожелательного содержания. Причем смысловой контекст во всех трех случаях тюркоязычных вариантов прочтения текста совершенно разный. Однако заслуживает упоминания, что в вариантах А. Аманжолова и А. Махмудова (расшифровка текста ими производилась одновременно и независимо друг от друга) совпадает одно слово «азук»⁶⁶.

Другая точка зрения принадлежит группе специалистов Института востоковедения АН СССР. И.М.Дьяконов, В.А.Лившиц, С.Г.Кляшторный имели возможность изучить надпись на иссыкской чаше и пришли к следующему заключению.

«Надпись процарапана на нижней части чаши, с внешней стороны, и, по-видимому, была сделана много позднее, чем сама чаша. Надпись состоит из двух строк, содержащих в общей сложности 25 или 26 знаков. Возможно, что во второй строке, меньшей по числу знаков, несколько знаков уничтожено. Нам представляется наиболее вероятным чтение надписи справа налево, считая первой (верхней) строкой более длинную. На такое направление указывает тот факт, что последние три знака в первой строке резчик вынужден был опустить вниз, поскольку для их горизонтального расположения не хватило места. Расположение надписи слева направо значительно менее вероятно. В надписи, состоящей из 25 (26) знаков, удастся распознать лишь 16 или 17 разных знаков, что свидетельствует об алфавитном характере письменности. Пробелов между словами нет; нет, насколько можно судить, и особого знака-словоразделителя.

Некоторые знаки, по крайней мере до восьми-деяти из 16-17, напоминают буквы арамейского алфавита, в том числе и те его варианты, которые засвидетельствованы для всего I тысячелетия до н. э.; мы старались учесть все известные нам письменности этого периода, не ограничиваясь ?-I? вв. до н. э. - наиболее вероятной археологической датой Иссыкского комплекса. И, однако, нам не удалось интерпретировать надпись по-арамейски или видеть в ней памятник одной из известных до сих пор письменностей арамейского происхождения. Отдельные знаки могут быть сопоставлены с буквами карийской и других малоазийских письменностей, в связи с чем представляется желательным заключение специалистов по этим письменностям, в частности В. В. Шеворошкина. Несколько знаков напоминают буквы тюркского рунического алфавита; однако, по нашему мнению, надпись никак не может быть интерпретирована на основе древнетюркской рунической письменности.

Весьма возможно, что надпись на чаше написана неизвестным ранее алфавитом, арамейское происхождение которого не исключено».

Таким образом, мнение специалистов-языковедов не оставляет сомнения в том, что саки Семиречья владели алфавитным письмом, изобретенным, возможно, на основе арамейского. Существование письменности - свидетельство высокого уровня развития общественных отношений.

Вероятно, саки Семиречья по уровню социального развития находились на стадии раннеклассового общества. Форма производственных отношений в обществе пока не может быть определена, для этого необходимы дополнительные исследования.

ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ

Письменных источников, свидетельствующих о племенах и народностях, населявших территорию современного Казахстана, чрезвычайно мало, а имеющиеся отрывочны и нередко противоречивы. Но и при этом важность их для воссоздания древней истории бесспорна.

Могут быть привлечены две группы письменных источников. Одна из них - документальные надписи иранского царя Дария I, высеченные на скалах в ущельях Накши-Рустем и Бехистун на древнеперсидском языке. Другая группа источников - это извлечения из сочинений греческих и римских историков: Геродота (V в. до н. э.), Ксенофонта (?-I? вв. до н. э.), Полибия (II в. до н. э.), Страбона (I в. н. э.) и Птолемея (II в. н. э.).

Благодаря этим источникам до нас дошли многие имена древних племен, обитавших в Средней Азии и Казахстане. Среди них особенно часто встречаются имена: даха, дай, ария, тура, массагеты, сака-тиграхауда, сака-хаомаварга, сака-тиай-пара-дарайа, сака-тиай-пара-сугда и т. д. Конечно, для истории столь отдаленной эпохи уже сам факт, что они размещались на территориях современной Средней Азии и Казахстана, чрезвычайно важен, ибо мы можем называть конкретные имена племен, живших в этих регионах 2000-2500 лет назад. Однако региональная локализация каждого из названных племен представляет подчас неразрешимую сложность.

Поэтому в историко-археологической литературе существуют многочисленные точки зрения, авторы которых пытаются по-своему решать вопросы этнической конкретизации и локализации древних этнонимов⁶⁷. В обозримом будущем трудно представить возможность положительного исхода в решении этой задачи. Но каждая новая точка зрения или новая находка и открытие вносят свою лепту в карту расселения древних племен.

В этой и прежних работах автор высказал мнение о возможной локализации одной из групп саков - саков-тиграхауда в Ташкентском оазисе, в Киргизии и на юге Казахстана. Автор считает, что курганы, раскопанные в этих районах, были оставлены именно этим сакским племенем.

В этом разделе будут приведены некоторые новые данные, которые, на наш взгляд, подтверждают этническую атрибуцию, предложенную нами.

Имя саков-тиграхауда, вместе с именами двух других сакских племен, упоминается в надписи на рельефах гробниц Дария I в ущелье Накши-Рустем. Причем надпись «сака-тиграхауда» на рельефе дана как поясняющая изображение фигуры воина в остроконечной шапке. Под другим изображением, совершенно аналогичным первому, имеется надпись «сака-тиай-пара-дарайа», а сака-хаомаварга изображен в головном уборе другой формы. Казалось бы, такое изображение саков-хаомаварга приходит в противоречие с известным описанием Геродота остроконечных шапок амюргийских саков-воинов, входивших в состав войск царя Ксеркса. Но это противоречие объяснил В. Б. Струве тем, что они (саки-хаомаварга) надевали традиционные островерхие колпаки, только отправляясь в военный поход, а в мирной обстановке носили головные уборы другой формы⁶⁸. Таким образом из накширустемской надписи мы узнаем, что хотя остроконечные шапки постоянно носили две группы саков, а третья - в военное время, но лишь одна из них называлась «носящие острую шапку».

Наиболее подробные и в хронологическом отношении более ранние сведения о саках-тиграхауда содержатся в пространной бехистунской надписи, посвященной прославлению побед Дария I над многочисленными подчиненными народами. В 20-30 строках этой надписи Дарий I вещает: «говорит Дарий царь: вместе с войском саков я пошел к стране саков, которая за морем, эта шапку острой носит..... И их первого, наибольшего из них, Скунха по имени..... привели ко мне»⁶⁹.

Бехистунская надпись дополняется рельефом, на котором перед Дарием I стоят восемь покоренных царей со связанными руками. Последним из них является вождь в высокой (70см) остроконечной шапке, под ним надпись: «это Скунха, сак».

Еще в XIX в. востоковед В.В.Григорьев высказал мнение, что бехистунских саков нельзя принимать за причерноморских скифов, что они близки к среднеазиатским сакам⁷⁰. Позднее это предположение поддержал специалист в области древне-персидской письменности А.А.Фрейман, конкретизировав, что на рельефе изображен вождь саков-тиграхауда⁷¹.

Геродот упоминает саков-тиграхауда, называя их «ортокарибантии»; смысл этого слова тот же, что и тиграхауда - носящие острую шапку. Описания саков-ортокарибантии у Геродота нет, зато он подробно описывает воинов-саков амюргиев, которые, как отмечалось выше, в военных походах носили одежду и головной убор аналогичный одеянию других саков. О них Геродот сообщает: «Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы-(обоюдоострые) боевые секиры»⁷². Это описание Геродота полностью совпадает с изображением саков, приносящих дань персам на рельефе V в. до н. э. во дворце Ксеркса в Персеполе. На рельефе саки изображены в остроконечных шапках-ушанках, в коротких до колен кафтанах с поясом и с узкими рукавами, в узких штанах. С правого бока у них висят короткие кинжалы, а с левого - горит с луком.

Изображение саков на персепольских рельефах представляет интерес и в аспекте, имеющем прямое отношение к этнической атрибуции. Эти сакские воины, как мы уже указывали, имеют явно монголоидные антропологические признаки⁷³. Последнее - важный факт для установления региона обитания племен, представителями которых были воины, изображенные на рельефе.

По антропологическим данным установлено, что в Средней Азии и Казахстане в V в. до н.э. (к этому времени относятся персепольские рельефы) основная масса населения имела резко выраженные европеоидные черты. Исключение составляют отдельные племена, населявшие контактные территории, близко расположенные к основному ареалу господства монголоидной расы, к Центральной Азии⁷⁴. Такими районами были Северная Киргизия и юг Казахстана, именно здесь в результате расового смешения происходила ранняя монголоизация населения. Вероятно, на персепольском рельефе изображены жители этих регионов. А судя по форме головного убора, в этническом отношении они могли принадлежать к сакам-тиграхауда или к сакам-тиай-пара-дарайа. Мы считаем, что на рельефе дворца Ксеркса в Персеполе изображены саки-тиграхауда - древние обитатели юга Казахстана, Северной Киргизии и Алтая.

По антропологическому определению О. И.Исмагулова захороненный в кургане Иссык имеет характерный для семиреченских саков европеоидный облик с примесью монголоидных черт. Возраст его 16-18 лет.

Форма головного убора и типы предметов украшения на нем дали дополнительные и серьезные аргументы в пользу локализации саков-тиграхауда.

Уже неоднократно, но по разным поводам, отмечалось, что остроконечные шапки были излюбленной формой головного убора многих древних кочевников. Но при этом неизбежен вполне определенный и конкретный вывод. Если остроконечные шапки носили многие саки и, вероятно, все скифы, то почему лишь одна из групп азиатских саков была названа персами «тиграхауда», а греками «ортокарибантии»? Как полагают специалисты, смысл обоих наименований идентичен-они переводятся, как «носящие острые шапки». Причина может быть лишь одна, по-видимому, остроконечные шапки саков-тиграхауда в чем-то отличались от островерхих шапок других саков и скифов. Отличие было настолько существенным, что оно резко выделяло эту группу из остальных; эта форма шапки была характерна именно для них, и она послужила причиной наименования целого племени.

Действительно, если сравнить формы головных уборов саков, изображенных на Бехистунском и Персепольском рельефах, с формой шапок саков, изображенных на золотых пластинках из Аму-Дарьинского клада, и скифов - на серебряном сосуде из кургана Куль-Оба, то вопрос во многом станет ясным. Во-первых, на головах саков на Бехистунском и Персепольском рельефах изображена одна и та же форма головного убора в виде очень высокого островерхого колпака. Высота колпака сака Скунхи равна 70 см⁷⁵. Во-вторых, эта шапка отличается от

головного убора сака из Аму-Дарьинского клада, имевшего опущенный вниз острый конец, так же как и от приземистых конусовидных колпаков скифов на сосуде из Куль-Обы.

Может быть, еще большую ясность в этот вопрос внесет предлагаемое мною новое толкование этнокона «tigrāhauda» от мидийского «tigra» - «стрела»⁷⁶, а отсюда саков-тиграхауда точнее именовать «саки в стреловидных шапках», а не в остроконечных. Если вспомнить высоту шапки сака Скунхи, то мы убедимся в точности термина, примененного древними персами для передачи формы головного убора. Очень высокий островерхий и узкий головной убор живо напоминает наконечник стрелы. Вероятно, остроконечные шапки носили все саки и скифы, а стреловидные - только саки-тиграхауда.

Здесь мы не можем не обратиться снова к вопросу об этнической атрибуции упоминаемых не раз изображений на Бехистунской скале и из дворцового комплекса Персеполя. Мы уже приводили ряд доказательств в пользу нашей гипотезы о том, что на этих рельефах изображены представители саков-тиграхауда⁷⁷. Вышеприведенные построения дают дополнительные основания для подтверждения выдвинутой гипотезы. В связи с этим необходимо сделать одно уточнение, имеющее принципиальный характер. Речь идет о трудности размежевания территории конных скотоводов, определения этнической территории кочевых племен, какими явились саки-тиграхауда и другие сакские племена. Попытки локализовать их на ограниченной территории не помогают выяснению существовавшей реальной действительности. Этническая территория кочевников кроме основной территории, где располагались зимники (места зимних стоянок), охватывала весь ареал перекочевков, все пространство суши и воды, освоенное кочевой армией под хозяйственное использование. Этническая территория саков-тиграхауда занимала огромные пространства, распространяясь далеко за левый берег Яксарта (Сыр-Дарья) до самого Окса (Аму-Дарья) на западе и включая Алтай на востоке.

Возможно, Ахеменидская Персия вступала в непосредственный контакт с саками-тиграхауда, военное столкновение с ними привело к пленению их вождя Скунхи. Из анализа Бехистунской надписи следует, что это событие произошло в 517 г.⁷⁸ или около 518 г.⁷⁹.

Стрелоподобные украшения головного убора из кургана Иссык-золотые имитации подлинных стрел с листовидными втульчатыми наконечниками. Они заставляют еще раз вернуться к этимологии термина «тиграхауда». Вероятно, что одной из причин употребления древними иранцами этого термина явились и стрелоподобные украшения головных уборов одной из групп саков. Это еще один аргумент, пожалуй, серьезный, в пользу этимологизации «saka-tigrāhauda», как «саки в стреловидных шапках». А факт находки стреловидного головного убора в Иссыке подкрепляет локализацию части саков-тиграхауда в Семиречье.

Таким образом, мы считаем, что курган Иссык и курганы Бешатырского, Иссыкского могильников являются надмогильными памятниками, оставленными семиреченской группой саков-тиграхауда.

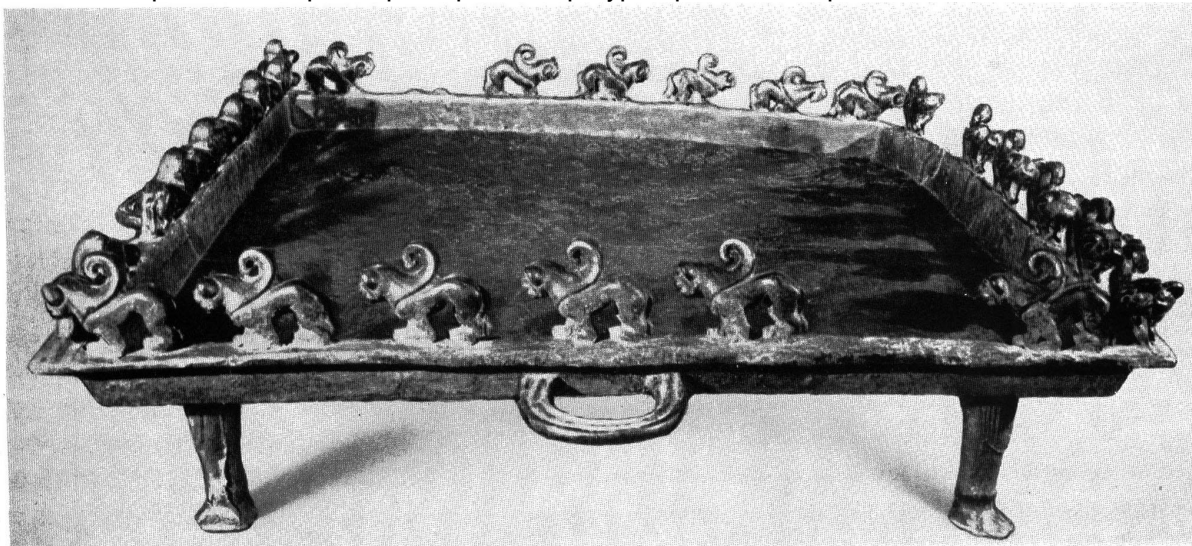
ОБРАЗЫ И СТИЛЬ

В I тысячелетии до н. э. на обширных степных просторах от Западной Европы до Китая распространяется своеобразное искусство, известное в науке под названием искусства «звериного» стиля. Повсеместно на этой территории оно характеризуется изображением зооморфных мотивов, фигур животных в определенных канонических позах и своеобразными техническими приемами художественного исполнения. Немаловажная роль в создании этого искусства принадлежит сакским племенам Семиречья.

Сто шестьдесят пять золотых изделий искусства из кургана Иссык из более чем четырех тысяч предметов выполнены в «зверином» стиле. Внимание сакских торевтов привлекали различные животные, обитавшие в степях и горах Семиречья. Они изображали главным образом представителей местной фауны. Среди них: лев, тигр, барс, волк, лиса, кабан, лошадь, лось, олень, джейран, архар, таутеке, заяц, голубь (?), цапля и змея. Следует отметить, что количество видов изображенных животных достаточно велико. Из хищников многочисленны изображения снежного барса, обитателя Тянь-Шаня.

Великолепна бляха с изображением крылатого барса. На ней барс касается задней лапой зубчатых пластин - стилизованное изображение гор. Передняя же часть туловища барса перекручена в средней части таким образом, что передние лапы оказались приподнятыми вверх, словно зверь замахнулся ими для удара. Тело животного полно мощи и гибкости, подчеркнута ярость и свирепость зверя, грозно оскалившего пасть. Из плеча, выделенного выпуклым завитком, вырастает небольшой отросток, имитирующий крыло. Композиция очень выразительна. Бляха с изображением крылатого барса - законченное произведение.

Не менее ярко трактовано изображение барса, туловище которого перекручено в средней части таким образом, что задние ноги оказались повернутыми вверх, но как-то безжизненно висят в воздухе. Одной передней лапой, поднятой вверх, он опирается на зубчатые пластины, изображающие горы, вторая подготовлена для удара. В изображении соблюдены все пропорции, но нет той экспрессии, которая характерна для фигуры крылатого барса.

74

Семиреченский алтарь. Общий вид
A Semirechye altar, the general view

Более естественны образы убегающих барсов. Это уже иное изображение: хищник озирается на бегу, несколько припав грудью к земле, с кошачьей мягкостью выгнув тело. Хвост пропущен между лапами и завит в колечко.

Особенности трактовки фигуры барсов свойственны большинству низкорельефных изображений из иссыкского кургана. Фигурки барсов даны в профиль. Морды у всех профильных фигурок барсов из Иссыка даны одинаково: круглая голова, каплевидный глаз, треугольное ухо со спиральной раковиной, пасть оскалена, скулы подчеркнуты широким изогнутым выемом. Лопатка передана в виде волотовидного выступа, хвост свернут в колечко. Ребра обозначены рядом изогнутых выпуклых линий, на бедре - двойная линия, такие же линии имеются в подбрюшной

области у ребер и с тыльной стороны на ногах. Великолепно передана кошачья гибкость и мягкость в сочетании с грозной силой кровожадного зверя. Изображения поражают жизненностью, несмотря на условную трактовку отдельных деталей. Иссykkские барсы полны экспрессии и силы.

В другой манере, но более схематично выполнены барсы на пластине, украшающей клинок кинжала. У барсов морда опущена вниз, подчеркнуты кошачьи когтистые лапы, которыми они словно руют землю. Тела барсов мягко изогнуты, уши маленькие треугольной формы, голова округлена. Барсы изображены в так называемой «скребущей» позе.

Не менее реалистично воспроизведен тигр-хищник, также хорошо знакомый сакам Семиречья. Фигура тигра целиком дана лишь на одной из пластин, украшавших клинок кинжала. На ней фигура тигра, как и все другие изображения животных на этих пластинах, показана в профиль, лапы и когти подчеркнута преувеличены, запечатлена так называемая «скребущая» поза зверя.

Головы двух тигров или барсов, выполненные в круглой скульптуре, украшают концы трубчатой гривны. На скульптурных изображениях головы хорошо переданы продолговатые прижатые уши, сморщенный и несколько вздернутый нос, приоткрытая пасть и расширенные каплевидные глаза. Особенностью этих скульптур, отличающей их от других изображений хищников, является сильная сплюсненность морды.

Другое изображение головы тигра дано на цилиндрической пронице, украшавшей ремни крепления меча. Голова тигра выполнена в горельефе, выразительно проработаны все детали морды, она похожа на другие изображения голов барсов и тигров. Но имеются и отличительные особенности - это круглые оттопыренные и направленные вперед уши и поджатые передние лапы, на которых покоится голова. В целом создается ощущение настороженности зверя.

Головы тигров воспроизведены также в виде рельефа на бляхах с рифлеными планками, нашитыми на кафтан. Они даны в фас. У тигров уши треугольные, по сторонам щек двумя вдавленными рифлеными линиями обозначена шерсть, глаза скошены, круглый нос сплюснен, пасть с приподнятыми уголками растянута. Многочисленными выпуклыми и вдавленными линиями показаны щеки, ушные раковины, складки на лбу и верхней губе. В отличие от других изображений на этих головах тигров наблюдается чрезмерное увлечение детализацией и гравировкой, что в целом привело к схематизму и орнаментализму изображения и к потере выразительности живой натуры.

В евразийском искусстве «звериного» стиля широко распространены изображения хищников кошачьей породы: тигров, барсов и леопардов. Но иссыкским тиграм и барсам особенно близки стилистически и хронологически деревянные изображения крылатых тигров или барсов из первого Туэктинского кургана (Центральный Алтай)⁸⁰. Большое количество бронзовых скульптурных воспроизведений фигур этих хищников известны с территории самого Семиречья. Так, крылатые барсы шествуют по борту большого Семиреченского алтаря⁸¹, четыре таких же барса стоят по углам квадратного светильника, найденного близ Алма-Аты⁸². Очень похожи на иссыкские скульптуры кошачьи хищники на четырехугольных и круглых светильниках из Средней Азии и Восточного Казахстана⁸³. Еще одна скульптура крылатого барса случайно найдена в окрестностях этого же города⁸⁴.

Все эти изображения близки иссыкскому крылатому барсу единством приема воспроизведения крыла в виде волнотвидного выступа, отделенного от туловища параллельными изогнутыми линиями. Но образ крылатого животного, воспринятый из перед неазиатского искусства, был чужд сакам, и со временем он подвергся сильной стилизации.

Знакомый образ тигра и барса был более понятен сакам, чем крылатые звери, поэтому в коллекции предметов искусства с зооморфными сюжетами больше изображений этих животных в естественном виде.

В иссыкской коллекции зооморфных изображений есть образ льва.

Головы львов в фас изображены на шести округлых бляхах, украшавших головной убор. На изображениях показаны все детали головы: округлые уши в виде нечеткого завитка поставлены прямо, лоб сморщен, глаза каплевидной формы, пасть очерчена длинной изогнутой вверх рельефной линией, подчеркнуты надбровные дуги и усы над верхней губой. Особенно выделяется большой треугольной формы нос с круглыми ноздрями.

Иссыкские львиные головы по отдельным деталям трактовки (формы носа, рта, глаз и щек) весьма близки изображениям головы льва в фас, вырезанным из дерева и рога, найденным в Горном Алтае⁸⁵.

Деревянный медальон с аналогичным рельефным изображением головы льва найден при раскопках Шибинского кургана⁸⁶. Голова льва изображена на золотой пластинке из Аму-Дарьинского клада⁸⁷.

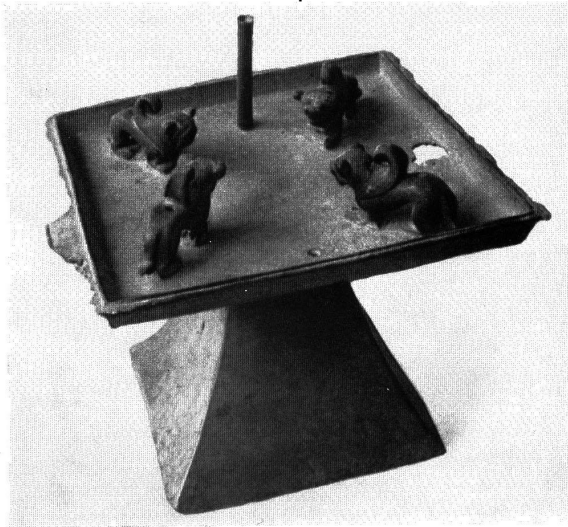
Образы травоядных животных в Иссыке представлены как однокопытными, так и парнокопытными.

Изображений лошадей всего четыре, это скульптурные протомы крылатых и рогатых коней и рельефная геральдическая пара лошадей без крупов, украшавшая головной убор. Протомам коней присуща статичность поз, а у барельефной пары передние ноги занесены вперед и вверх. Сама же трактовка корпуса дает основание считать, что лошади показаны вздыбленными, стоящими на задних ногах.

Динамична и полна жизни лошадь на бляхе-накладке от ножен кинжала. Туловище животного перекручено в средней части таким образом, что задние ноги оказались повернутыми вверх. Фигура лошади стройна: тело поджарое, на длинной шее небольшая голова, ноги тонкие, даже изящные. Несомненно это скаковая лошадь, и торецт художественными приемами старался подчеркнуть природные особенности скакуна, состояние тела в момент стремительного галопа.

75

76

Круглый светильник с фигурками животных по борту. Восточный Казахстан
A round lamp with figures of animals on one side; Eastern Kazakhstan

Квадратный светильник
A square lamp

Изображение лошади довольно широко распространено в искусстве евразийских племен. В Горном Алтае скульптурные и рельефные фигуры лошадей вырезались из дерева и кости или отливались из металла. Они обнаружены при раскопках известных Пазырыкских и Катандинских курганов⁸⁸. В Северном Причерноморье и в Приднепровье они имеются в коллекциях произведений искусства скифов. Укажем лишь одну из находок последних лет - золотую пектораль из «Толстой могилы»⁸⁹. Пектораль украшают десятки скульптурных фигур разных животных. Среди них изображения одиночной лошади, кобылицы с жеребенком и трех лошадей, терзаемых грифонами. В Южной Сибири в памятниках тагарской культуры обнаружено значительное количество бронзовых и костяных фигурок лошади⁹⁰. Однако большинство из них сильно стилизовано и передает лишь силуэтное изображение животного. Наиболее близкой аналогией иссыкским рельефным изображениям лошадей являются три золотые бляхи в виде фигур лошадей из Аму-Дарьинского клада⁹¹.

На другой бляхе-накладке ножен кинжала изображен лось. Поза и состояние животного аналогичны изображению лошади на описанной выше бляхе-накладке; такое же напряженное тело, тот же стремительный бег и туловище животного также перевернуто в средней части таким образом, что ноги оказались перевернутыми вверх. Но все же лось менее динамичен, такое впечатление создают как бы парализованные задние ноги.

Ареал изображений целой фигуры лоса или лосиной головы ограничен Северным Причерноморьем⁹² и Южной Сибирью⁹³. Иссыкский лось - первая находка на территории Средней Азии и Казахстана, свидетельствующая о том, что образ этого обитателя лесов и лесостепи был хорошо знаком сакским племенам. Знание животного позволило тюркам реалистично изобразить его на золотой бляхе-накладке.

В изобразительном искусстве саков излюбленными образами были изображения архаров и горных козлов. Они есть и среди находок из кургана Иссык. Одно из них - статуэтка архара, украшавшая головной убор. Фигура архара свободна от какой-либо стилизации и орнаментализма, вполне реалистична. Мелкие детали тела усилены гравировкой: четко проработаны большие изогнутые рога с годовыми кольцами, глаза и уши, мелкими извилистыми линиями обозначена шерсть на загривке и крупе, резами околочены короткий хвост, коленный сустав выделен изгибом, а место сочленения задних ног с крупом - загнутой чертой.

Силуэтные фигурки горных козлов украшали головной убор. Козлы изображены в позе перед прыжком - передние и задние ноги соединены вместе. Рога преувеличенно большие, они плавно загибаются назад, не касаясь спины.

Архары, горные козлы, джейраны и кабаны изображены на золотых пластинах клинка кинжала. Все они схематичны, имеют лишь общий контур, но ясно выделены

Фигурка крылатого хищника
A figurine of a winged beast of prey

ны видовые признаки: у архаров, джейранов и козлов - рога и копыта, у кабанов - клыки и «пяточок» - вздернутый кончик носа.

Изображения оленей и оленьих голов имеются на бляхах наборного пояса. На трех больших бляхах фигура животного, лежащего в статичной позе, усложнена множеством деталей. Глубокие серповидные выступы изображают ребра, они внизу окаймляются рифленой линией, которая идет вдоль живота и у бедра загибается вверх. Широкий выем отделяет бедро от туловища, по которому проходят две изогнутые вдавленные линии. Коленный сустав передних ног обозначен парными кружочками. Рога предельно стилизованы, стержень их тяжами соединен с туловищем. Лежащие на спине рога разветвляются на пять круто загнутых вперед отростков с широкими лопастями, которые соединяются между собой в завитки.

Эти бляхи являются ярким примером подчинения изображения животных декоративному назначению предмета. На них трактовка фигуры животного подчинена четырехугольной форме рамки бляхи. Если линии верхней и нижней сторон рамки образуют сильно стилизованные рога и

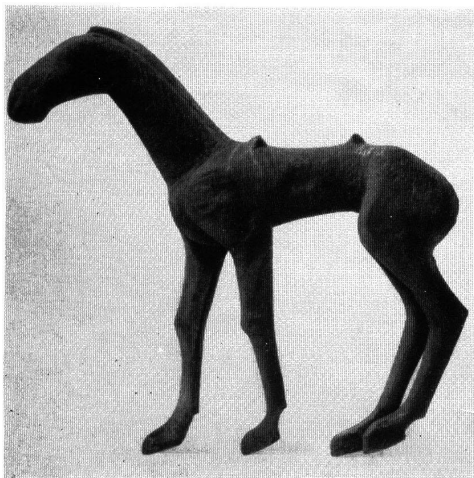
поджатые ноги оленя, то для того, чтобы замкнуть боковые стороны, мастеру пришлось приделать оленю длинный лошадиный хвост и пышную бороду. Но мастерство торефта было настолько высоким, что и при этом оленя нельзя спутать с другим животным, хотя в целом мы должны отнести его к фантастическим изображениям.

На малых бляхах наборного пояса изображены головы оленей, повторяющие изображения головы лежащего оленя на больших бляхах. Исключение составляют рога оленей, трактовка которых иная, она полностью подчинена декоративному назначению бляхи: парные широкие лопасти симметрично даны над головой и под ней, замыкая таким образом стороны четырехугольной рамки.

Образ оленя и лося очень популярен в искусстве скифо-сакских племен Евразии. Наиболее часто они изображаются лежащими или стоящими.

Самая ранняя находка изображений оленей с подогнутыми ногами, несущая признаки скифского искусства, происходит из Зивие (Иранский Курдистан)⁹⁴ и относится, вероятнее всего, к началу VII в. до н. э. Ввиду того, что имеется труд, посвященный сводке изображений скифских оленей⁹⁵, не останавливаясь на этих аналогиях, укажем лишь новые находки их в богатых захоронениях скифских воинов в курганах на окраине с. Архангельская слобода⁹⁶ и у с. Синявка⁹⁷ на Украине.

На территории Казахстана кроме исыкских известна еще одна находка с изображением оленей с подогнутыми ногами. Это золотые бляхи из пятого кургана Чиликтинского могильника, они датируются VI в. до н. э.⁹⁸. Золотой олень из Чиликты, так же как и сибирские (минусинские), имеет один передний отросток рога над лбом и этим отличается от скифских и иранских (саккызских) оленей, имеющих

78

Лошадь. Катандинский курган
A wooden horse, the Katanda Mound

79

Пектораль. Деталь - лошадь с жеребёнком и корова с телёнком. Курган "Толстая могила". IV в. до н. э.

A part of a pectoral showing a horse with a foal, and a cow with a calf; the "Tolstaya Mogila" Mound, 4th cent B.C.

два передних роговых отростка. Например, исыкский олень этой деталью больше напоминает оленей Ближнего Востока и Северного Причерноморья, чем сибирские и чиликтинские изображения. По художественно-стилистическим особенностям золотой олень из Исыка - промежуточное звено, связывающее ближневосточные и сибирские образцы, хотя в целом он неповторим, индивидуален и оригинален. От всех известных скифских оленей Евразии он отличается усложненностью и стилизацией сюжета, глубокой завершенностью форм, высокой техникой исполнения.

Не менее широко распространен сюжет стоящего оленя, козла и архара с подобранными ногами в так называемой позе «перед прыжком», многие из них украшают различные навершия,

найденные в Сибири⁹⁹ в Ордосе (Центральная Азия)¹⁰⁰, в Причерноморье¹⁰¹, и относятся к ?I-? вв. до н. э. Козлы в позе «перед прыжком» найдены при раскопках на Восточном Памире¹⁰², в Центральном¹⁰³ и Северном¹⁰⁴ Казахстане, и здесь они датируются VI-III вв. до н. э.

В коллекции из иссыкского кургана фигурки зайцев имеются на пластинах, украшавших клинок кинжала. У зайцев огромные круглые выпученные глаза и характерные длинные уши. Кончик носа острый, приподнятый. Хвост небольшой. Изображения зайцев в скифо-сакском искусстве не часты, но ареал находок их весьма широк. Деревянные фигурки зайцев найдены в одном из Пазырыкских курганов¹⁰⁵, золотые скульптуры зайцев - на пекторали из «Толстой могилы»¹⁰⁶.

На пластинах кинжала изображены и пресмыкающиеся, в частности змеи. Они помещаются на острых окончаниях пластинок. Их изображения схематичны и имеют вид волнистых линий, головки очерчены. По обеим сторонам головы черточками обозначены глаза. Среди скифских и сакских древностей изображения змей редки. Они есть в коллекции Петра I¹⁰⁷, происходящей из Сибири.

Представители мира птиц также нашли отражение в иссыкском искусстве. Фигурки голубей (?), выполненные объемно, украшали головной убор. Они вырезаны из дерева, обтянуты листовым золотом, крылья в виде изогнутых пластин - вставные. На головном уборе эти модели птиц составляли единую композицию вместе с изображениями деревьев.

Голова птицы на длинной изогнутой шее украшает серебряную ложку. У птицы удлиненный клюв с восковицей, разделенный желобком, каплевидный глаз. Скорее всего-это голова цапли. Из многих изображений птиц, имеющих в скифо-сакском искусстве, наиболее близки иссыкскому две птичьих головки, найденные на Алтае. Одна из них украшала костяной псалей, другая - в виде головы птицы с круглым глазом - бронзовую бляшку, обтянутую листовым золотом¹⁰⁸.

В иссыкской коллекции имеются произведения изобразительного искусства, которые не только воспроизводят конкретные зооморфные образы, но и раскрывают стилистические приемы исполнения фигур животных. Это изображения свернувшегося в кольцо зверя, фантастические образы, животные с перекрученным туловищем. Остановимся несколько подробнее на их характеристике.

Изображение свернувшегося в кольцо зверя, характерное для скифского искусства, в Иссыке представлено горельефными фигурами на двух одинаковых бляхах, находившихся на ножнах кинжала. В круглую форму умело вписана фигура волка. Хищник тесно свернулся не в кольцо, а в клубок, поджав лапы так, что передняя и задняя соприкасаются. Пасть огромная, сильно увеличенная, подчеркнуты губы и выгравированы зигзагообразные клыки. Рисунок передает явное стремление художника подчеркнуть алчность зверя. Кончик носа вздернут и заканчивается круглым выпуклым завитком, который соединяется извилистым желобком с овальным глазом. Ухо оттопырено, как бы подчеркивая позу настороженности зверя, лапы когтистые, как у хищников на кинжале. Когти преувеличенно большие и изогнутые. Бляхи отлиты в форме, детали изображения усилены гравировкой.

Подобные изображения хищника бытовали на всей территории распространения скифской, сакской и близких к ним групп. Древнейшее среди них и наиболее близкое к иссыкским - изображение на набалдашнике меча из Зивие (Саккыз). От большинства скифо-сибирских сильно стилизованных сюжетов свернувшегося кольцом животного иссыкский и из Зивие отличаются реалистичностью изображения и положением тела животного, свернувшегося не в кольцо, а в клубок. Не исключено, что изображение хищника, свернувшегося в кольцо, происходит от более раннего иконографического типа - зверя, свернувшегося клубком. Вероятно, в Среднюю Азию и Казахстан этот мотив проник из Передней Азии раньше, чем в Сибирь. В Минусинской котловине он известен с середины VI в. до н. э.¹⁰⁹

Создавались и фантастические образы. Немногочисленные изображения фантастических животных, хотя весьма своеобразны по трактовке, - типичны для сакского искусства. Образы их созданы как при помощи стилизации и гиперболизации частей тела (например, у оленя - рогов), так путем придания реальным животным несвойственных им видовых признаков.

Таковы бляхи пояса, на которых изображены олени с пышным лошадиным хвостом и длинной бородой. Из загривка их вырастает голова ушастого грифона. Другие фантастические звери создавались также путем совмещения (агглютинации) черт различных реальных животных.

Таково украшение в виде симметрично развернутых протом коней с большими птичьими крыльями и козлиными рогами.

К фантастическим животным можно отнести и изображение барса со странным крыловидным отростком над лопаткой, а также скульптурные головки грифонов, украшающие навершие кинжала. Они повернуты клювами друг к другу.

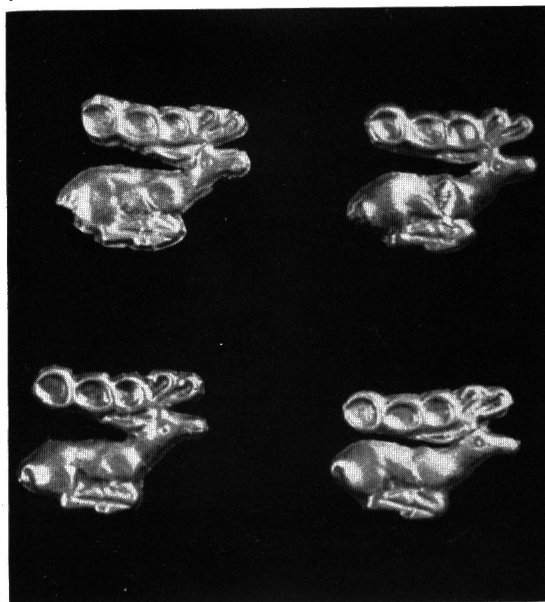
Известно, что мифические зооморфные сюжеты впервые возникли в искусстве Ближнего и Среднего Востока, где «звериный» стиль зародился еще на заре III тыс. до н. э.¹¹⁰. Поэтому скифо-сакские дериваты этих образов восходят к ближневосточным эталонам. Семантику таких странных поз животных и зверей объясняют по-разному. По одной точке зрения, это изображения поверженных животных в агонии, по другой - изображения животных в стремительном беге. Иссыкские примеры дают основание считать, что каждую конкретную находку необходимо рассматривать отдельно. Звери, изображенные на бляхах из Иссика, полны жизни и экспрессии. По-видимому, животные изображались поверженными лишь в сценах единоборства хищников или в сценах нападения хищника на копытного. Происхождение этого сюжета неясно. Н.Л.Членова считает родиной зарождения его Двуречье (Ирак) и Луристан (Иран), где популярны сцены борьбы мифического и эпического героя со львом¹¹¹.

Образ животного с перекрученным туловищем распространен в искусстве всей Евразии. Особенно много предметов с подобными изображениями найдено при раскопках Пазырыкских курганов на Алтае. Здесь с перекрученным туловищем

80

Налучье с фигурами козлов и оленей. Фрагмент. Зивие, Иран
A bow adorning picturing goats and deer, a part of a bas-relief, Ziwiyeh, Iran

81

Бляшки нашивные в виде оленя. Курган у с. Синявка. VI в. до н. э.
A sewn-up plaques picturing a deer, a mound near the village of Sinyavka, 6th cent B.C.

изображались различные животные: архары, зайцы, козлы, лоси, волки¹¹². В Казахстане иссыкские бляхи с аналогичными изображениями являются первыми находками.

Как мы видели, на предметах искусства из кургана Иссик представлены преимущественно одиночные фигуры животных. Каждая из них - законченное произведение. Однако одиночные образы каждой бляхи комбинируются в сложные композиции на costume, причем художник проявляет при этом высокое мастерство и изобретательность.

На одежде иссыкского воина все бляшки с одиночными животными, растительными мотивами и геометрическими фигурами объединены в сложную, полную гармонии композицию. Особенно ярко и выразительно многосюжетная композиция дана на орнаментальных зонах головного убора. Не останавливаясь подробно, лишь укажем, что кольцевое расположение по

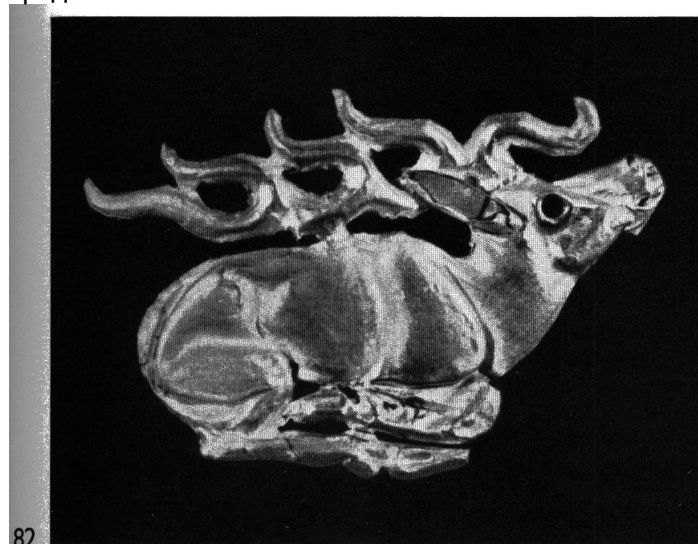
окружности шапки пластин в виде гор с растущими на них деревьями, на которых сидят птицы, создает зримую картину реального горного пейзажа, столь характерного для Семиречья. Еще большее впечатление оставляет следующая зона с сюжетом горного пейзажа с барсами и с горными козлами. В этих сюжетах нет ничего надуманного, фантастичного, мастер изобразил то, что видел в повседневной жизни, пейзаж родных гор и животных, которые там обитают. Но он не был бездушным натуралистом, семантика образов зверей на парадном головном уборе вождя имеет глубокий смысл и содержание. Но то уже тема для самостоятельного исследования.

Весь наряд иссыкского воина был тщательно продуман. Он демонстрирует знание и умение, творческое использование мастером обширного арсенала приемов декора. Для него образы животных важны не только как звенья орнамента. Гармоничное сочетание жизненности зооморфных мотивов с орнаментализмом создает необычайно сильный художественный эффект. Даже фантастические сюжеты искусства Иссыка, как это ни парадоксально, правдивы и полны жизни.

Общие особенности иконографии образов зверей в торовитке кургана Иссык, а также других сакских памятников Семиречья, свидетельствуют о ее местном происхождении, и нет оснований считать эти ювелирные изделия привозными.

В предметах сакского искусства много общего со скифо-сибирским искусством "звериного" стиля, но и немало особенных черт, характеризующих почерк местных торовитов.

Остановимся прежде всего на иконографии зооморфных образов, которая определяет стилистические особенности. Общим для всех изделий является прекрасное знание природы животного. Оно сочетается с условной трактовкой деталей тела особой системой художественных средств.

82

Бляшка - лежащий олень. Чиликты, пятый курган. VI в. до н. э.
A plaque featuring a recumbent deer, the 5th mound, Chilikty, 6th cent B.C.

83

Бляшка - лежащий олень. Минусинская степь. VI в. до н. э.
A plaque showing a recumbent deer, the Minusinsk Steppe, 6th cent B.C.

Ребра изображались запятыми, скобками, луновидными впадинами. Напряжение мускулов тела подчеркивали гравировкой: на ногах - скобками, петельками; на крупе - двумя параллельными линиями. Для изображений в горельефе характерны превращение лопатки и угла нижней челюсти в декоративный завиток, а также орнаментальная стилизация рогов. В плоскостных изображениях для создания эффекта объема применялись способы, заимствованные из техники резьбы по дереву и кости, - превращение круглых поверхностей в грани, усиление контрастности и т. п. Все изображения животных динамичны, что достигалось не только приданием телу зверя выразительной позы, но и техническими приемами: подчеркиванием мускулатуры живота, ног, шеи полосой, завитком, подковообразным выступом и т. д.

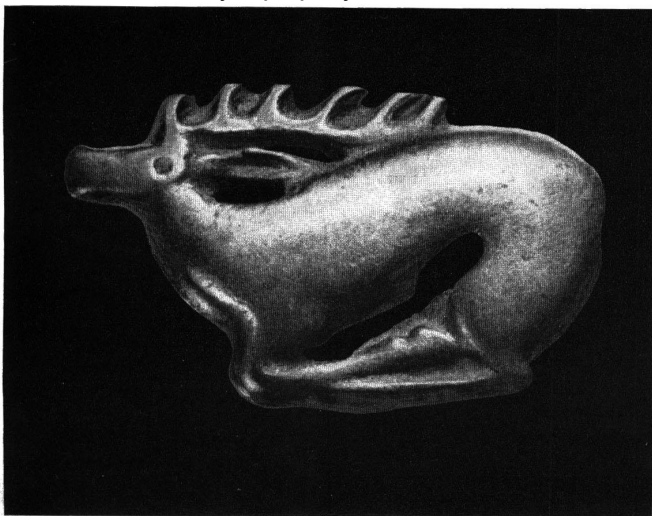
Подчеркиваются видовые особенности животных. При изображении хищников торевт акцентирует свое внимание на мягкости изгиба тела и клыкастой пасти. У копытных тщательно очерчены копыта, рога и пр. Однако гиперболизация очень незначительна или применена там, где было трудно тщательнее трактовать образ. Например, все животные на клинке кинжала изображены схематично, зато у хищников преувеличены когтистые лапы, оскаленные пасти, небольшие треугольные уши; у архаров, козлов и антилоп - мощные рога, копыта; у зайцев - огромные круглые глаза, длинные уши и т.д.

Графическая прорисовка деталей применялась в основном на рельефных и плоскостных изображениях. В скульптуре она почти отсутствует. Все изделия круглой скульптуры менее динамичны, чем рельефные, но столь же реалистичны.

Одной из характерных черт иссыкских произведений искусства является парность изображений идентичных животных, симметрично расположенных в орнаментальной зоне. Таковы композиции симметрично развернутых протом и геральдические пары.

В кургане Иссык помимо изображений животных найдены предметы с растительной и геометрической орнаментацией. Наиболее часто встречаются всевозможные комбинации завитков, листьев, лепестков, бутонов, розеток. Из геометрических фигур чаще изображался квадрат, прямоугольник, ромб, кружок, полумесяц. Такие формы имеют все мелкие бляшки-нашивки. Но и в геометрическом и растительном орнаментах из Иссыка присутствуют некоторые элементы «звериного» стиля, данные условно. Это клювовидные и когтевидные пластинки.

Особый интерес представляет антропоморфное изображение, которое является единственной находкой среди многочисленных предметов. На щитке перстня-печати оттиснуто негативное вогнутое изображение в профиль человеческой головы с удлинненным овалом лица, длинным выступающим носом, массивным подбородком. Глаза миндалевидные, ухо обозначено завитком. Головной убор причудлив.

84

Бляшка - лежащий олень. Ордос. VI-I вв. до н. э.
A plaque showing a recumbent deer, Ordos, 6th-5th cent B.C.

85

Свернувшийся зверь на набалдашнике меча. Зивие, Иран
A coiled beast on the knob of a sword handle; Ziviyeh, Iran

Большинство иссыкских изделий изготовлено из металлатехникой литья, штамповки, тиснения и гравировки. Художественные изделия имеют вид круглой скульптуры, горельефа, барельефа и плоскостных силуэтных изображений.

Прежде всего рассмотрим круглую скульптуру. Скульптурных предметов мало, это протомы коней, статуэтка архара, головки тигров или барсов на концах гривны и объемные фигурки птиц.

Основа конских протом искусно вырезана из дерева, затем покрыта листовым золотом, детали головы и передние ноги проработаны графически. Статуэтка архара состоит из двух

цельнолитых половинок. Детали тела до мелких подробностей подчеркнуты гравировкой. Скульптурные головки тигров или барсов, украсившие концы трубчатой гривны, состоят из двух штампованных половинок. Фигурки птиц объемны. Они сделаны из дерева и покрыты листовым золотом.

В горельефе выполнены голова тигра на цилиндрической пронизи, бляхи в виде оленей и олени головы, украшавшие парадный пояс, а также литые бляхи -распределители ремней, украшенные изображениями свернувшихся волков.

К плоскостным силуэтным изображениям относятся пять бляшек в виде козликов, стоящих в позе перед прыжком. Все остальные предметы искусства выполнены в барельефе с детальной проработкой частей тела.

Пример иссыкских изделий убеждает, что сакские мастера владели всеми техническими средствами работы по металлу, такими, как скульптурное литье, горельефная, барельефная и силуэтная штамповка, тиснение, гравировка и т.д.

Для усиления изображений основной контур рисунка, выполненного штампом и гравировкой, подчеркивался красной краской. Так ею создан причудливый узор на двух прямоугольных и четырех треугольных пластинах, украсивших лицевую часть головного убора. Краской показаны линии перьев на всех пластинках в виде больших и малых птичьих крыльев, ею же раскрашены древки стреловидных украшений и деревянные основы некоторых золотых пластин.

Иссыкскиторевты широко использовали в производстве различные материалы: еталл, дерево, ткань и кожу. Они умело комбинировали при изготовлении одного изделия металл с деревом, разные металлы между собой, кожу с деревом, кожу с тканью. Деревянная рукоятка нагайки и стреловидные украшения головного убора отделаны золотом. Сочетание железа и золота применяется на мече, кинжале и на изображениях священных деревьев. На этих предметах железная основа инкрустировалась золотыми пластинками, обтягивалась золотой проволокой и обкладывалась листовым золотом.

Как мы уже говорили, дерево используется как основа в скульптурных протомах коней, в статуэтках птиц. Все две тысячи четыреста одиннадцать золотых треугольных бляшек на кафтане и сапогах имели бронзовую основу.

Наиболее распространенным было сочетание кожи и металла, дерева и кожи. Вся одежда, головной убор и обувь иссыкского сака выполнена в технике аппликации кожи золотыми нашивками. Дерево, кожа и золото комбинируются при изготовлении пышного и вычурного головного убора и ножен меча и кинжала.

Выше мы пытались показать, что произведения искусства из Иссыка принадлежат к памятникам скифо-сибирского искусства «звериного» стиля, одной из особенностей которого является то, что изображения животных строго подчиняются их декоративному назначению. Мотивы подвергаются стилизации и воспроизводятся в заданной форме, но не в ущерб естественности и реалистичности образа.

Подводя итог сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что образы иссыкского искусства оказались очень разнообразными, а система художественных средств исполнения предельно выразительной. Изделия из Иссыка, отмеченные реализмом, поражают яркостью и жизненностью образов. Достойны преклонения талант и мастерство древнего безымянного художника, создавшего эти неумирающие произведения изобразительного искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научное историко-культурное значение иссыкского комплекса находок трудно переоценить.

В результате раскопок кургана Иссык получена большая ценная информация для разных направлений гуманитарных наук: древней истории, истории материальной и духовной культуры, истории прикладного изобразительного искусства, истории письменности и языка древнего населения Казахстана. Анализ и обобщение этой информации изменяет некоторые традиционные взгляды и гипотезы и позволяет по-новому оценить уровень развития социально-экономических отношений, культуру и искусство древнего общества.

Иссыкские находки по сохранности захоронения, позволившей воспроизвести с возможной полнотой картину погребального обряда, реконструировать относительно точно форму парадного головного убора, одежды и обуви и систему расположения на них многочисленных украшений, по высокой технике изготовления предметов искусства и по количеству найденных золотых изделий являются уникальными.

Особое место среди находок занимает серебряная чаша с надписью - древнейший памятник письменности на территории Казахстана. Ныне с гораздо большим основанием, чем прежде, в науке может быть поставлен вопрос о том, что сакские племена Казахстана еще более 2400 лет назад знали письменность, хотя еще преждевременны выводы о ее языковой атрибуции. В настоящее время не может быть доказана языковая принадлежность семиреченских саков к пра-тюркскому языку, но нет также достаточно убедительных доказательств в пользу отнесения их к семье народов, говорящих на иранском языке. Однако на современном уровне знаний, по мнению большинства специалистов, последнее предпочтительнее.

Важен другой аспект этой эпиграфической находки - существование письменности у казахстанских саков еще в VI-V вв. до н. э. Происхождение письма пока может быть решено предположительно. Специалисты по древним языкам Востока И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, С. Г. Кляшторный считают, что иссыкская надпись выполнена алфавитом, еще неизвестным мировой науке. Такое заключение предполагает, что этот алфавит был изобретен саками Семиречья или родственными племенами на основе какой-либо из существовавших письменностей, скорее всего арамейской.

Произведения изобразительного искусства из кургана Иссык являются одной из ярких страниц во всемирной истории искусств.

Во введении к данной работе отмечалось, что эти шедевры древней тюркетики были созданы руками мастеров-художников, выходцев из среды сакских племен Семиречья. По крайней мере у нас нет никаких данных считать их привозными, местное происхождение не вызывает сомнения.

Этот тезис подкрепляется находкой у с. Барскаун на южном берегу озера Иссык-Куль (Киргизия) бронзовых украшений, аналогичных иссыкским по сюжету, художественному стилю и технике исполнения. Некоторые из них, например, три разновидности блях с барельефной головой хищника между вертикальными рифлеными планками, бляхи треугольных очертаний, напоминающие наконечник стрелы, зубчатые пластинки близки иссыкским бляхам.

Весьма ценны для доказательства местного происхождения барскаунских изделий имеющиеся среди находок пластины заготовок, остатки листовой бронзы со следами вырезывания из них блях украшений, бесформенные куски бронзы, собранные для переплавки и изготовления из них бронзовых листов.

Удивительное сходство некоторых форм золотых иссыкских и бронзовых барскаунских блях и пластин, происходящих из разных районов Семиречья, отдаленных друг от друга на большое расстояние, дает основание для постановки вопроса о существовании семиреченской школы сакских тюркетонов.

Однако семиреченское происхождение иссыкских и иссык-кульских (барскаунских) находок не снимает вопроса о мощном влиянии искусства Передней Азии, в частности ахеменидского Ирана. Влияние это в найденных произведениях искусства, особенно в иссыкских, прослеживается очень четко и неоспоримо.

Иссыкское сакское искусство «звериного» стиля - это синкретическое искусство, сплав двух компонентов: самобытного и заимствованного. Однако в нем, как и во многих древних искусствах других народов, трудно провести резкую грань между компонентами, настолько они тесно переплетены и слиты воедино. Иссыкское искусство создает впечатление давно оформившегося, целостного и, в отличие от скифского, менее эклектичного.

В составе произведений искусства из кургана Иссык нет предметов передне-азиатского происхождения, но есть значительное количество предметов, изготовленных под сильным влиянием художественных особенностей и технико-стилистических приемов искусства Передней Азии.

Среди этих предметов можно отметить, как явно заимствованные из арсенала мотивов иранского искусства, такие зооморфные образы, как лев, грифон, крылатые звери и животные, мотив древа жизни - священного дерева. Из Передней Азии происходят также усвоенные саками технико-стилистические приемы и манеры воспроизведения деталей тела животных. Типично для

искусства ахеменидского Ирана подчеркивание мелких деталей тела, контуров мускулов линией в виде «стежка», «полуподковками», «точками» и «запятыми».

86

Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками. С. Барскаун. VI-IV вв. до н. э.
Plaques shaped as a tiger's head (front view) between vertical bars; village of Barskaun. 6th-4th cent B.C.

Из Ирана же саками была заимствована манера дополнительного прикрепления ножен кинжала к ноге с помощью второй бляхи - распределителя ремня. Дополнительное прикрепление кинжала к ноге доказывается находением в Исыкском кургане блях - распределителей ремня в первоначальном положении. Одна из них находилась в отверстии большой бляхи, украшавшей верхнюю часть ножен, а другая - у острия клинка кинжала. Древние греки и скифы не знали такого прикрепления кинжала.

По-видимому, исыкские находки дадут новый толчок многолетним спорам специалистов о происхождении искусства «звериного» стиля, о его прародине. По нашему мнению, и в настоящее время, после находок большой коллекции скифских и сакских предметов искусства в захоронениях «Толстой могилы», Гаймановой могилы, Каховских курганов и в кургане Исык, нет достаточных фактов, подкрепляющих теорию моноцентрического или полицентрического происхождения «звериного» стиля. Прямолинейное категоричное решение этой проблемы, вероятно, вообще исключено.

Но, к сожалению, на огромной территории Евразии в эпоху бронзы и раньше к настоящему времени неизвестны истоки скифо-сибирского «звериного» стиля. Хотя, и это важно отметить, евразийским племенам (в частности, андроновским племенам Сибири и Казахстана) были хорошо известны изображения зооморфных образов в резьбе по кости (возможно - и по дереву), техника плавки и литья меди и бронзы, техника изготовления листового золота. Многочисленны находки предметов украшения (серьги, височные кольца, заколки, ремненные обоймы) из бронзы и меди, искусно обтянутые листовым золотом. Древние ювелиры владели сложной для своего времени техникой аппликации листового золота по медной и бронзовой основе.

Таким образом, по технической оснащенности, по уровню знания технологии металла и по развитости художественного мышления евразийские племена стояли на высокой ступени и интеллектуально и технически были готовы к созданию высокохудожественных образов.

Однако искусство «звериного» стиля в Сибири и Туве, в Средней Азии и Казахстане, в Причерноморье и в Подунавье появляется внезапно в развитом виде. Среди большой коллекции художественного металла чрезвычайно мало привозных изделий, но многочисленны предметы с заимствованными образами и сюжетами. Евразия, вероятно, заимствовала из Ближнего Востока основную идею воплощения в искусстве зооморфных образов, а также художественный стиль. По крайней мере на Ближнем Востоке изделия, выполненные в «зверином» стиле, появились еще в IV-III тысячелетиях до н. э., намного раньше, чем в евразийских степях.

87

88

Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками (вариант). С. Барскаун. VI-IV вв. до н. э.

Plaques shaped as a tiger's head (front view) between vertical bars (version); the village of Barskaun, 6th-4th cent B.C.

Бляхи в виде наконечников стрел. С. Барскаун. VI-IV вв. до н. э.

Plaques shaped as arrow-heads; village of Barskaun, 6th-4th cent B.C.

Позаимствовав идею, степные торевты в корне переработали «звериный» стиль и по форме и по содержанию. По сути дела, в Евразии в VII-V вв. до н. э. - это новое искусство, с новыми образами и мотивами, с новыми сюжетами и композицией, отражающими местную среду и отвечающими конкретным этнокультурным традициям. Вероятно, каждая этнокультурная среда вкладывала новые религиозные понятия в образы зверей и сюжеты. В итоге искусство «звериного» стиля наполняется новым содержанием, соответствующим социально-экономической развитости того или иного общества.

На территории Евразии в скифо-сакское время существовало несколько художественно-стилистических школ торевтов. Одной из них, как уже отмечалось выше, является семиреченская школа мастеров-ювелиров. Произведения искусства, созданные торевтами этой школы, отдельные образы и сюжеты исыкских сокровищ доведены до совершенства, а по реалистичности и технике исполнения превосходят лучшие образцы прародины «звериного» стиля.

Вклад евразийских племен в развитие искусства «звериного» стиля VII - V вв. до н. э. чрезвычайно велик. Евразия - родина искусства скифо-сибирского стиля в VII -V вв. до н. э.

«Звериный» стиль в последующее время претерпевает существенные изменения. Реалистическая форма искусства «звериного» стиля уступает место все большей стилизации и в итоге переходит в беспредметный орнаментализм, в первых веках нашей эры заменяется вычурным полихромным стилем. Позднесакская стилизация зооморфных образов - формально упадок «звериного» стиля, и она же является в более широком историческом контексте в развитии изобразительного искусства его более высокой ступенью.

Этот этап в развитии сакского искусства хорошо иллюстрируют золотые украшения из царского кургана Тенлик (Семиречье, верховья р. Каратал), относящиеся к III-II вв. до н. э. Среди них такие, как бляхи с всадником, жезловидный предмет - атрибут власти, пластины с растительным орнаментом, мелкие фигурные бляшки, серьга.

На бляхах фигура всадника стилизована, выполнена в технике низкого рельефа. Поза всадника геральдическая, отсутствуют динамичность и экспрессия. Изображение всадника предельно полно заполняет площадь рамки. Лошадь массивного экстерьера, с мощной грудью и крупной головой на толстой шее. Челка собрана в вертикально стоящий пучок, грива и хвост заплетены. Ноги безжизненны, они как бы подкошены. На теле лошади видны схематические изображения отдельных деталей конского снаряжения: на голове узда с поводьями, на груди

круглая бляха и ремни, на крупе узорный край подстилки. Седла и стремян нет. У седока крупный прямой нос, левая рука полусогнута и кисть находится перед лицом, в пальцах какой-то предмет, левая нога свободно свисает вниз. Седок одет в кафтан с узким рукавом, пола, достигающая до колен, окаймлена двойной линией, на спине развевается крыловидный плащ, на голове - низкая шапка, на ноге - бескаблучные сапоги с длинным голенищем.

Жезловидная заколка состоит из круглого в сечении железного стержня, обтянутого листовым золотом, и двух наверший разных форм. Верхнее навершие съемное, сферическое, по верхней и нижней части орнаментировано рельефными многолепестковыми розетками, разделенными кольцевым желобом; нижнее наглухо соединено со стержнем, оно имеет плоское круглое основание, удлиненную шейку, переходящую в полусферическую головку. Пластины с растительным орнаментом -прямоугольной формы, состоят из боковых узких планок, между ними мотив вьющейся лозы и трехлепестковые бутоны тюльпана.

Пять бляшек вырезаны из тонкого листового золота. Формы их различны. Одна из них имеет вид двух совмещенных волют, другая - круглая с квадратным отверстием, третья - волютовидная, четвертая - треугольная с зазубренным основанием и, наконец, пятая в виде бутона цветка. Две бляшки штампованные, имеют низкорельефный орнамент, одна из них сердцевидной формы с крутыми завитками по основанию, другая в виде бутона цветка.

Замечательным образцом ювелирного мастерства позднебакской и послесакской эпох является серия серег, происходящих из того же региона, где находился курган Иссык. Их десять штук. Из них девять золотых и одна серебряная. Они имеют кольцевые незамкнутые петли и различные по форме подвески: в виде полумесяца, из сердолика, в виде грозди из зерни, одна из них с подвеской в виде длинной цепочки и т. д.

Великолепными образцами ювелирного искусства послесакской эпохи, когда на основе художественных традиций саков появляется пышный, целиком декоративный, но мастерски утонченный полихромный стиль-высший этап ювелирно-прикладного искусства древности, - являются две подвески к серьгам, найденные в одном из курганов могильника «Актасты», датируемого III-V вв. н. э. Подвески массивные, имеют полулунную основу, изготовленную из толстого листового золота. Основа назаостренных вершинах имеет две сдвоенные петли из золотой проволоки, на выгнутой части закраины припаяны девятнадцать рифленых цилиндрических пронизок, которые завершаются конусовидной формы гроздьями из мелкой зерни, а на вогнутой закраине размещены двенадцать гроздей из зерни. Лицевая поверхность основы окаймлена двумя концентрическими линиями из зерни, повторяющими форму основы, внутри них расположены четыре гнезда с сердоликовыми вставками. Гнезда с камнями тоже обрамлены зернью, а пустоты между гнездами заполнены треугольными фигурками, составленными также из зерни.

Полихромный стиль, ярким примером которого служат актастинские подвески, сменивший «звериный» стиль в Евразии, является также научной проблемой археологии и искусствоведения. В науке существуют различные теории и концепции о времени и месте зарождения искусства полихромного стиля, составившего целый этап в истории искусства народов мира. Большинство исследователей в вопросе его происхождения склоняется к мысли о том, что родиной этого оригинального стиля является Древний Восток. Изучение данного вопроса - тема, требующая самостоятельного исследования и не входит в задачу нашей работы. Поэтому, не предпринимая проблемы, все же отметим, что евразийские племена, в частности скифы и саки, хорошо знали технологию работы с драгоценным металлом, технику зерни и псевдозерни, приемы инкрустации золотых изделий цветной пастой и самоцветами. Примером подтверждения сказанного среди скифских находок является золотой олень из Костромского кургана на Кубани (VI в. до н. э.), инкрустированный цветным камнем, а среди сакских - олень из Чиликтинского кургана в Восточном Казахстане (VII-VI вв. до н.э.) и золотые пластины, украшенные зернью из одного из Пазырыкских курганов на Алтае (V в. до н.э.). В кургане Иссык также имеются изделия, выполненные в подобной технике. Золотая серьга имеет украшение в виде грозди зерни, а изображения животных на золотых пластинках, украшавших клинок кинжала, инкрустированы цветными вставками.

Таким образом, истоки этого стиля надо искать в искусстве скифо-сакских племен, хотя эти племена мы не можем назвать творцами полихромного стиля, стиля, поправшего реалистичность форм и стройность композиции искусства «звериного» стиля в угоду многоцветности и красочности нового искусства.

Для истории мирового искусства вопрос о приоритете зарождения той или иной формы искусства - всего лишь частная тема, имеющая узкорегionalное значение. Значительно важнее сам исторический факт поступательного обогащения культуры и искусства новыми произведениями человеческого гения.

Большой комплекс блестящих образцов сакского искусства «звериного» стиля из кургана Иссык - несомненный вклад в сокровищницу мировой культуры.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1 Копылов И. И. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины. - «Ученые записки АГПИ им. Абая», т. 15 (3). Вып. 2. Алма-Ата, 1958 с. 158-177.

2 Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 25-87.

3 Бернштом А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области. - «Известия АН КазССР». Серия археолог. Вып. 1, 1948, с. 81.

4 Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1968.

5 Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

6 Киселев С. ?. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Кызлосов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). - «Вестник МГУ». Серия историческая, 1958, №4; Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других скифских культур Евразии. - «Ученые записки Тув. НИИЯЛИ», Вып. 9. Кызыл, 1961; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры М., 1967.

7 Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре). - В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 44, табл. I.

8 Археология Украинской ССР, т. 2. Киев, 1971, с. 53, рис. 15; Гроков Б. Н. Скифы. М., 1971, табл. XXIV, XXV.

9 Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, с. 16.

10 Там же, с. 22, табл. 2.

11 Там же, с. 23.

12 Там же.

13 Полторацкая В. Н. Памятники эпохи ранних кочевников, с. 97, рис. 8 (1); *Вайнштейн С. И.* Археологические исследования в Туве, 1955. - «Ученые записки Тув. НИИЯЛИ». Вып. 4. Кызыл, 1956, рис. IV, 4; Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других скифских культур Евразии. - «Ученые записки Тув. НИИЯЛИ». Вып. 9. Кызыл, 1961, табл. I (4).

14 Смирное К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961, с. 10-15.

15 Там же, рис. 1, 2, 3.

16 *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.-«САИ». Вып. Д1-10,1963, с. 33, табл. 18.

17 *Абрамова М. П.* Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время. - В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 8-9, рис. 1 (12).

18 *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XI (12), рис. 21, с. 177; рис.12, с. 280-282.

19 *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. -«САИ». Вып. Д1-4, 1964, с. 46-64.

20 *Петренко ?.* Г. Правобережье Среднего Приднепровья в ?-III вв. до н. э. - «САИ». Вып. Д1-4,1967, с. 42, 43.

21 *Литеинский Б. А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. - В кн.: Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1968, с. 77-85.

22 *Смирное К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. -«САИ». Вып. Д1-9,1963, табл. 11 ; *Мошкоеа М. Г.* Памятники прохоровской культуры. - «САИ». Вып. Д1-10, 1963, табл. 18.

23 *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону. - «САИ». Вып. Д1-31, табл. 17.

24 *Крупное Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 281, рис. 47.

25 *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Урала, табл. 29, 12; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 28; *Питвинский*

Б. А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. - В кн.: Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971, с. 39, 42-43.

26 Артамонов М. И. Вопросы хронологии скифо-сибирского золота. - «Сов. археология», 1971, № 3, с. 41-47.

27 Там же, с. 42-43.

28 *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 137, 362, рис. 706.

29 Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном. - «Сов. археология», XVI, 1952, с. 214.

30 *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 137.

31 *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960, табл. 1 XXIV.

32 *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время, табл. XX, 6.

33 *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время, с. 335- 336.

34 *Членова Н. Л.* Скифский олень. - «МИА СССР», 1962, № 115, с. 189.

35 *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского «звериного» стиля. - «Сов. археология», 1965, № 1, с. 106-107.

36 *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959, с. 250.

37 *Godard A.* A propos du tresor de Ziwiye. - *Arfibus Asiae*, 1951, XIV, 8, p. 35.

38 Акишев К. А., *Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или, с. 35.

39 *Геродот.* История в девяти книгах. П., 1972, с. 204-205, 218-219, 220.

40 Всемирная история, т. 2. М., 1956, с. 170.

41 Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов. - «Известия АН СССР», 1946, № 3, с. 233; Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 269.

42 Геродот. История в девяти книгах, с. 332-333; Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 56.

43 Dation O. M. The treasure of the Oxus with, other examples of early orientale Metal-work. London, 1964.

44 Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966; Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971, рис. 19, 20.

45 Греков Б. Н. Скифы. М., 1971, табл. VIII-IX.

46 Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или, с. 18-19.

47 Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, рис. 15.

48 Траков Б. И. Скифы, табл. III, ?III-IX. XIIIe.

49 Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, с. 105-106.

50 Там же.

51 Виоонова ?. С. Катандинский халат. -«Труды ГИМ». Вып. 8, 1938.

52 Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, с. 104-105.

53 Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1964, с. 56-59, рис. 12, 29.

54 Геродот. История в девяти книгах, с. 323.

55 Траков Б. Н. Скифы, табл. III, ?III-IX.

56 Dation O. M. The treasure of the Oxus...

57 Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, с. 111-112.

58 Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л., 1962, с. 39-40, 44.

59 Гаврипова А. А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965, с. 54, рис. 4.

60 Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. - В кн.: История, археология и этнография. М., 1968, с. 274-281.

61 Pipes R. Muslims of Soviet Central Asia: trends and prospects. - The Middle East Journal, vol. 9, N 2. Washington, 1955.

62 Бичурин И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950, ч. 3, с. 190.

63 Там же, ч. 2, с. 197.

64 Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или, с. 25-87.

65 Геродот. История в девяти книгах, с.79.

66 Аманжолов А. С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. -«Вестник АН КазССР», 1971. № 12, с. 64-66.

67 Наиболее полную сводку вопроса см.: Литеинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 159-162.

68 Геродот. История в девяти книгах, с. 323; Струве В. В. Этюды, с. 56.

69 Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах, с. 269; Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов. - «Известия АН СССР», 1946, № 3, с. 233.

70 Григорьев В. В. О скифском народе саках. Спб., 1871, с. 15-16.

71 Фрейман А. А. Новые работы по древне-персидским надписям. - «ВДИ», 1940, № 2, с. 127.

72 Геродот. История в девяти книгах, с. 332.

73 Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или, с. 18-19.

74 Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с.109-132.

75 Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах, с. 16.

76 Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953, с. 404, прим. 7; Тревер К. ?. Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана). - История народов Узбекистана, т. 1. Ташкент, 1950, с. 47.

77 Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или, с. 18-20.

78 Струве В. В. Датировка Бехистунской надписи. - «ВДИ», 1952, № 1, с. 47.

79 Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах, с. 80.

80 Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время, табл. СII и СIII.

81 Стрелков А. С. Большой Семиреченский алтарь. - Сб. «С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности». П., 1934.

82 Там же, с. 490.

83 Стрелков А. С. Большой Семиреченский алтарь, табл. II, 2.

84 Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 41, рис.49.

85 Руденко С. И. Культура населения Гор

ного Алтая в скифское время, табл. XXX, 1, 4.

86 Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.-Л., 1952, с. 181, рис. 95 а.

87 Dation O. M. The treasure of the Oxus with, other examples of early orientale Metalwork. London, 1964, tabl. XII, №40.

88 Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время, с. 279, рис. 143.

89 Мозопевский Б. Н. Курган «Толстая могила» близ г. Орджоникидзе на Украине. -«Сов. археология», 1972, № 3; «Древнее золото». Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР. М., 1975.

90 Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, с. 141, 275, табл. 25.

91 Dation O. M. The treasure of the Oxus. . . Табл. XIII, № 44, 46.

92 Ханенко ? . И. и Б. И. Древности Приднепровья и побережий Черного моря. Вып. 3. Киев, 1900, табл. XI, № 540.

93 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 368, табл. XXXIV, с. 382.

94 Lettmar K. Die fruhen Steppenvolker. Baden-Baden, 1964, S. 227.

95 Членова Н. Л. Скифский олень. - «МИА СССР», № 115. М., 1962, с. 167-203.

96 Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, с. 56-57, илл. 36.

97 «Древнее золото».

98 Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1965, с. 29.

99 Радлов В. В. Сибирские древности. - «Материалы по археологии России», т. 15. Спб., 1894, с. 26.

100 Andersson G. Selected Ordos Bronzes. -Bulletin of the Museum of Faro Easten Antiquites, V. Stockholm, 1933, Табл. XXI. 2, 7; Табл. XXII. 10.

101 Шлеев В. В. К вопросу о скифских навершиях. - «Краткие сообщения ИИМК АН СССР». Вып. XXXIV, 1950, с. 54, рис. 7, 15.

102 Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. - «МИА СССР», № 26. М.-Л., 1952, с. 298, рис. 128/5, с. 323.

103 Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. - В кн.: Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 325, рис. 18; Агеева Е.

И. Хроника археологических раскопок и находок в Ка

захстане в 1948-1949 гг. - «Известия АН КазССР», № 108, 1951, табл. II.

104 Грязное М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. - «Краткие сообщения ИИМК АН СССР». Вып. 61, 1956, с. 14, рис. 4.

105 Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время, с. 2/7, рис 142в.

106 «Древнее золото».

107 Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. Спб., 1890, с. 50-51, рис. 54, 55.

108 Руденко м. и С. И. Искусство скифов Алтая. М., 1949, с. 31, табл. IV, 4; с. 46, рис. 10.

109 Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, с. 118.

110 "Sept mille ans d'art en Iran". Paris, 1961-1962.

111 Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, с. 126-127.

112 Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, табл. L, LI, LIV, LXII, LXXVII, C?I, CXI.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев ?. И. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса. - «Вестник древней истории», 1963, № 3.

Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины. - В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Акишев К. А. Саки Семиречья (По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.). - «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 7, 1959.

Акишев К. А., *Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Акишев К. А. Раскопки Иссыкского кургана. - В кн.: Археологические открытия в СССР в 1970 г. М., 1971. Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре). - В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. *Акишев К. А.* Курган Иссык (предварительные итоги

- раскопок). - В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974. Артамонов *М. И.* Происхождение скифского искусства. - «Советская археология», 1968, № 4.
- Артамонов *М. И.* Сокровища саков. М., 1973.
- Бабаев А. Д. Могильник Чильхона - памятник сакской культуры на Западном Памире. - «Известия АН ТаджССР», 1968, № 3.
- Бабанская Г. Г.* Берккаринский могильник (К некоторым итогам изучения памятника). - «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 1, 1956.
- Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов. М., 1954. Бернштам А. *И.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. - «Советская археология», 1949, № 11.
- Бернштам А. *Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». М.-Л., 1950.
- Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. - «Материалы и исследования по археологии СССР», № 26, М.-Л., 1952.
- Бернштам А. Н. Саки Памира. - «Вестник древней истории», 1956, № 1.
- Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья. М., 1971
- Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в ?II-? вв. до н. э. - «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 8, 1973. *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Ак-Тамский могильник. - «Краткие сообщения ИИМК», 1957, вып. 69.
- Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
- Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Григорьев ?. В. О скифском народе саках. Спб., 1871.
- Грязное М. П.* Саки. - В кн.: История Киргизии, т. 1. Фрунзе, 1963. *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
- Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.-Л., 1956.
- Жданко Т. А.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане. - В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII-VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. - В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Ипьянская В. А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Кадырбаев М. *К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. - «Труды Института истории археологии и этнографии АН КазССР», № 7, Алма-Ата, 1959. Квинт *Курций Руф.* История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Пер. под ред. В. С. Соколова. М., 1956. Киселев С. *В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Крупное Е. *И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Пиберов П. Д.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени. - В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1954.

- Литеинский Б. А.* Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). *Литеинский Б. А.* Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. *Литеинский Б. А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Бронзовые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел. - «Материальная культура Таджикистана». Вып. 1. Душанбе, 1968. *Максимова А. Г.* Курганы сакского времени могильника Джувантобе. - «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». Вып. 60, 1960. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. - Материалы и исследования по археологии», № 136, М.-Л., 1966. *Маргупан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбоев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. *Мартынов Г. С.* Иссыкская находка. - «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». Вып. 59, 1955. *Массон В. М.* Племена и народности Туркменистана в VI–IV вв. до н. э. - История Туркменской ССР, т. 1, кн.: 1. Ашхабад, 1957.
- Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964 - «Археология СССР. Свод археологических источников». Вып. Д1-4. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963. - Там же, вып. Д1-10.
- Пиотровский Б. Б.* Скифы и Древний Восток. - «Советская археология». Вып. 19, 1954.
- Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Пьянков И. В.* «Саки» (содержание понятия). - «Известия АН ТаджССР», 1968, № 3 (53).
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
- Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.
- Смирнов А. П.* Скифы. М., 1966.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964. Страбон. География в 17 книгах. Пер., статья и комментарий Г. А. Стратоновского. М., 1964.
- Струве В. В.* Поход Дария I на саков-массагетов. - «Известия АН СССР», 1946, т. 3, № 3.
- Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961.
- Толстое С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. *Толстое С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстое С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи - «Советская археология», 1966, № 2.
- Трееер К. В.* Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI–IV вв. до н. э.). - *Трееер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э.*

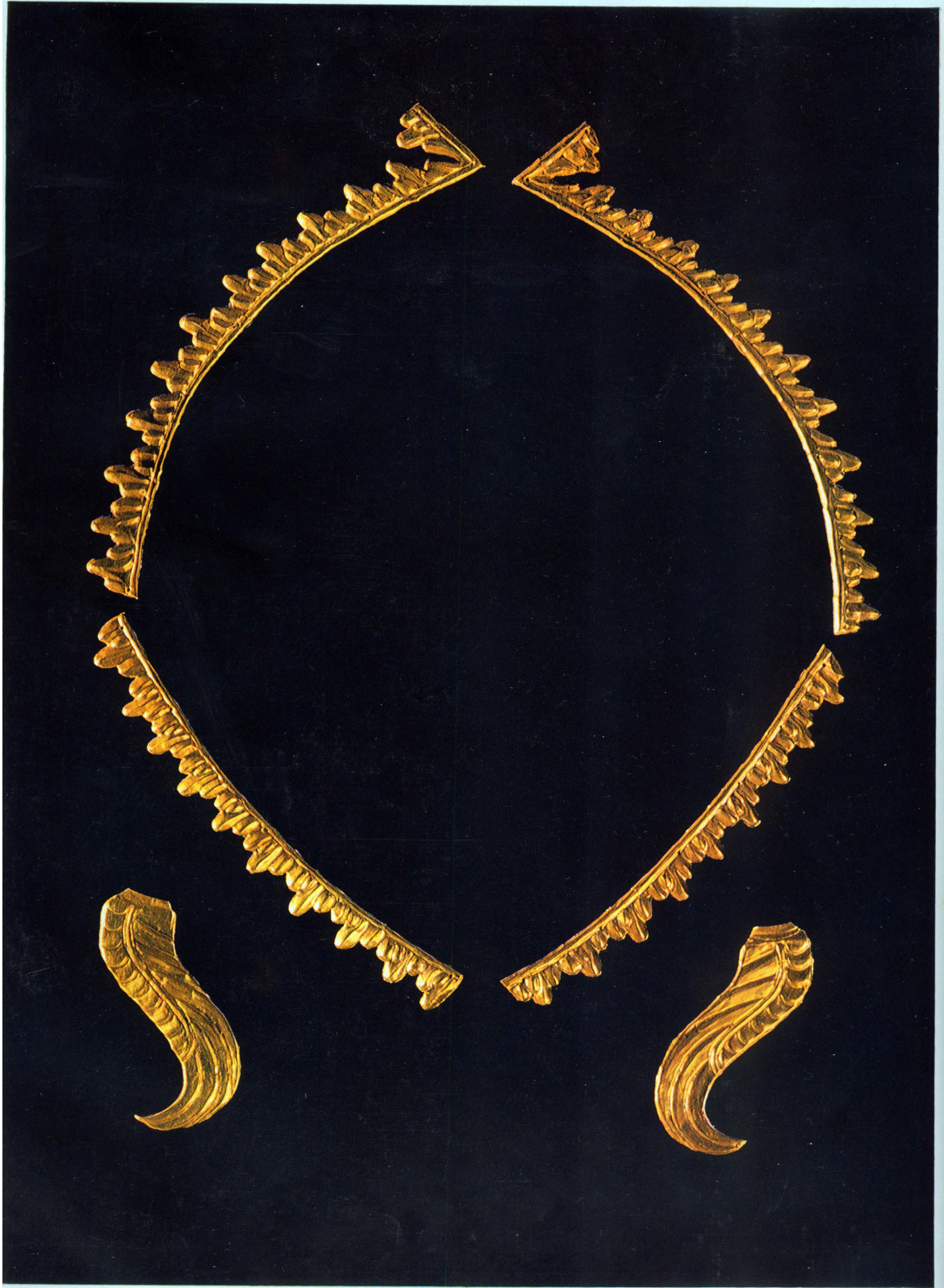
История народов Узбекистана, т. 1. Ташкент, 1950. *Черников С. С.* Загадка золотого кургана. М., 1965.

Членова Н. Л. Скифский олень. - «Материалы и исследования по археологии СССР». М.-Л., № 115, 1962. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М., 1967. *Andersson J. G.* Hunting magic in the animal style. - "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities", 1932, N4, Stockholm. *Bailey H. W.* Ariana. Dress and equipment. - *Orientalia Suecana*, vol. N4, Uppsala, 1955.

Barnett R. D. The art of Bactria and the treasure of the Oxus. - *Iranica Antiqua*, vol. 8. Leiden. 1968.

Grijasnow M. P. Sudsibirien. Ubersetzung aus dem Russischen: Hans-Jurgen Iordan. - *Archaeologia Mundi*. Genf, 1970. *Godard A.* Umetnost Irana. Beograd, 1965. *Jettmar K.* Die fruhen Steppenvolker. Der eurasiatische Tierstil Entstehung und sozialer Hintergrund. Baden-Baden, 1964. *Roslovzeff M. J.* The animal style in South Russia and China, Princeton, 1929. Sept mille ans d'art en Iran. 1961-1962. Paris.

ТАБЛИЦЫ TABLES

Диадема. Пластины в виде малых птичьих крыльев
A diadem. Plates shaped as small bird's wing

Бляхи в виде морды льва
Plaques made in the shape of a lion's head

Бляха в виде барса с зубчатой пластиной, изображающей горы. Обратная сторона
An once-shaped plaque and a mountain-shaped plate (reverse sides)

Бляхи в виде барсов с зубчатыми пластинами, изображающими горы

Бляха в виде барса с зубчатой пластиной и зубчатая пластина, изображающая горы

Бляхи в виде барсов

Plaques featuring ounces, mountain-shaped plates. A plaque showing an ounce and and mountains, and a mountain-shaped plate.

Ounce-shaped plaques

Бляшки в виде гонных козлов

Зубчатая пластина, изображающая горы

Бляхи в виде лошадей

Plaques shaped as mountain goats

A mountain-shaped plate

Horse-shaped plaques

Статуэтка архара на подставке

Прониз с изображением головы тигра

A figurine of an argali on a pedestal

A clasp made in the shape of a tiger's head

Стреловидные украшения
Arrow-shaped decorations

Зубчатая пластина, изображающая горы, имитация деревьев и скульптурки птиц
(композиция в первоначальном положении)

A mountain-shaped plate with birds on trees (the original position reconstructed)

Пластины фигурные декоративные
Decorative golden plates

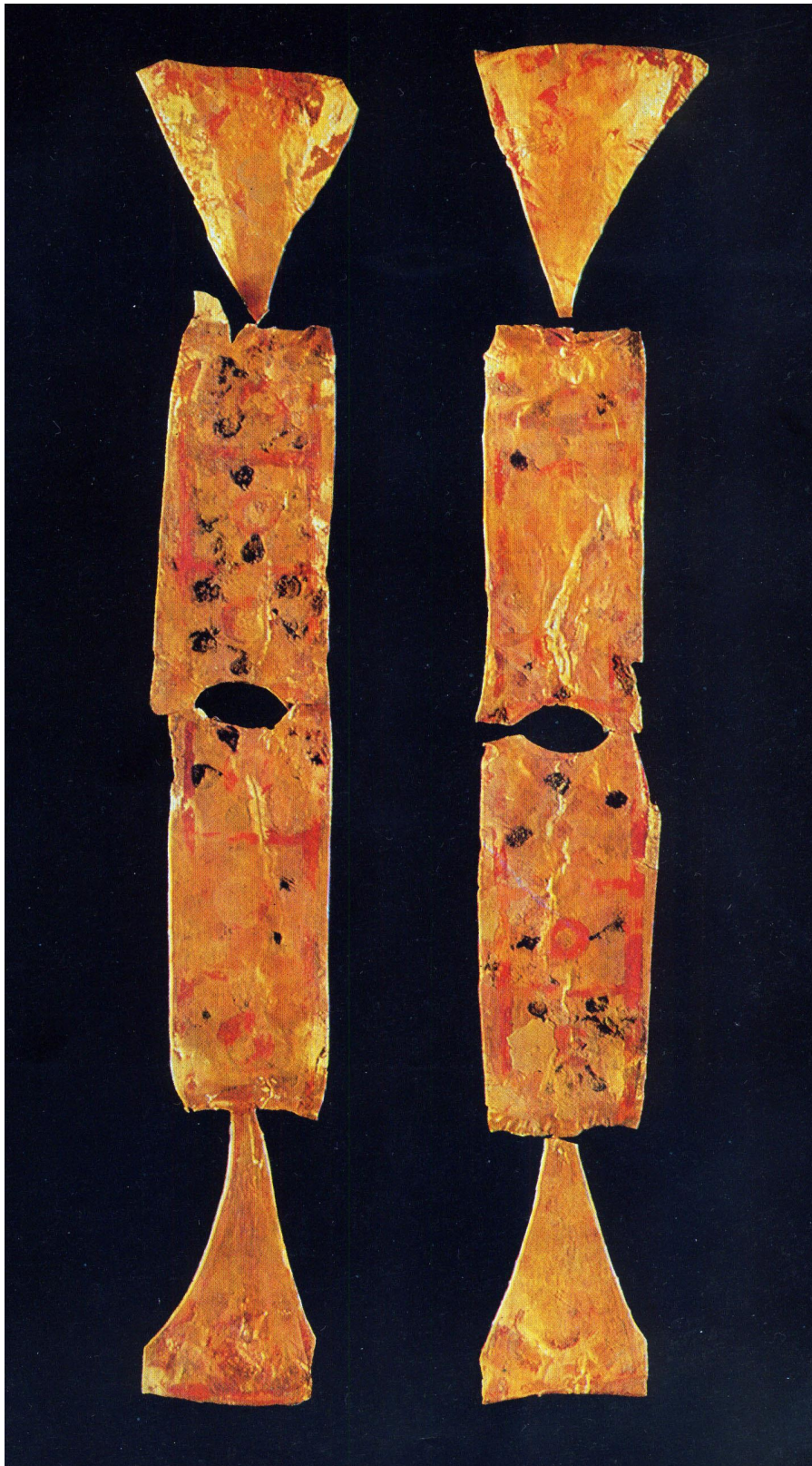
Длинные пластины в виде птичьих крыльев
Long plates reproducing a bird's wings

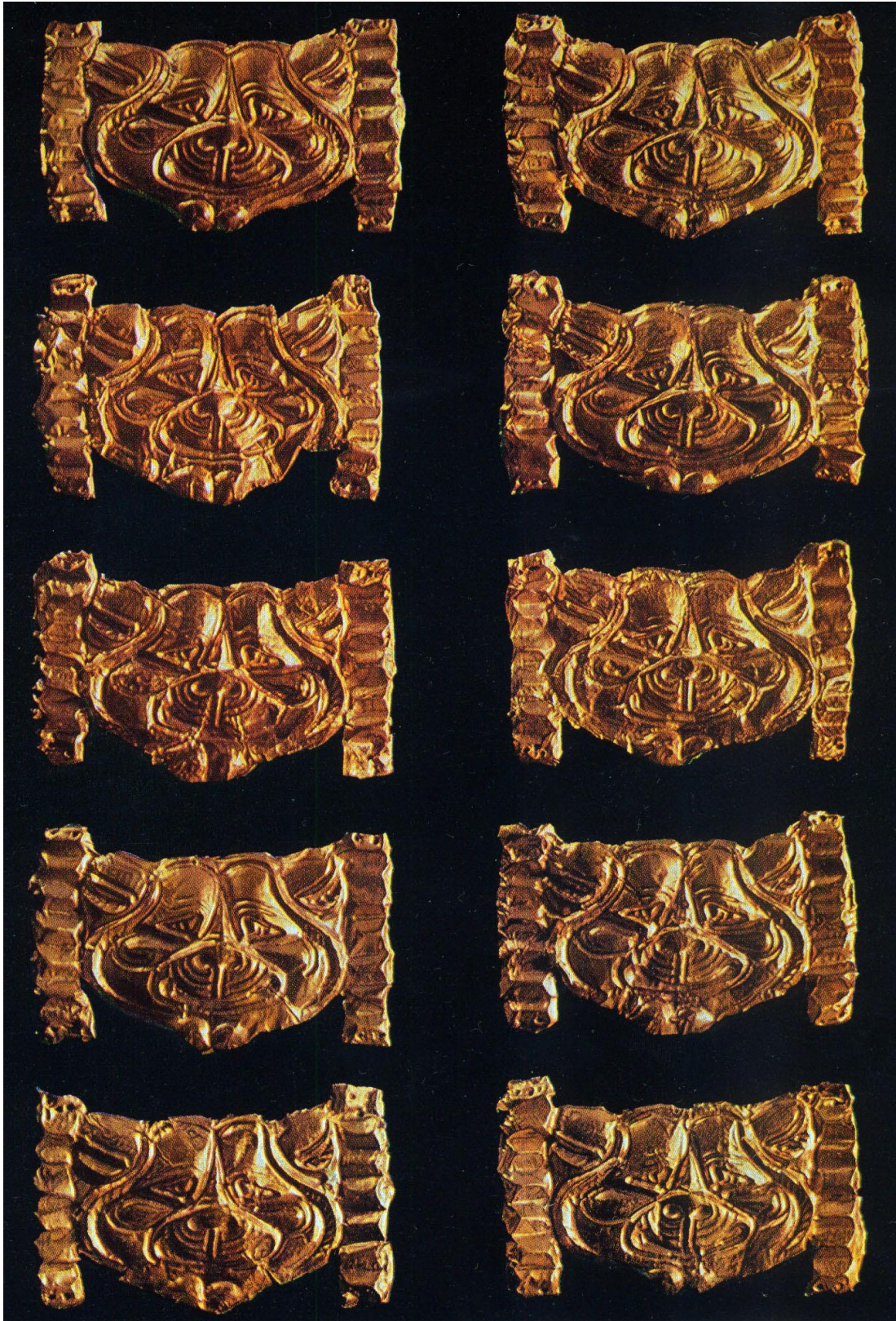
Пластины фигурные мелкие
Small decorative plates

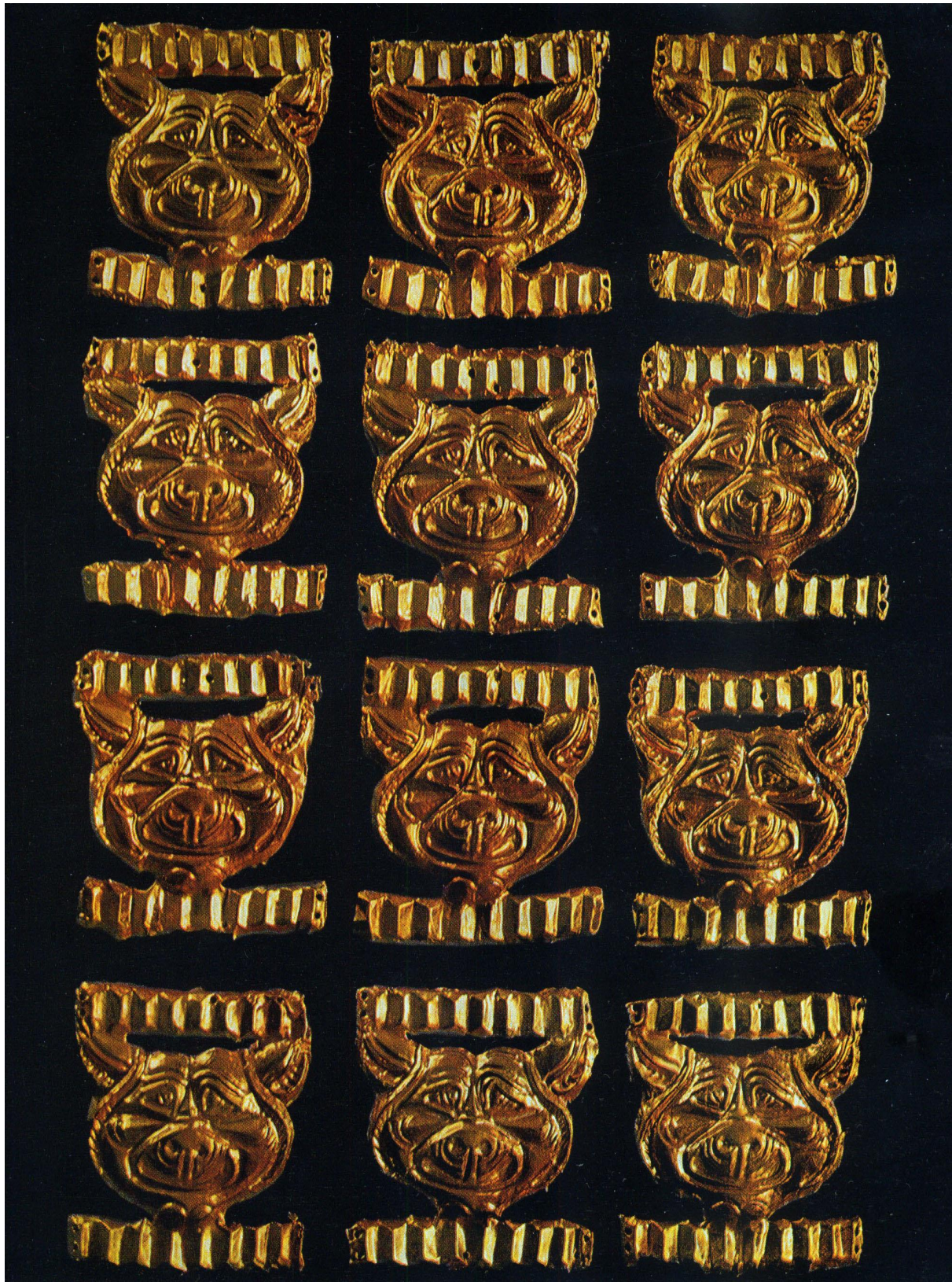
Пластины геометрических форм
Geometrically shaped golden plates

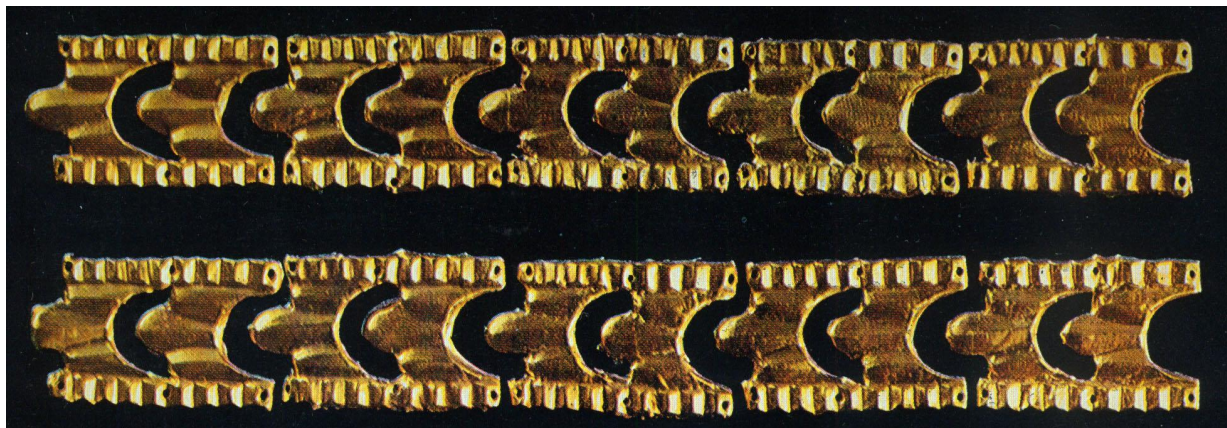
Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками
Plaques showing a tiger's head (front view) between vertical bars

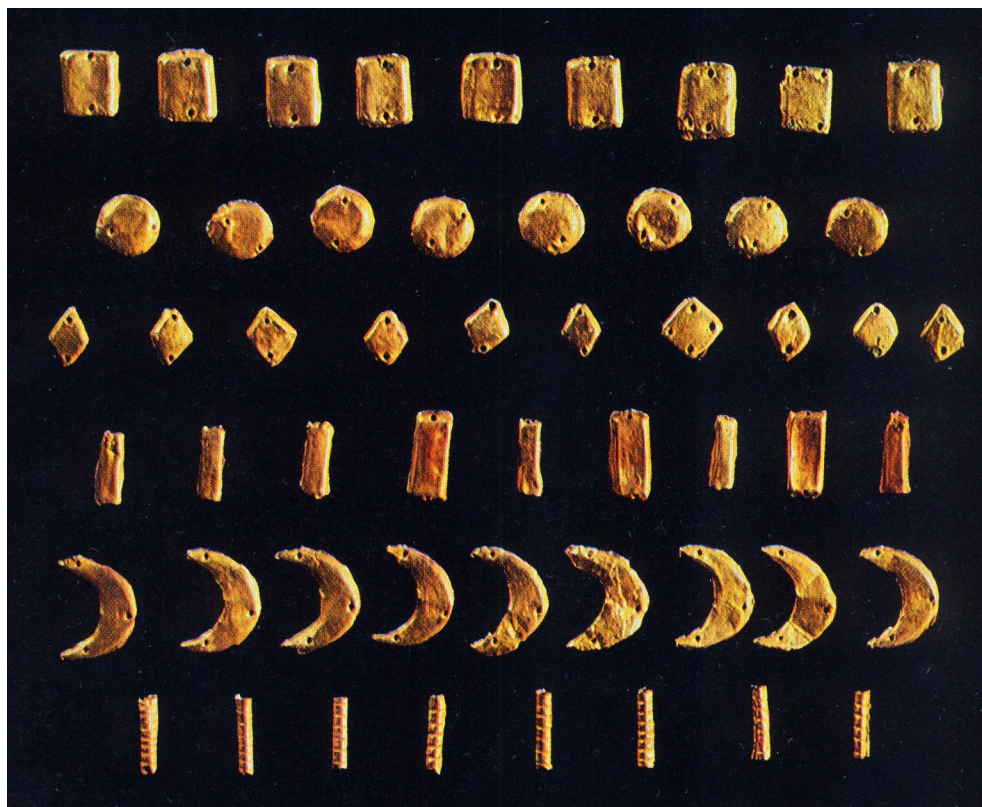

Бляхи в виде головы тигра анфас между горизонтальными планками
Plaques featuring a tiger's head (front view) between horizontal bars

Бляхи прямоугольно-фигурные
Rectangular-figured plaques

Бляшки мелкие разных форм и размеров
Small plaques of different size and shape

Бляшки составные
Composite plaques

Бляшки треугольных форм
Triangular plaques

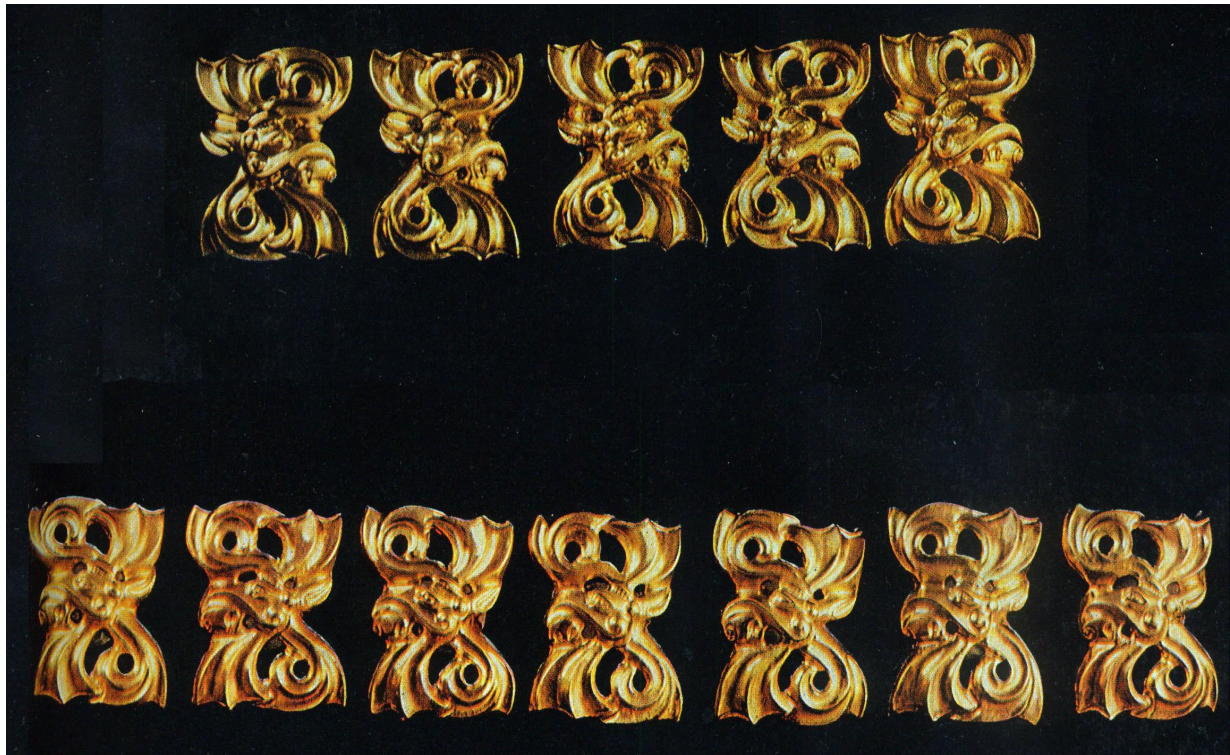

Бляхи-накладки в виде лежащего оленя
Cover-plaques portraying a recumbent deer

Бляха-накладка в виде лежащего оленя. Обратная сторона
A cover-plaque showing a recumbent deer (front and reverse sides)

Бляхи-накладки в виде головы оленя
Cover-plaques reproducing a deer's head

Навершие кинжала в виде двух голов грифонов

The top of the dagger's handle imitating the heads of two gryphons

Клинок кинжала

A part of the dagger's blade

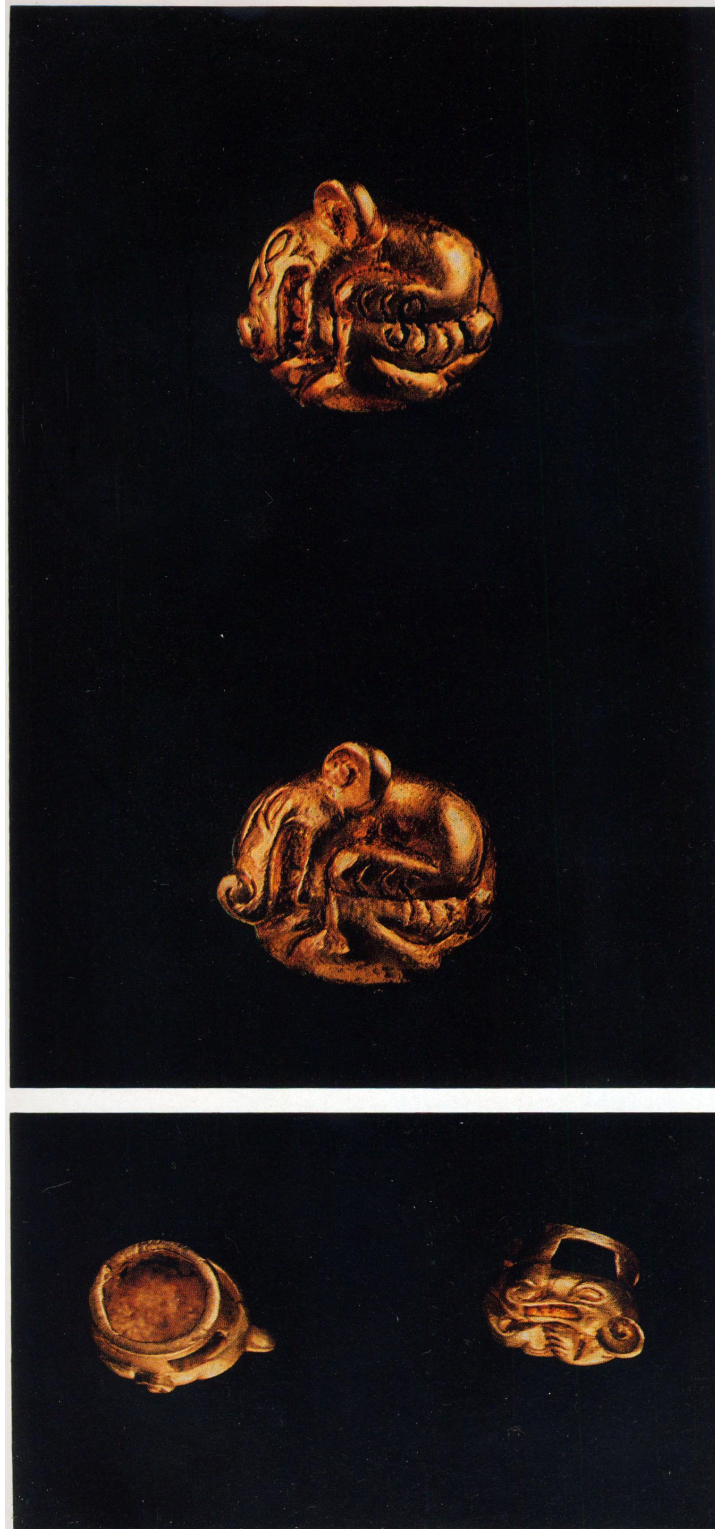

Кинжал и меч
A dagger and a sword

Бляхи-накладки на ножнах кинжала
Cover-plaques on the dagger's sheath

Бляхи-распределители ремней

Belt-spreading plaques

Бляхи-распределители ремней. Вид сбоку и обратная сторона

Belt-spreading plaques (side view; reverse side)

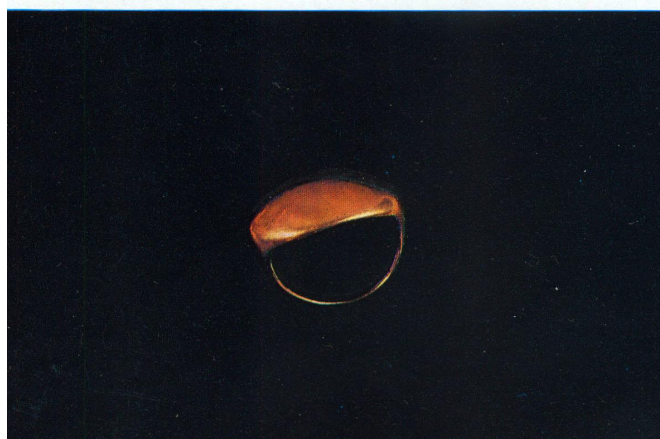
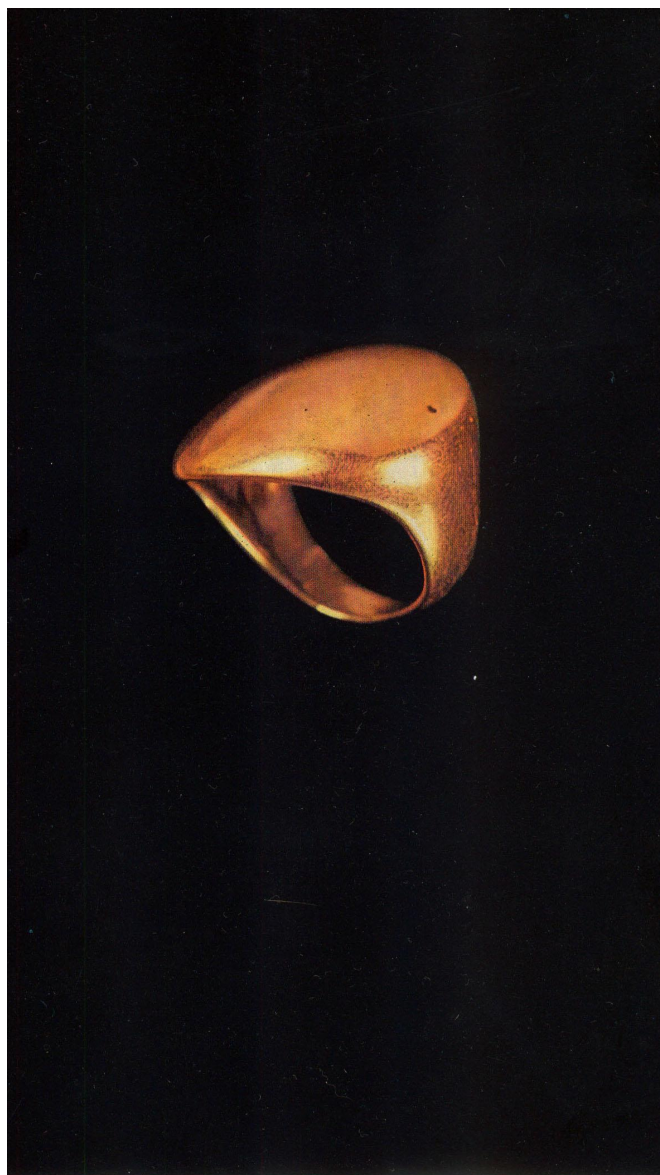
Гривна - шейное украшение
A neckel

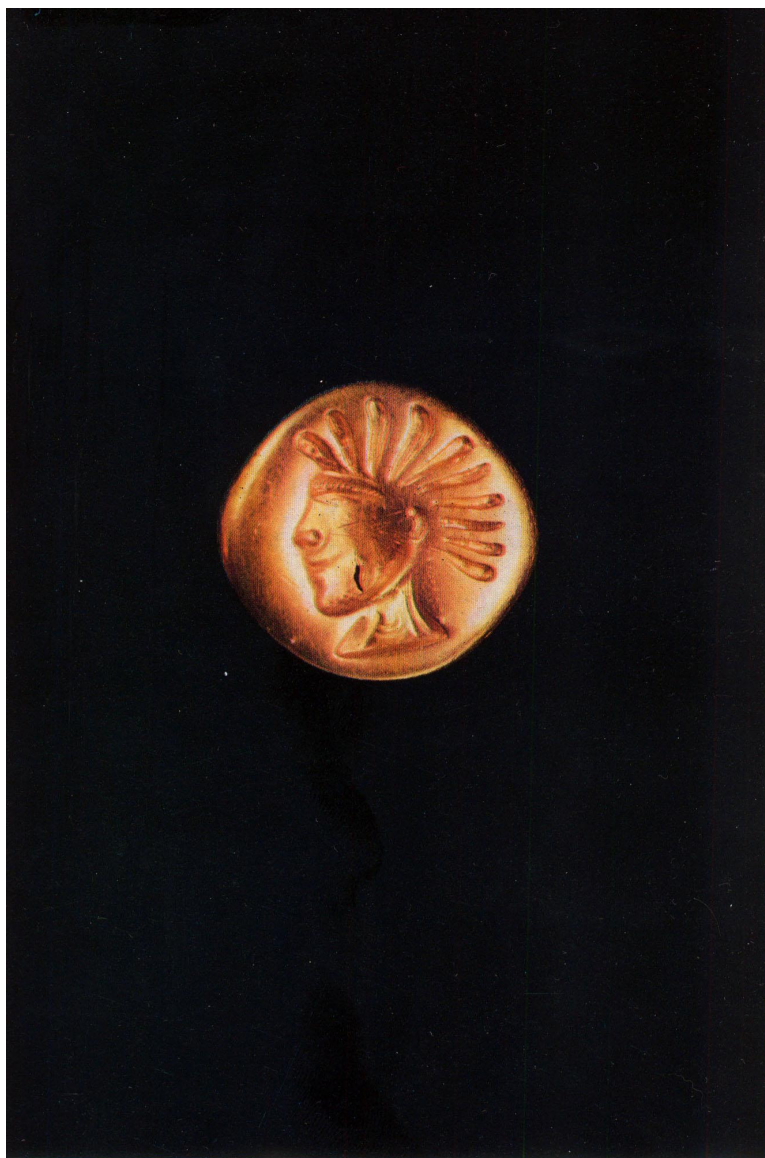

Гривна. Деталь
A part of the necklet

Перстень с овальным щитком
A finger-ring with an oval disc

Перстень-печать с изображением человеческой головы
A seal-ring picturing a man's head

Золотая лента и остатки древка
A golden strip and remains of a shaft

Зеркало и серьга
A mirror and an earring

Серебряные чаши и ложка
Silver bowls and a spoon

Ручка ложки
The spoon handle

Блюдо-поднос большое
The bigger tray

Блюдо-поднос малое и черпак
The smaller tray and a scoop

Кувшины
The jugs

Миски и кувшин
Basins and a jug

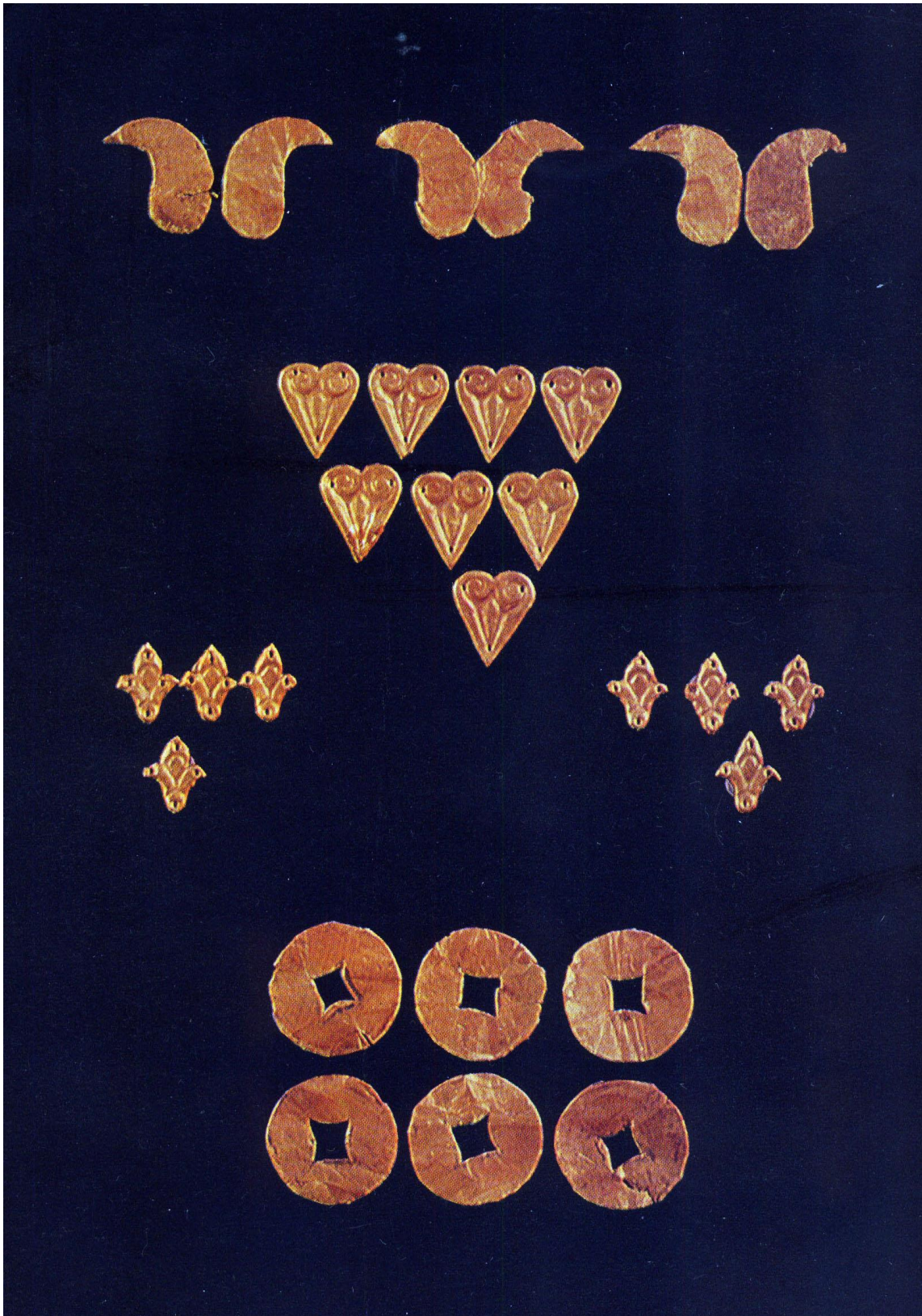

Бляхи с изображением всадника. Курган "Тенлик". III-II вв. до н.э.
Plaques with a figure of a horseman; the Tenlik Mound, 3rd-2nd cent B.C.

Жезловидный предмет. Курган "Тенлик". III-II вв. до н. э.
A baton-shaped article; the Tenlik Mound, 3rd-2nd cent B.C.

Бляшки фигурные мелкиеКурган "Тенлик". III-II вв до н.э.
Small figured plaques; the Tenlik Mound, 3rd-2nd cent B.C.

Пластины фигурные. Курган "Тенлик". III-II вв. до н.э.
Figured plates; the Tenlik Mound 3rd-2nd cent b.c.

Сурьги разные. Курган на р. Чилик IV-I вв до н.э.
Ear-rings; a mound on the Chilik River, 4th-1st cent B.C.

Подвески к серьгам. Курган могильника "Актасты". III-V вв. н.э.

Pendants for ear-rings; the mound of the "Aktasty" burial ground, 3rd-5th cent A.D.

СГВСJR
ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

1

Курган Иссык до раскопок. Диаметр 60 м, высота 6 м.

2

Деревянная погребальная камера. Размер: по наружному обмеру 3,3 x 1,9 м, по внутреннему - 2,9 X 1,5 м, высота 1,3-1,5 м.

3

Завал бревен перекрытия погребальной камеры у южной стены.

4

Погребальная камера, останки захороненного и инвентарь.

5

Погребение после расчистки. Рисунок.

6

Глиняные и серебряные сосуды у западной стены погребальной камеры.

7

Череп человека, золотые бляхи и пластины - украшения головного убора.

8

Бляха в виде барса и зубчатая пластина, изображающая горы.

9

Протомы крылатых коней с рогами горного козла - украшение налобной части головного убора. Круглая скульптура. Основа - дерево, обкладка - из листового золота 10x17,5 см.

10

Скелет человека и золотые бляхи и бляшки, украшавшие кафтан.

11

Золотая гривна на шейных позвонках. После расчистки.

12

Золотые бляхи, украшавшие кафтан. Фрагмент.

13

Бронзовое зеркало в окружении золотых бляшек, нашитых на сумочку.

14

Золотая лента - украшение рукоятки нагайки.

15

Золотые треугольные бляшки - украшение голенищ сапог.

16

Статуэтка архара.

17

Протома крылатого коня с рогами горного козла.

18

Бляха в виде барса с зубчатой пластиной, изображающей горы.

19

Бляха в виде барса.

20

Бляха в виде морды льва.

21

Бляшка в виде лошади.

22

Бляшка в виде горного козла.

23

Скульптурка птицы.

24

Диадема.

25

Пластина в виде малого птичьего крыла.

26

Длинная пластина в виде птичьего крыла.

27

Пластина фигурная декоративная.

28

Пластина фигурная мелкая.

29

Пластина фигурная мелкая.

30

Пластина геометрических форм.

31

Стреловидное украшение.

32

Бляха в виде головы тигра анфас между горизонтальными планками.

33

Бляха в виде головы тигра анфас между вертикальными планками.

34

Бляшка треугольной формы.

35

Бляха прямоугольно-фигурная.

36

Бляшка составная.

37

Бляшки мелкие разных форм.

38

Бляха-накладка в виде лежащего оленя.

39

Бляха-накладка в виде головы оленя.

40

Навершие кинжала.

41

Бляха-накладка на ножнах кинжала.

42

Бляха - распределитель ремня.

43

Рукоять меча.

44

Прониз с изображением головы тигра.

45

Гривна.

46

Перстень с овальным щитком.

47

Перстень-печать с изображением человеческой головы.

48

Серьга.

49

Зеркало.

50

Остатки рукояти нагайки.

51

Большая серебряная чаша.

52

Малая серебряная чаша.

53

Серебряная ложка.

54

Ручка черпака.

55

Маг с прутьями в руке. Вотивная пластинка. Золото. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.

56

Юноша в скифском колпаке. Глина. I в. до н. э. – I в. н. э. Халчаян, Южный Узбекистан.

57

Скиф, натягивающий тетиву лука. Сцена на сосуде. Серебро. IV в. до н. э. Курган Куль-Оба, Северное Причерноморье. Ленинград, Государственный Эрмитаж. 58

Скифы за беседой. Сцена на сосуде из кургана Куль-Оба. 59

Скифы за врачеванием. Сцена на сосуде из кургана Куль-Оба.

60

Рельеф на Бехистунской скале. Последний справа - сак Скунха. 61

Саки, подносящие дары. Рельеф на лестнице в ападану в Персеполе.

62

Головной убор. Реконструкция. 63

Головной убор. Реконструкция. Вид сбоку. 64

Кафтан. Реконструкция. 65

Гребень с фигурами сражающихся скифов. Золото. IV в. до н. э. Курган Солоха, Северное Причерноморье. Ленинград, Государственный Эрмитаж. 66

Скиф-воин. Фрагмент сцены, изображенной на гребне из кургана Солоха. 67
Сапог. Реконструкция. 68
Наборный пояс. Реконструкция. 69
Костюм сака. Реконструкция автора. 70
Надпись на малой серебряной чаше. Развертка. 71
Надпись на малой серебряной чаше. Прорисовка. 72
Надпись на каменном сосуде. I?-III вв. до н. э. Могильник «Каратома», р. Чарын, Семиречье.
Алма-Ата, Музей археологии АН КазССР. 73
Надпись на камне (развертка). I?-?I вв. н.э. Могильник «Актасты I», р. Кегень, Семиречье.
Алма-Ата, Музей археологии АН КазССР. 74
Семиреченский алтарь. Общий вид. Ленинград, Государственный Эрмитаж. 75
Круглый светильник с фигурками животных по борту. Село Буконь, Восточный Казахстан.
Омск, Омский областной краеведческий музей.
76
Квадратный светильник.
Алма-Ата, Центральный музей Казахстана.
77
Фигурка крылатого хищника. Бронза. Алма-Ата, Центральный музей Казахстана. 78
Лошадь. Дерево. Катандинский курган, Горный Алтай.
Москва, Государственный Исторический музей.
79
Пектораль. Деталь - лошадь с жеребенком и корова с теленком. Золото. Литье, чеканка. IV в. до н. э. Курган «Толстая могила». Киев, Музей исторических драгоценностей УССР. 80
Налучье с фигурами козлов и оленей.
Фрагмент. Барельеф. Золото. Случайная находка, Зивие, Иран.
Тегеран, Археологический музей.
81
Бляшки нашивные в виде оленя. Золото. Тиснение. VI в. до н. э. Курган у с. Синявка. Киев, Музей исторических драгоценностей УССР. 82
Бляшка - лежащий олень. Золото. VI в. до н. э. Чиликты, пятый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж. 83
Бляшка - лежащий олень. Бронза. VI в. до
н. э. Минусинская степь, южная Сибирь. Ленинград, Государственный Эрмитаж. 84
Бляшка - лежащий олень. Бронза. ?I-? вв. до н. э. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии. 85
Свернувшийся зверь на набалдашнике меча. Золото. Случайная находка,

Зивие, Иран. Тегеран, Археологический музей.

86

Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками. Барельеф. Бронза. VI–IV вв. до н. э. Случайная находка, с. Барскаун, южный берег озера Иссык-Куль.

Фрунзе, Институт истории АН КиргизССР 87

Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками (вариант). Ба

рельеф. Бронза. VI–IV вв. до н. э. Случайная находка, с. Барскаун, южный берег озера Иссык-Куль.

Фрунзе, Институт истории АН КиргизССР. 88

Бляхи в виде наконечников стрел. Бронза. VI–IV вв. до н. э. Случайная находка, с. Барскаун, южный берег озера Иссык-Куль.

Фрунзе, Институт истории АН КиргизССР.

ТАБЛИЦЫ

Головной убор

1

Диадема. Золото. Диаметр 22. Пластины в виде малых птичьих крыльев. Золото. Роспись красной краской 8,1 x 2,8. 2

Бляхи в виде морды льва. Барельеф. Золото. 2,2x2,6. 3

Бляха в виде барса с зубчатой пластиной, изображающей горы. Обратная сторона. 4

Бляхи в виде барсов с зубчатыми пластинами, изображающими горы. Барельеф. Золото. 7,2x8,5.

Бляха в виде барса с зубчатой пластиной и зубчатая пластина, изображающая горы. Барельеф. Золото. 5,2x7,6; 3,7x4,7. Бляхи в виде барсов. Барельеф. Золото, 5,5x3,7. 5

Бляшки в виде горных козлов. Барельеф. Золото. 4,5 X 2,8.

Зубчатая пластина, изображающая горы.

Барельеф. Золото. 7,8x13,3.

Бляхи в виде лошадей. Барельеф. Золото.

6,5x5,2.

6

Статуэтка архара на подставке. Круглая скульптура. Золото. 1,6x1,9. Прониз с изображением головы тигра. Горельеф. Золото. 1,8 X 1,7. 7

Стреловидные украшения. Основа - дерево, наконечники и ленты-спирали - из золота. 38-40x2. 8

Зубчатая пластина, изображающая горы, имитация деревьев и скульптурки птиц (композиция в первоначальном положении).

Пластина: барельеф, золото. 7x13. Деревья: основа - железо, обкладка - золото, ветви - золото. Высота 4,5. Скульптурки птиц: основа - дерево, обкладка - золото. 3 X 3,5. 9

Пластины фигурные декоративные. Золото. 8X 3,7; 7,5 X 3,6; 6 X 2,5; 5,5X4; 5 X4.
10

Длинные пластины в виде птичьих крыльев. Золото. Роспись красной краской.
26-26,8x2. 11

Пластины фигурные мелкие. Золото. Размеры крупных: 8x2,6. 12

Пластины геометрических форм. Золото. Роспись красной краской. 17-17,2x2.

Одежда, наборный пояс, обувь

13

Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками. Барельеф.
Золото. 3,1 x4,3. 14

Бляхи в виде головы тигра анфас между горизонтальными планками.

Барельеф. Золото. 3,9x4,1. 15

Бляхи прямоугольно-фигурные. Барельеф. Золото. 2,2x3,8.

16

Бляшки мелкие разных форм и размеров.

Золото.

17

Бляшки составные. Состоят из конусовидного колпачка и плоского круглого
основания пластины. Золото. 2x3,2. 18

Бляшки треугольных форм. Барельеф. Золото. 2,2x2. 19

Бляхи-накладки в виде лежащего оленя.

Горельеф. Золото. 2,8x8,8.

20

Бляха-накладка в виде лежащего оленя.

Оборотная сторона.

21

Бляхи-накладки в виде головы оленя. Горельеф. Золото. 3,1 x4,1.

Оружие

22

Навершие кинжала в виде двух голов грифонов. Железо, обкладка из
листового золота. 23

Клинок кинжала. Фрагмент. Золотая пластина - украшение с рельефными
изображениями животных. Золото. 24

Кинжал и меч. Железо, инкрустация золотом. Длина кинжала 48, ширина
клинка 7,7; длина меча (сохранившаяся) 20, ширина клинка 6,9. 25

Бляхи-накладки на ножнах кинжала. Рельеф. Золото. 5,5x13,4; 15,7x4,1. 26

Бляхи - распределители ремней. Рельеф.

Золото, литье. 2,8x2,4.

27

Бляхи - распределители ремней. Вид сбоку и обратная сторона.

Украшения

28

Гривна - шейное украшение. Концы украшены скульптурными изображениями
головы тигра. Золото. Диаметр 13. 29

Гривна. Деталь. 30

Перстень с овальным щитком. Золото.

Высота 2,3, диаметр 2,5.

31

Перстень-печать с изображением человеческой головы.

Золото. Высота 2,7, диаметр 2,5. 32

Золотая лента и остатки древка. Остатки рукояти нагайки. 34x3.

33

Зеркало и серьга. Зеркало из бронзы. Диаметр 12,8. Серьга золотая, подвески из бирюзы. 3,1 X 2,4.

Посуда

34

Серебряные чаши и ложка. Малая чаша. Высота 2,2, диаметр 7,7. На дне надпись из двух строк, состоящая из двадцати шести знаков.

Ложка. Ручка ложки в виде птичьей шеи и головы. 16x3,8.

Большая чаша. Высота 3,8, диаметр 15,6. 35

Ручка ложки. Деталь. Серебро. 36

Блюдо-поднос большое. Дерево. 67,5 x 37,5x3.

37

Блюдо-поднос малое и черпак. Блюдо-поднос. Дерево. 46x29x3. Черпак. Дерево. Длина ручки 25, диаметр 9,5. 38

Кувшины. Глина. Высота 17-20, диаметр тулова 12-14.

Изготовлены на гончарном круге. 39

Миски и кувшин. Глина. Высота 6-6,5, диаметр 14-17. Изготовлены на гончарном круге.

Находки из других курганов

40

Бляхи с изображением всадника. Барельеф. Золото. 3,7x4,5. Курган «Тенлик», р. Каратал, Семиречье. III-II вв. до н. э. Алма-Ата, Музей археологии АН КазССР. 41

Жезловидный предмет. Основа - железо, обкладка - из листового золота. Длина 21.

Курган «Тенлик», р. Каратал, Семиречье.

III-II вв. до н. э.

Алма-Ата, Музей археологии

АН КазССР.

42

Бляшки фигурные мелкие. Золото. 2,1 x 1,5; 1,3x1; 1 x0,9;2x2. Курган «Тенлик», р. Каратал, Семиречье. III-II вв. до н. э. Алма-Ата, Музей археологии АН КазССР. 43

Пластины фигурные.

Пластины в виде лент с треугольными окончаниями. Золото. 1x15. Пластины с растительным орнаментом. Золото. 1,4x4,4. Курган «Тенлик», р. Каратал, Семиречье. III-II вв. до н. э. Алма-Ата, Музей археологии АН КазССР. 44

Серьги разные. Золото, серебро. Подвески из сердолика, гроздьев зерни и в виде цепочки. Курган на р. Чилик и р. Чарын, Семиречье. I?-I вв. до н. э. Алма-Ата, Музей археологии АН КазССР. 45

Подвески к серьгам. Золото. Вставки -сердолик, украшены зернью. 3x7; 5,5x3,7. Курган могильника «Актасты» на р. Кегень, Семиречье. III-? вв. н. э. Алма-Ата, Музей археологии АН КазССР. 46

Серьга с подвеской-цепочкой. Золото. 7,2. Курган на р. Чилик, Семиречье. I?-III вв. до н. э.

Алма-Ата, Музей археологии АН КазССР.

SUMMARY

In the 8th through 4th centuries B.C. the territory of modern Central Asia and Kazakhstan was populated by the tribes known from the Achaemenidian written sources as Saka. The Saka people were contemporaries of Greeks during the rule of Alexander the Great, of Persians under Cyrus and Darius, Scythians of the Northern Black Sea coast and Sauromates that lived in the lower reaches of the Volga River and in the territory lying to the west of the South Urals. As to their origin and cultural background, they had much in common with Scythians, especially with Sauromates.

Quite a few monuments of the Saka material culture have been discovered on the vast territory of Kazakhstan. The number of burial structures and huge stone or earthen burial mounds (some of them 20 metres high) is especially large.

In that region Soviet archaeologists have been engaged in intensive excavations of the Saka mounds, some of them are well comparable with Egyptian pyramids. The outstanding finds in the burial grounds of Pazyryk (Altai mountains), Chiliktin (East Kazakhstan) and Besshatyr (Southeast Kazakhstan) are fairly well known. What has been found in these barrows has provided the first clear evidence of the high level of the Saka culture which was in many ways original. The size of the burial structures, the sophisticated burial rites and the richness of the finds point to the grandeur of the Saka tsars and an advanced social pattern of that period.

In 1969 and 1970, a group of Kazakh archaeologists headed by Kemal A. Akishev unearthed the Issyk Mound on the left bank of the Issyk River in Southeast Kazakhstan, 50 km to the East from the city of Alma Ata, a mound where a Saka tsar had been buried in a grand way. The Issyk Mound was 60 metres in diameter and 6 metres high. The crater on top of the mound was 12 metres in diameter and 2.3 metres deep. The mound had no clear inner structure, but a closer study revealed several layers in it (river pebbles alternated with clay). When the mound was ultimately removed there were two burial places: the central and the side one (southern). The central tomb had been ravaged way back in the ancient past, but the southern one has remained intact.

The deep tomb housed a burial chamber built of smoothed logs of Tien Shan fir tree, 1.5 m to 3 m long and 25 cm to 30 cm thick. The size of the rectangular chamber was 3.3 m X 1.9 m and its height varied from 1.3 m to 1.5 m.

In the southern and western parts of the chamber the archaeologists found pottery, while the northern part contained the remains of the deceased tsar lying on his back on a board floor with the head westwards.

On the skeleton and beneath it they found adornments that had decorated his robe, the head-dress and the footwear - all made of sheet gold. All kinds of weaponry, toilet requisites and utensils lay beside the skeleton. In all, over four thousand golden toilet articles, an iron dagger and a sword inlaid with golden plates, a gilded bronze mirror and 31 vessels made of clay, wood, bronze and silver have been discovered in the burial chamber.

The detailed description of the Issyk Mound relics has been published for the first time in this book.

The book has three chapters. The first one presents the general archaeological data on the Issyk Mound and a detailed description of all the finds. In this chapter the author gives his grounds for fixing the time when the mound was built.

The finds in the Issyk Mound have been well preserved, which enabled the archaeologists to reconstruct the shape of the headdress, clothes and footwear. They also learnt where exactly the adornments had been placed on those clothes and reconstructed the shape of the dagger and the sword. The description of the reconstruction effort and the grounds for the conclusions made thereafter are given in the second chapter entitled "Reconstruction and Restoration".

The third chapter, entitled "History and Art", dwells on some aspects of social relationships among the Saka people, the origin of their written language, the ethnic group to which the person buried in the Issyk Mound belonged, and the specific features of the articles made in the animalstyle art.

The significance of the Issyk relics for the historical and cultural studies is hard to be overrated. The research into the discoveries has provided a wealth of information for ancient history, the history of material and intellectual culture, the history of applied fine arts and the history of the written and spoken language of the ancient population of Kazakhstan. When analysed and generalised, this information tends to change some of the traditional views and theories and prompts a new approach to the level of socio-economic relationships, culture and art of the Saka people of Kazakhstan.

The Issyk Mound relics are unique in that they have been perfectly well preserved, which enabled the scientists to reproduce, the best way they could, the picture of the burial ceremony, reconstruct the shape of the head-dress, clothes and footwear and the places where the numerous adornments were fixed on them. The relics are also unique in the artistic level of the execution of the articles discovered and the number of the golden finds.

Of all the relics, most significant is the silver bowl with an inscription on it - the most ancient monument of the written language discovered so far on the territory of Kazakhstan. Now there are far more grounds than before to suggest that the Saka tribes used a written language 2,300 to 2,400 years back, although it is early to say definitely whose language it was. The scientists do not know yet what language of the world was spoken by the Saka tribes that populated the Semirechye area. Neither has it been proved that the Saka people of Kazakhstan spoke an

ancient Turkic language. And there is no proof enabling scientists to class them among the Iranian-speaking peoples. However, considering the present level of knowledge, most experts agree on the latter version.

Another aspect of this epigraphic discovery is of no small importance either, namely, the fact that the Saka of Kazakhstan did have a written language as early as the 8th–4th centuries B.C. The origin of the written lan

guage can be only guessed so far. Thus, I. M. Dyakonov, V. A. Livschiz and S. G. Klyashtorny - all experts in the languages of the world - believe that the Issyk inscription had been possibly written in the letters of an alphabet unknown to world science. This conclusion suggests that the alphabet in question had been devised by the Saka people of the Semirechye area, or by kindred tribes, on the basis of one of the written languages that existed at that time, most probably the Aramic language.

The works of fine art found in the Issyk Mound constitute a bright chapter in the world history of arts. These masterpieces of ancient toreutics were probably executed by the Saka artists of Semirechye. At any rate, there is no evidence indicating that they had been brought from other parts. Their local origin is beyond doubt.

However, the fact that the Issyk finds are of the local origin does not rule out a possible influence of the art of Southwest Asia, specifically of Achaemenidian Iran. Traced in the discovered works of art, especially those of the Issyk Mound, this influence is perfectly obvious.

The art of the Issyk Saka people with its animal style is a syncretic art comprising original and borrowed elements. But its components are so blended into a single whole that it is next to impossible to draw a clear distinction between the components, which is also the case with many other ancient arts. The Issyk art produces the impression that it is a long-established single whole.

None of the works of art found in the Issyk Mound are clearly of a Southwest Asian origin, but quite a few of them definitely bear the influence of the art of Southwest Asia.

Among the articles made obviously in the fashion of Iranian art mention should be made of the zoomorphic images of the lion, gryphon, winged animals and also the motif of the sacred tree of life. The style and technique of reproducing the details of the zoomorphic images were borrowed by the Saka artists from their counterparts in Southwest Asia. Like the artists of Achaemenidian Iran, they stressed the smaller details of the body and the contours of muscles by dots, lines or tiny arcs.

Most probably, the Issyk relics will give a fresh impetus to the argument going on for years around the origin of the animal style in art.

In the opinion of the author of this book, even now that so many pieces of art have been unearthed in the Tolstaya, Gaimanovo and Kakhovka burial grounds, and also in the Issyk Mound, there are still too few facts proving the theory of a monocentric or polycentric origin of the animal style. Perhaps there can be no straightforward and categorical solution of this problem.

The book cites a few facts proving, in the author's view, that the Saka population of Kazakhstan had a developed social organisation with elements of a state system.

The amazingly rich Issyk Mound is the burial place of a Saka tsar. According to the author, the burial in the Issyk Mound took place in the 5th century B.C.

LIST OF CAPTIONS

ILLUSTRATIONS IN THE TEXT

1

The Issyk Mound before excavations. Diameter, 60 m; height, 6 m. 2

The wooden burial chamber. External dimensions, 3.3m x 1.9m; internal dimensions, 2.9 m X 1.5 m ; height, 1.3 m-1.5 m. 3

Partition logs of the burial chamber at the southern wall.

4

The burial chamber, the remains of the buried tsar and utensils.

5

The burial decorations and utensils after clearing up. Drawing.

6

Earthen and silver vessels at the western wall of the burial chamber.

7

The skull and golden plaques and plates worn on a head-dress.

8

The ounce-shaped plaque and a plate featuring mountains. 9

Protomes of winged horses with horns of a mountain goat, a decoration of the front part of a head-gear; round sculpture; goldcoated wood, 10 cm X 17.5 cm. 10

The human skeleton and golden plaques used as adornments of a caftan.

11

A golden necklet on jugular vertebrae (after the clearing-up). 12

Golden plaques worn on a caftan (fragment). 13

A bronze mirror surrounded by golden plaques sewn onto a handbag.

14

A golden strip, adornment of a whip handle. 15

Golden triangular plates used as a decoration of the top of high boots. 16

A figurine of an argali on a pedestal. 17

A protome of a winged horse with the horns of a mountain goat.

18

A plaque featuring an ounce and a mountain-shaped plate. 19

An ounce-shaped plaque. 20

A plaque imitating a lion's head. 21
A horse-shaped plaque. 22
A plaque made in the shape of a mountain
goat.
23
Sculptured birds. 24
A diadem. 25
A plate shaped as a small bird's wing. 26
A long wing-shaped plate. 27
A decorative plate. 28
A small figured plate. 29
A small figured plate. 30
A geometrically shaped plate.

31
An arrow-shaped adornment. 32
A plaque picturing a tiger's head (front view)
between horizontal bars.
33
A plaque picturing a tiger's head (front
view) between vertical bars.
34
A small triangular plaque. 35
A figured rectangular plaque. 36
A composite plaque. 37
Small plaques of various shape. 38
A cover-plaque reproducing a recumbent
deer.
39
A cover-plaque shaped as a deer's head. 40
The top of the dagger's handle. 41
A cover-plaque on a dagger sheath. 42
A belt-spreading plaque. 43
The handle of a sword. 44
A clasp made in the shape of a tiger's head. 45
A necklet. 46
A finger-ring with an oval disc. 47
A seal-ring picturing a man's head. 48
An ear-ring. 49
A mirror. 50
Remains of a whip handle. 51
The bigger silver bowl. 52
The smaller silver bowl. 53
A silver spoon. 54
The handle of a scoop. 55

A magician with a bunch of rods in his hand ; a votive plate, gold, the Amu-Darya treasure.

The British Museum, London. 56

A young man wearing a Scythian cap; clay, Khalchayan, Southern Uzbekistan; 1st cent. B.C.-1st cent. A.D. 57

A Scythian fixing a bow-string, a silver vessel discovered in the Kul-Oba Mound, North of the Black Sea; 4th cent. B.C. The Hermitage Museum, Leningrad. 58

Scythians having a talk, a silver vessel, the Kul-Oba Mound.

59

Scythians occupied with doctoring; a scene pictured on a vessel found in the Kul-Oba Mound. 60

A relief on the Behistun Cliff, Iran (the first from the right is a Saka named Skunkha). 61

Saka people bringing tributes; a relief of the temple of Xerxes in Persepolis, Iran.

62

A head-gear (reconstruction). 63

A head-gear (reconstruction), side view. 64

A caftan (reconstruction). 65

A scene of fighting Scythians reproduced on a golden comb; the Solokha Mound, North of the Black Sea, 4th cent. B.C. The Hermitage Museum, Leningrad. 66

A Scythian warrior, a fragment of the scene on the comb discovered in the Solokha Mound. 67

A boots (reconstruction). 68

A composite belt (reconstruction). 69

A Saka's dress (reconstruction by the author). 70

An inscription on a smaller silver bowl (a spread picture).

71

An inscription on a smaller silver bowl (tracing).

72

An inscription on a stone vessel; the Kara Torna burial ground on the Charyn River, Semirechye, 4th-3rd cent. B.C. Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences KazakhSSR. 73

An inscription on a stone (a spread picture), the Akasta I burial ground on the Kergen River, Semirechye, 4th-6th cent. A.D. Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences KazakhSSR. 74

A Semirechye altar, the general view. The Hermitage Museum, Leningrad. 75

A round lamp with figures of animals on one side; the village of Bukon, Eastern Kazakhstan.

The Omsk Regional Museum of Local Lore, Omsk, USSR.

76

A square lamp.

The Central Museum of Kazakhstan, Alma-Ata, USSR. 77

A figurine of a winged beast of prey, bronze. 78

A wooden horse, the Katanda Mound, the Altai mountain area.

The State Historical Museum, Moscow.

79

A part of a pectoral showing a horse with a foal and a cow with a calf; gold, 4th cent. B.C.; moulding and chasing, the "Tolstaya Mogila" mound.

The Historical Treasure Museum of the Ukraine, Kiev.

80

A bow adornment picturing goats and deer, a part of a bas-relief, gold, an incidental find, Ziwiye, Iran.

The Archaeological Museum, Teheran. 81

Sewn-up plaques picturing a deer, gold, 6th cent. B.C.; stamping, a mound near the village of Sinyavka.

The Historical Treasure Museum of the Ukraine, Kiev. •82

A plaque featuring a recumbent deer, gold,

6th cent. B.C., the 5th mound, Chilikty. The Hermitage Museum, Leningrad. 83

A plaque showing a recumbent deer, bronze, 6th cent. B.C., the Minusinsk Steppe, Southern Siberia, USSR.

The Hermitage Museum, Leningrad. 84

A plaque showing a recumbent deer, bronze, 6th-5th cent. B.C., Ordos.

The Museum of Art and Industry, Vienna.

85

A coiled beast on the knob of a sword handle;

gold, an incidental find, Ziwiye, Iran. The Archaeological Museum, Teheran. 86

Plaques shaped as a tiger's head (front view) between vertical bars; bas-relief, bronze, the 6th-4th cent. B.C.; an incidental find, village of Barskaun on the Southern shore of Lake Issyk Kul.

Frunze, the Institute of History of the Kirgiz SSR.

87

Plaques shaped as a tiger's head (front view) between vertical bars (third version); bas

relief, bronze, 6th-4th cent. B.C.; an incidental find on the Southern shore of Lake Issyk Kul.

Frunze, the Institute of History of the Kirgiz SSR.

88

Plaques shaped as arrow-heads; bronze, 6th-4th cent. B.C. ; an incidental find, village of Barskaun on the Southern shore of Lake Issyk Kul.

Frunze, the Institute of History of the Kirgiz SSR.

TABLES

Head-Dress

1

A golden diadem, 22 cm in diameter. Wing-shaped plates; gold, red paint; 8.1 X 2.8*. 2

Plaques made in the shape of a lion's head; bas-relief, gold, 2.2x2.6.

3

An ounce-shaped plaque and a mountain-shaped plate (reverse sides). 4

Plaques featuring ounces, mountain-shaped plates; bas-relief, gold, 7.2x8.5.

A plaque showing an ounce and mountains, and a mountain-shaped plate; bas-relief, gold, 5.2x7.6; 3.7x4.7.

Golden plaque with a bas-relief showing ounces; 5.5 x 3.7.

5

Plaques shaped as mountain goats; bas-relief, gold, 4.5x2.8.

A mountain-shaped plate; bas-relief, gold, 7.8x13.3.

Horse-shaped plaques; bas-relief, gold, 6.5x5.2.

6

A figurine of an argali on a pedestal ; round sculpture, gold, 1.6x1.9.

A clasp made in the shape of a tiger's head ; alto-relievo, gold, 1.8 X1.7.

7

Arrow-shaped decorations with wooden shafts.goldentipsand golden spiraled strips; 38-40x2. 8

A mountain-shaped plate with birds on trees (the original position reconstructed).

A plate bas-relief, gold, 7x13.

The trees are made of gold plated iron with golden branches; height 4.5.

The birds are made of gold plated wood; 3x3.5.

9

Decorative golden plates; 8x3.7, 7.5x3.6, 6x2.5, 5.5x4, 5x4.

10

Long plates reproducing a bird's wings; gold, red paint, 26-26.8x2.

11

Small decorative plates; gold. The dimensions of the larger ones are 8x2.6. 12
Geometrically shaped golden plates. Ornamentation is drawn with red paint; 17 - 17.2x2.

Clothes, a composite belt, footwear

13

Plaques showing a tiger's head (front view) between vertical bars; bas-relief, gold, 3.1 X 4.3. 14

A tiger's head (front view) between horizontal bars (a plaque); bas-relief, gold, 3.9x4.1.

*All dimensions are given in centimetres ; the height is followed by the width or length.

15

Rectangular plaques; bas-relief, gold, 2.2x 3.8.

16

Small plaques of different size and shape; gold.

17

Composite plaques consisting of a cone-shaped cap and a flat round base of the plate; gold, 2x3.2. 18

Triangular plaques; bas-relief, gold, 2.2 x 2. 19

Cover-plaques portraying a recumbent deer; alto-relievo, gold, 2.8x8.8.

20

A cover-plaque showing a recumbent deer (front and reverse sides).

21

A cover-plaque reproducing a deer's head; alto-relievo, gold, 3.1 x4.1.

Weaponry

22

The top of the dagger's handle imitating the heads of two gryphons; iron plated with sheet gold. 23

A part of the dagger's blade; the gold plate here is a decoration showing relief figures of animals. 24

A dagger and a sword; iron inlaid with gold. The length of the dagger is 48; the width of the blade, 7.7; the length of the survived part of the sword, 20; the width of its blade, 6.9. 25

Cover-plaques on the dagger's sheath; relief, gold; 5.5x13.4, 15.7x4.1.

26

Belt-spreading plaques; relief, cast gold; 2.8x2.4

27

Belt-spreading plaques (the side view and the reverse side).

Decorations

28

A necklet, a spiral with a sculptured head of a tiger at both ends; gold; diameter 13.

29

A part of the necklet. 30

A finger-ring with an oval disc; gold, height

2.3, diameter 2.5.

31

The disc of a seal-ring picturing a man's

head; gold, height 2.7, diameter 2.5.

32

A golden strip and remains of a shaft. Remains of a whip handle; 34x3. 33

A mirror and an ear-ring. The mirror is made of bronze (diameter 12.8), the ear-ring is made of gold, and the pendants, of turquoise; 3.1 X 2.4.

Crockery

34

Silver bowls and a spoon.

The smaller bowl; height 2.2, diameter 7.7.

The inscription on the bottom consists of two lines and twenty six symbols.

The handle of the spoon is made in imitation of a bird's neck and head; 16x3.8.

The bigger bowl; height 3.8, diameter 15.6.

35

The spoon handle; silver. 36

The bigger tray; wood 67.5 x 37.5. x 3. 37

The smaller tray and a scoop.

The tray; wood, 46x29x3.

The scoop; wood, the length of the handle is 25, diameter 9.5

38

Earthen jugs, made on a potter's wheel; height 17-20, diameter in the widest part, 12-14. 39

Earthen basins and a jug, made on a potter's wheel; clay, height 6-6.5, diameter 14-17.

Finds from other mounds

40

Plaques with a figure of a horseman; bas-relief, gold, 3.7x4.5. The Tenlik Mound on the Karatal River, Semirechye, 3rd-2nd cent. B.C.

Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences, KazakhSSR. 41

A baton-shaped article; gold plated iron; length 21. The Tenlik Mound on the Karatal River, Semirechye, 3rd-2nd, cent. B.C. Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences, KazakhSSR. 42

Small figured golden plaques; 2.1x1.5, 1.3x1, 1x0.9, 2x2. The Tenlik Mound on the Karatal River, Semirechye, 3rd-2nd cent. B.C.

Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences, KazakhSSR. 43

Figured plates.

Plates shaped as strips with triangular ends; gold, 1x15. Plates with a vegetative ornament, gold, 1.4x4.4.

The Tenlik Mound on the Karatal River, Semirechye, 3rd-2nd cent. B.C. Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences, KazakhSSR. 44

Ear-rings; gold, silver. Pendants made of cornelian, grain clusters and a chain; mounds on the Chilik and Charyn Rivers, Semirechye, 4th–1 st cent. B.C. Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences, KazakhSSR. 45

Pendants for ear-rings (gold) with cornelian insets are decorated with grain clusters; 3x7, 5.5x3.7; the mound on the Kegen River, Semirechye, 3rd-5th cent. A.D. Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences, KazakhSSR. 46

An ear-ring with a chain pendant, gold; 7.2. The mound on the Chilik River, Semirechye, 4th-3rd cent. B.C. Alma-Ata, the Museum of Archaeology, Academy of Sciences, KazakhSSR.

СОДЕРЖАНИЕ

5 Введение

10 Раскопки и находки

Курган Иссык. Общие данные (10) Предметы искусства, оружие, посуда. Описание находок (24) Иссык и проблема хронологии (32)

40 Реконструкция и реставрация

Обряд и обычай (40) Реконструкция костюма (43)

53 История и искусство

Общество и письмо (53) Этническая атрибуция (61) Образы и стиль (64)

74 Заключение

79 Ссылки на литературу

81 Литература

83 Таблицы

126 Список иллюстраций

128 Summary

129 List of captions

Акишев Кималь Акишевич

КУРГАН ИССЫК

Редактор

Р. В. Тимофеева

Технический редактор

Н. И. Новожилова

Корректурa слайдов

С. И. Кирьянова

Художник-график

Ю. П. Обросов

Корректор

Н. Г. Шаханова

Сдано в набор 5/1-77 г.

Подписано в печать 5/ХІ-76 г. А /4385.

Формат бумаги 70х90^{1/8}.

Бумага мелованная. Гарнитура 262.

Аецать высокая.

Усл. печ. п. 19,305. Уч.-изд. п. 17,91. Тираж 25000 экз. Изд. № 1171.

*Заказ 005814 Цена бр. 30 к. Издательство «Искусство», 103009 Москва,
Собиновский пер., 3 Типография Фортшритт Эрфурт - ГДР*

